

**85 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НАРОДНОГО ПОЭТА КАЛМЫКИИ
ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА**

**ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ
ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА –
ПОЭТА, ФИЛОСОФА И ГРАЖДАНИНА**

материалы международной
научной конференции

**17-21 апреля 2007 г.
Элиста**

Правительство Республики Калмыкия
Федеральное агентство по образованию
Калмыцкий государственный университет
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

**ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ
Д. КУГУЛЬТИНОВА – ПОЭТА,
ФИЛОСОФА И ГРАЖДАНИНА**

*Материалы международной научной конференции,
посвященной 85-летию Д.Н. Кугультинова*

Ф423 «Феномен личности Д. Кугультинова – поэта, философа и гражданина», международная науч. конф. (2007; Элиста). Международная научная конференция «Феномен личности Д. Кугультинова – поэта, философа и гражданина», 18-19 апреля 2007 г. [Текст]: [посвящ. 85-летию Д.Н. Кугультинова: материалы] / редкол.: С.М. Трофимова [и др.]. – Элиста: КалмГУ, 2007. – 244 с. – В надзаг.: Правительство РК, Федеральное агентство по образованию, Калм. гос. ун-т, Калм. ин-т. гуманитарных исследований РАН.

ISBN 5-230-20287-4

Материалы международной научной конференции, посвященной 85-летию Д.Н. Кугультинова, включают доклады пленарного заседания, а также доклады и сообщения, сделанные на секциях: общественно-политический аспект деятельности творческой личности, актуальные проблемы литературы и фольклора, язык и культура в полиэтнической среде.

Работа предназначена для широкого круга читателей, интересующихся творчеством Д. Кугультинова и вопросами языка, культуры, литературы и фольклора.

Редакционная коллегия:

Трофимова С.М., проф. (отв. редактор), Имеев В.О., доц.,
Рассадин В.И., проф., Пюрвеева Н.Б., проф.,
Жамьянова М.З. – тех. секретарь

Тезисы докладов публикуются в авторской редакции

ВЕЛИЧИЕ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА – ПОЭТА, ФИЛОСОФА, ГРАЖДАНИНА

В эти дни общественность Республики Калмыкия отмечает юбилей 85-летия со дня рождения народного поэта Калмыкии Давида Никитича Кугультинова, величие феномена харизматической личности которого невозможно переоценить. Сам поэт немного не дожил до этой даты, в связи с чем нынешний его юбилей носит несколько печальный оттенок. Все мы глубоко скорбим по поводу безвременной кончины великого поэта и гражданина – подлинной гордости не только калмыцкого народа, нашей республики, но и всей России. Отмечая этот славный юбилей нашего народного поэта, мы не можем не вспомнить с чувством большой благодарности и великой гордости об основных вехах его жизни, основных гранях его яркого самобытного таланта и об основных достижениях его творческой деятельности, о его беззаветном служении своей Родине и своему народу.

Как и у всякого глубоко одаренного человека уникальный талант Кугультинова был по настоящему многогранен. Давид Никитич был и поэтом, и философом, и общественным деятелем, и большим искренним патриотом не только нашей общей Родины – России, – но и своей малой Родины Калмыкии, о судьбе которой и ее жителях, калмыках, он искренне и глубоко переживал и старался в течение всей своей долгой жизни сделать все возможное и невозможное, чтобы помочь своей республике и своему народу. Всей своей жизнью, посвященной им верному служению своему народу, всем своим творчеством, всей своей общественно-политической деятельностью, направленной им на благо республики и народа, он доказал преданность своему народу, верность его лучшим идеалам и стремлениям, снискав в ответ искреннее и глубокое его почитание, завоевав подлинную всенародную любовь, став настоящим народным поэтом. Все мы не перестаем удивляться и поражаться величию жизненного подвига Давида Никитича, величию феномена его творческой личности, его харизме.

Поэтический дар Кугультинова, помогавший ему по-особому видеть, воспринимать и отражать в своем творчестве окружающий мир, является самой

яркой гранью его многостороннего таланта. Этот дар проявился у поэта-самородка довольно рано, еще в юношеском возрасте. Уникальный юный талант был признан и по достоинству оценен еще в 1940-м году, когда он, 18-летний юноша, самый молодой член Союза писателей СССР опубликовал свою первую книгу – поэтический сборник «Стихи юности», в которой, наряду с лирикой, поднимает тему великой дружбы народов нашей страны, тему патриотизма и интернационализма. Этой теме поэт оставался верен до конца своих дней. Все его последующие самобытные произведения, а это многие десятки книг, поэтических сборников, воплощали передовые прогрессивные идеи нашего времени, знаменовали собой расцвет калмыцкой литературы. Его выразительные, отличающиеся афористичностью мысли, глубокой связью с фольклором стихи проникнуты жизнеутверждающим пафосом, гражданственностью, воспитывают в читателе чувство ответственности перед Родиной, своим народом, служат делу мира.

Поэтические циклы Давида Кугультинова «Жизнь и размышления», «Душа слова», поэмы «Сар-Герел», «Бунт разума» и ряд других его произведений переведены не только на русский язык, за что мы глубоко благодарны его талантливым переводчикам, но и на языки братских народов нашей страны, звучат на многих иностранных языках.

Не ослабев и не угаснув, этот его уникальный дар с годами только креп и мужал, набирая силу. В этом уникальность его поэтического дарования, позволившего поэту создать настоящие шедевры не только в юные и зрелые годы, но и на склоне лет, когда подлинно одаренный человек намного острее воспринимает жизнь и глубже ее понимает.

Особенностью поэтических произведений Давида Кугультинова является то, что в своих стихах он старается не только передать лирический настрой и восхищение жизнью при восприятии им окружающего мира, как это обычно делает большинство поэтов, но и выразить боевой дух несгибаемой личности, его волю к жизни, сам ритм этой современной ему жизни, биение ее пульса.

Его поэтическое творчество, в свою очередь, тоже весьма многогранно. Давид Никитич был разносторонним поэтом. Среди его стихов мы находим не только чисто лирические, но и стихи-размышления философской направленности, патриотические стихи, стихи о судьбе калмыцкого народа и т.п.

Поэту выпала трудная жизнь, сложная судьба, не раз ввергавшая в пучину бедствий, ставя порой на грань жизни и смерти, словно испытывая характер и тем самым закаляя его. Общеизвестно, что по-настоящему сильная личность, преодолев силой своего духа выпавшие по воле судьбы все испытания невзгодами, выходит из этой борьбы несломленной, еще более окрепшей и закаленной. Давид Никитич всей своей судьбой и прожитой им жизнью доказал справедливость данного тезиса.

После испытанного им в юные годы триумфа и заслуженной славы как состоявшегося поэта наступил 1941-й год. 22 июня 1941 г. фашистские орды вторглись на территорию СССР. Началась Великая Отечественная война. Молодой поэт не остался безучастным к судьбе Родины и, исполняя свой патриотический долг, уходит на фронт в качестве офицера-политработника 252-й Харьковской дивизии, участвует в освобождении Украины от фашистских оккупантов. Но настал 1943-й год, а с ним и насильственная депортация калмыцкого народа в Сибирь. Давид Никитич разделил судьбу своего народа. В 1945 году он был арестован за свои стихи, в которых осуждал несправедливость, геноцид по отношению к родному народу. Д.Н. Кугультинов был сослан на Крайний Север в г. Норильск.

Будучи сильной личностью, Кугультинов не был сломлен ударами судьбы. Он выжил в огне сражений Великой Отечественной войны, дышал ядовитыми парами на Норильском никелевом комбинате, находясь за колючей проволокой Норильского государственного особого режимного лагеря на вечной мерзлоте Крайнего Севера возле Ледовитого океана. Здесь он тоже выжил. Сталинская тюрьма – «Архипелаг Гулаг» – стала для молодого поэта подлинным «университетом жизни». Брошенный в застенок, на себе познавший безжалостную несправедливость сталинского тоталитарного режима он не отчаялся и не сломился, сохранил в себе силу духа, душевную доброту, честь и благородство. Суровая жизненная школа лишь закалила его характер, сделала ясным его ум.

Имя Кугультинова всегда вызывает восхищение, поскольку ассоциируется не только с жизненным подвигом, но и с непрерывными усилиями обновления и развития калмыцкой культуры. Он сознательно поставил свой талант и общественный темперамент на службу народу. В этом состоялся его своеобразный гражданский подвиг во имя просвещения народа. Это стало смыслом всей его жизни. Ныне само время высветило смысл этого подвига и подтвердило справедливость активности его жизненной позиции.

Помимо стихов известны также прозаические произведения Давида Кугультинова, представляющие собой публицистические очерки, в которых он рассказывает о своих зарубежных встречах, о насущных животрепещущих проблемах родного края, таких, например, как катастрофически ухудшающаяся экология республики.

Особое место в творчестве Д.Н. Кугультинова занимает калмыцкий фольклор, обогативший его эпическую поэзию. Из фольклора черпал поэт сюжеты для своих философских поэм-сказок, таких, как «Золотое сердце», «Песнь чудесной птицы», «Равные солнцу», «Сар-Герел», «Время-повелитель» и др. В этих произведениях поэт талантливо использовал традиции фольклора, переосмыслив их в свете ключевых проблем современности.

Следует особо отметить, что «... поэзия Давида Кугультинова, – как справедливо сказал в одной из своих статей профессор В.Д. Пюрвеев, исследователь творчества поэта, – выросшая из национальных корней, наиболее полно воплотила в своем поэтическом гении духовное богатство калмыцкого народа и своеобразно преломила наследие мировой культуры, благодаря глубоким идеям, мыслям, прозрениям. Поэт создал новую неповторимую поэтическую традицию, которая представляет собой явление многообразное и одновременно целостное».

Кроме творческой литературной деятельности, Кугультинов вел на протяжении всей своей жизни активную общественно-политическую работу. Уже в юные годы, в самом начале поэтической карьеры, еще до войны, за свои талантливые стихи он был избран членом Союза писателей СССР, впоследствии он неоднократно избирался на разные должности в правления Союза писателей СССР и РСФСР, возглавлял Союз писателей Калмыкии, был членом различных общественно-политических обществ. С 1988-1990 гг. был первым заведующим кафедрой калмыцкой литературы КГУ, с 1993 г. возглавлял Совет старейшин при Президенте Республики Калмыкия.

Многолетний неутомимый творческий и общественно-политический труд Давида Никитича был признан народом и по достоинству оценен правительством. Неоднократно ему были присуждены государственные премии за его литературные произведения. Так, в 1967 г. он был удостоен Государственной премии РСФСР, в 1976 г. – Государственной премии СССР, в 1982 г. получил премию журнала ЦК ВЛКСМ и др. Был награжден рядом правительственных наград: в 1972 г. – орденом «Трудового Красного Знамени», 1982 г. – орденом Ленина, 1984 г. – орденом Дружбы народов. В 1990 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот», в 1997 г. награжден орденом «За заслуги перед Отечеством III степени», в 2000 г. награжден грамотой Академии российской словесности и медалью «Ревнителю просвещения» в память о 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина и в этом же году был удостоен высшей награды Ассоциации народов России – золотой медали «Дружба народов – единство России». Неоднократно Д.Н. Кугультинову вручались Почетные грамоты, дипломы, в 1996 г. именем «Кугультинов» под № 2296 была зарегистрирована малая планета Галактики, открытая американскими астрономами. Д.Н. Кугультинов был избран почетным профессором Калмыцкого и Бурятского госуниверситетов.

Народный поэт Калмыкии Давид Никитич Кугультинов, будучи яркой самобытной одаренной личностью с активной жизненной позицией, прожил не менее яркую долгую творческую жизнь, снискав уважение, почитание и любовь калмыцкого народа, став его подлинным духовным лидером и национальной гордостью.

Мы все искренне преклоняемся перед величием личности Давида Никитича – народного поэта Калмыкии, – самобытным и ярким талантом которого восхищается весь мир, глубоким философом, истинным гражданином и патриотом своей Родины. Весь его жизненный путь, вся его творческая и общественно-политическая деятельность, высоко оцененные правительственными наградами и признанные народом не только Калмыкии, но и всей России, являются ярким примером беззаветного служения Родине и своему народу, подлинным примером для подражания подрастающим поколением. Светлая память о нем, о его творчестве, ярком самобытном таланте сохранится на века в памяти народа.

*С.И. Эфендиев,
Кабардино-Балкарский госуниверситет, г.Нальчик*

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ И МИРОВАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

На каждом историческом этапе развития культуры любого народа проявляется духовный взрыв в генотипе пассионарного характера и этнокультурного феномена. Это объективная закономерность исторического процесса, которая проявляется всегда в жизни этноса. Таковым был Давид Кугультинов в истории духовной культуры калмыцкого народа. Своим творчеством он оказал огромное влияние на умы и мировоззрение творческой и научной интеллигенции своего народа и стал национальным символом. Поэт – мыслитель всю жизнь был тесно связан со своим народом, воспел неповторимую красоту родной природы: цветение весной тюльпанов, перелет диких лебедей, пение в степи жаворонков, ржание коней, ночное звездное небо. Все это было великой панорамой для творческого воображения. Так, в пейзажной лирике 1939-1940 гг. поэт часто прибегал к поэтическому образу весны в родной степи. В стихотворении «Весенняя ночь» он писал: /Весенней ночи теплота/Над нашей степью разлита./Простор прозрачен и далек./Порою легкий ветерок./Слетев с подзвездной высоты,/Колышет сонные цветы,/Ковыль волнует молодой.../(Перевел Д. Бродский).

Для Давида Кугультинова этноприрода была средством художественной правды и раскрытия национального характера, который он воспел в своих лирических произведениях и поэмах: «Явление слова», «Бунт разума», «Ноги», «Большой театр», «Восхождение», «Шахматист», «Убийство в церкви», «Поэт, Любовь и Бог».

Давид Кугультинов вошел в систему мировой художественной культуры благодаря своим бессмертным стихам и многочисленным поэмам, созданным на национальной почве родной земли, в большинстве которых воспета бескрайняя, необозримая степь. Изучая его стихи и поэмы, исследователи познают и осмысливают глубины этнофилософии и этнокультуру калмыцкого народа. В его поэзии широко отражены богатство духовности талантливого калмыцкого народа, глубокая привязанность к родовому корню, любовь к своим землякам и ко всему миру. Ч. Айтматов писал о творчестве Д. Кугультинова: «...Высокий уровень интеллектуальности, психологическая обусловленность мысли сопрягается в его творчестве с простотой, со зримой земной вещественностью, лирические движения души – с мощным эпическим потоком его поэзии. Оставаясь верным особенностям национального мировосприятия, Кугультинов в то же время поднимается к глобальному мышлению человека XX века, достигая в своей поэзии «стереофонического» изображения больших и малых величин – человека в огромном мире и весь мир в отдельном человеке» [Кугультинов, 2002, с.52].

Поэзия Д. Кугультинова – это непреходящая страница духовной культуры калмыцкого народа. Он является его интеллектуальной, духовной вершиной. Именно этот поэт расширил геокультурное пространство калмыцкой литературы, которая вошла в систему мировой художественной культуры. В этом заключается неопределимая заслуга Д. Кугультинова как национального гения калмыцкого народа. Без его имени невозможно представить современную мировую художественную литературу. Несмотря на то, что поэт прошел ужасы ГУЛАГа на суровом севере Норильска вне системы «координат» общественно-политической и культурной жизни, он никогда не падал духом, всегда имел целеустремленность, мужество и стальную волю, глубокую веру в торжество справедливости. Без этих качеств Д. Кугультинов не смог бы сохранить себя как личность и свой могучий талант, данный ему Природой и Богом.

После возвращения из ссылки на родину его талант всесторонне раскрылся: он стал известным общественно-политическим деятелем Советского Союза, долгие годы был депутатом Верховного Совета СССР, горячо и искренне выступал по актуальным проблемам истории культуры и совершенствования общественного строя. Так, в одном из своих последних приветствий на Шестом съезде Международного сообщества писательских союзов «Служить добру и свету» поэт писал: «Я с большой радостью приветствую всех, кто прибыл на этот съезд. Мы никогда не были разъединены... Я очень хотел бы на объединенном съезде услышать своих мудрых друзей, увидеть тоску в их глазах оттого, что мы так долго не виделись, и радость за то, что мы все-таки есть. Я знаю, что отсутствие кого-то не делает съезд менее значительным, но отсутствия писателей могут дойти до души и сердец наших многомиллион-

ных читателей, которые вспомнят, что хотя перья – не из золота, но бывают мощнее золота, потому что они служат Добру и Разуму» [Свет в степи. 2006. №1. С. 2]. Поэт особо подчеркнул, что идет забвение имен многих великих прозаиков и поэтов, композиторов, художников и других деятелей культуры. В результате этого идет утрата духовно-нравственных ценностей. «Я не хочу, – писал он в этом «Приветствии», – чтобы живые завидовали тем, кого нет, и не называли их имена. Но я знаю: наша литература велика в своем единстве при различии взглядов, манер и характеров. Впрочем, таков народ, а мы – часть народа» [Там же]. Эти слова великого калмыцкого поэта звучат для наших современников как духовно-нравственное завещание. Эта же мысль прошла в финальных строках стихотворения «От правды я не отрекался»: /Ни денег я не приобрел,/ни славы,/Но/ вышею наградой/ дорожил/И рад,/ что в многотрудной жизни/ ПРАВО/На эти строки/ честно заслужил./ (Перевела Ю. Нейман).

Творческое наследие Д. Кугультинова – это огромный духовный пласт в истории многонациональной литературы России, СНГ и дальнего зарубежья. Это почти неисследованная проблема. Она требует глубокого социально-философского осмысления, взаимодействия и взаимопроникновения культур братских народов.

В 1959 году 12 октября проходило выездное заседание Бюро правления Союза писателей РСФСР в г. Нальчике. Здесь выступил Д. Кугультинов. Он сказал: «Горские поэты в своих выступлениях не раз с гордостью говорили о том, что их родина воспета А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым. Горы Кавказа вдохновляли Музу гениальных певцов. Известный поэт-переводчик Семен Липкин в своем выступлении позавчера очень точно сказал, что в былые времена Кавказ был объектом поэзии, сейчас он стал субъектом. Горы Кавказа великолепно воспевают в своих стихах и поэмах К. Кулиев и А. Кешоков. К этим словам мне хочется добавить лишь то, что Кавказ пленил умы не потому, что горы поэтичны и великолепны, а потому, что в горах витает свободолюбивый дух гордых и мужественных народов. Горы Кавказа красивы, укрощенные духом народов гор. Мы только вчера были в городе Тырнаузе и видели на огромных высотах героев, которые одухотворяют, символизируют нынешний Кавказ.

Солнце поэзии Пушкина освещало не только седые вершины Кавказа, но и солнечные долины Калмыкии. Мне кажется, что нынешнее заседание Бюро правления Союза писателей РСФСР является прекрасным, исполненное прощеских слов из «Памятника» Пушкина: /Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,/ И назовет меня всяк сущий в ней язык,/ И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий /Тунгуз, и друг степей калмык./ [Архивный центр новейшей истории КБР, ф. 693, оп.1, ед. хр.249, л. 83-84].

Д. Кугультинов внес огромный вклад в развитие многонациональной литературы России и СНГ, в укрепление дружбы и братства между народами. Он занимает в истории мировой художественной культуры достойное место. Жизнь поэта – это целая историческая эпоха. С уходом из жизни поэта мировая культура понесла невосполнимую утрату.

Отдавая дань глубокого уважения великому поэту Калмыкии, его современники, общаясь с ним, испытывали огромную радость от встреч с поэтом, так как он был для них феноменальной личностью. Он, как магнит, притягивал к себе людей, от него шли биотоки, согревающие людей теплом. Поэт оставил огромное духовное наследство. Своей поэзией он открывал людям мир. Муза его бессмертна. У Д. Кугультинова есть стихотворение «Завещание», в котором он сказал о своем сокровенном и личном, о любви к людям и всепобеждающей жизни: / Где бы, какими пути мои ни были,/ По чужой ли, по нашей земле,/ По железной дороге, по небу ли –/ Ты со мною – всегда, ты – во мне./ Нарастают пространства великие,/ От тебя я безмерно далек –/ Но внезапно лик твой, Калмыкия,/ Точно малый блеснет огонек./

Литература

Кугультинов Д. Собрание сочинений: в 3-х т. Т.1. – Норильск, 2002.

• • •

В.Д. Пюрвеев,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

ГАРМОНИЯ ДУШИ И ДАРОВАНИЯ (ЛИРИКА Д. КУГУЛЬТИНОВА)

В истории калмыцкой поэзии ни один поэт не показал так ярко своей духовной сущности и вместе с тем сущности вечного человека, как Давид Кугультинов. Раздвинув границы духовного мира нации, он заслужил право быть в ряду в тех, чьё поэтическое наследие принадлежит не только калмыцкому народу, но и всему человечеству. Величием его личности возвеличивается нация и человечество.

Уникальна жизнь поэта, которого называли вундеркиндом. В 18 лет он издал свою первую книгу, получившую высокую оценку А. Фадеева, А. Суркова, Б.Басангова, Ц. Леджинова, его старших современников. Пройдя войну и 10 лет в государственном особом режимном лагере Норильска, он не менялся, как говорили в свое время, вместе с линией партии, а оставался нравственно в сфере своих великих учителей: Пушкина, Толстого, Шолохова, – т.е. защитником униженных и оскорблённых, к какому бы народу они не принадлежали. Удивительно, те идеалы, во имя которых он прошёл через современный

ад и чистилище, он продолжал развивать во всех своих многочисленных книгах, собраниях сочинений, изданных на разных языках, и после освобождения, реабилитации. Будучи депутатом Верховного Совета СССР, членом Президиума Верховного Совета СССР, в своих многочисленных выступлениях он был тем же, кем оставался, будучи автором сочинений, получивших мировое признание. В его выступлениях получали поддержку великие правозащитники народа: А.Д. Сахаров, Д.С. Лихачев. Высокую оценку творчеству Д.Н. Кугультинова давали и А. Твардовский, и К. Симонов, и С. Михалков, и М. Шагинян, и В. Вознесенский и др. Произведения калмыцкого поэта получили самую высокую оценку признанных мастеров мировой литературы, таких, как лорд Чарлз Джонстон – выдающийся английский поэт, блестяще переведший роман «Евгений Онегин» А. Пушкина, поэт, пушкиновед, профессор Токийского университета Еникава и мэтр г. Хиросимы Такеси Арака.

Произведения Д. Кугультинова находят отзыв во многих видах мирового искусства. По мотивам его произведений созданы монументальные скульптурные работы из мрамора художниками России, Японии, Болгарии, Армении, а также музыкальные произведения композиторов разных стран. Его произведения изданы на всех языках мира.

Норильский никелевый комбинат, которому поэт отдал десять лучших лет своей жизни, физически работая в условиях вечной мерзлоты, на свои средства издал «Собрание сочинений» Д. Кугультинова, отдавая дань мужеству поэта и высоте человеческой нравственности. Самую высокую оценку жизни и деятельности Д. Кугультинова, как великого сына калмыцкого народа, одного из крупнейших поэтов-мыслителей современности, мудрого и мужественного человека, кто своей жизнью и творчеством утверждает неизбежность единства истории своего народа с историей великой России, высказали выдающиеся политические деятели М.С. Горбачёв, Б.Н. Ельцин, В.В. Путин. В одном из документов, подписанных Президентом России Б. Ельциным, в числе писателей, внесших вклад в развитие российской и мировой культуры, названо имя поэта Д. Кугультинова. Он награжден золотой медалью Ассамблеи народов России «Дружба народов» (1999).

Д. Кугультинов – признанный в стране и за рубежом, выдающийся поэт современности, оразивший в своем творчестве коренные социальные и духовно-нравственные проблемы эпохи. Где бы не звучали его стихи: под сводами Св. Петра в Палермо, среди вечной мерзлоты Заполярья, под калмыкими лучами Африки, в храмах Индии, на берегах Темзы или в родной Калмыкии, они как песня горя и радости понятны и близки всем. Планета №2296 под именем «Кугультинов», зарегистрированная в Смионовской астрофизической обсерватории (США), несет на себе знак большой российской Поэзии в Космическом пространстве. Д.Н. Кугультинов являлся членом комиссии по Государственным премиям Президента России по литературе.

Д.Н. Кугультинов всей своей жизнью и творчеством утверждает неизбежность единства истории своего народа с историей великой России.

Освещённые светом таланта, книги Д. Кугультинова обогатили духовный мир калмыцкой культуры, определили новые перспективы развития калмыцкой поэзии, стали лирико-философской энциклопедией малого народа. В этом заключается их исключительное значение в истории мировой культуры.

Сердечная, мудрая, человеческая поэзия Д. Кугультинова надёжно служит делу единения литератур и культур, делу утверждения дружбы и братства между народами.

Т.Н. Рябченко, Д.С. Рябченко,

Невинномысский ин-т экономики, управления и права, г. Невинномысск

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ НАРОДА

Развитие общества, культуры межкультурного и межконфессионального взаимодействия базируется на мультиплицированном диалоге, скорее на многофункциональном полилоге. При всей противоречивости и разноплановости философских школ и направлений стран и регионов все больше выделяется их общая определенность и взаимодополняемость [Колесников, 2000, с.11]. Культура XX в. разнообразна, в целом отражает постмодернистский менталитет, мозаику ценностных представлений и ориентаций. Сегодня уже можно говорить о новой современной философской, поэтической традиции, региональной литературной школы Д.Н.Кугультинова.

Национальное достояние народа – это общая духовность, общая судьба, общая память, объединяющая всех жителей республики, – это не что-то неопределенно – отвлеченное, живущее вне нас, это то, что служит присвоению звания «национальное достояние», – это дань таланту и мудрости, благодарность за великолепные стихи, за большой вклад в литературу, гордость и восхищение той частью созидания, которая, запечатлевшись в стихах, вызывает уважение к прошлому. В 1920 г. в организации и становлении художественной литературы Калмыкии первых лет сыграли роль Бадма Майоров, Хонин Косиев, Гуляш Дорджиев и др. К 20-летию Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики Госкомиздат выпускает сборник «Поэты Калмыкии», в котором печатаются стихи: Аксена Сусеева, Басанга Дорджиева и др. Переводы стихов выполнены Д. Бродским, Ойсралендером и С. Липкиным. В 1927г. был издан следующий сборник стихов и рассказов калмыцких писателей «Сэни экин» («Начало хорошего»), редактором которого был один из первых авторов Бадма Майоров. Второй период развития литературы

Калмыкии можно отнести к концу 30-х – середине 40-х гг., поскольку издания писателей Калмыкии относятся к этому времени. В это время необходимо выделить в плеяде первых советских писателей поэта и публициста Ц. Леджинова. В 30-е гг. были выпущены первые его стихи, которые печатались в газете «Тангчин зэнг», а в 1932 г. выходит сборник двух поэтов – Ц. Леджинова и К.Эрендженова под названием «Великая победа». Тема гражданственности стала ведущей для многих поэтов Калмыкии: Л.Инджиева, Э. Кектеева, Д. Кугультинова, Б. Басангова. Но основным звеном в разработке и творческом осмыслении военной тематики стала тема войны, которая долгий период оставалась центральной в творчестве многих поэтов республики: Д. Кугультинова – «Высота», «Воспоминание», «Через Днепр», поэма «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом» (1966), в которой происходит сопоставление Вьетнамской с Великой Отечественной войной, и другие. Автор исходил из твердого убеждения о непреходящем значении человеческой культуры, которая служит объектом исторического познания в истории судьбы человечества, народов, государств в объективно-реальном изменчивом мире, когда перед наукой встает новая задача-осмысление природы всей полноты исторического знания. Смысл жизни человека и цель его прихода в этот мир учат любви и уважению к прошлому.

Поэзия Д.Н.Кугультинова – национальное богатство уникальной калмыцкой культуры и истории, ее сути, ее смысла, гордости и восхищения беспредельной глубиной и философским содержанием.

Литература

Колесников А.С. Современная философия и диалог культур на пороге третьего тысячелетия // Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге третьего тысячелетия. – СПб.-Элиста, 2000.

Н.Д. Санджиев,

Министерство культуры РК, г. Элиста

У ВСЕХ, КТО ТРУД СВОЙ ПОЛЮБИТЬ СУМЕЛ... (О ПОЭТИЧЕСКОМ ТРУДЕ Д. КУГУЛЬТИНОВА)

О чем всегда писало человечество? О чем больше всего написано книг? Видимо, все же о любви, о войне, о труде. Думали о смысле жизни, думали о назначении человека, о добре, о зле, писали об этом.

Калмыцкой литературе традиция изображения труда досталась в наследство. Была и есть такая традиция. Издревле труд – это, прежде всего, труд творческий, освещенный огнем вдохновения – предмет поэзии: /Единая радость – ра-

бота./В полях, за станком, за столом./Работа без лишнего счета,/Работа до жаркого пота, – /Все счастье Земли за трудом!/ – утверждал Валерий Брюсов.

Давиду Кугультинову удалось по-своему и весьма впечатляюще раскрыть вечную тему. Читая его стихотворения, посвященные труду, испытываешь чувство, хорошо понятное каждому, кто знаком с напряженной деятельностью ума. Автор сопоставляет труд поэта с другими видами деятельности, но в то же время «себя в этот миг со стыдом наблюдателем чувствует лишним». / Но когда за рабочим столом/за мгновение мир облетая,/я сижу над заветным стихом,/стройность формы ему придавая,/времена, незнакомые мне,/приближая, читаю как книгу,/и беседу веду в тишине/со странною моею великой, – /и вхожу по рассветной росе/в бытие, словно гость неприметный,/я такой же работник, как все,/я такой же хозяин вселенной./

Нет точных канонов, по которым создаются художественные произведения. Но одно несомненно: нельзя рассказать о жизни твоего поколения, твоего народа, если его жизнь не была твоей жизнью, а его дела не были твоими делами.

В стихотворении «Время и желание» Давид Никитич размышляет о жажде труда/Летит за годом год,/и звездны календарные дороги./Делам людским незримый счетовод,/подводит время точные итоги./

Лирике Кугультинова 50-х годов прошлого века характерны сдержанная эмоциональность, которая определена не только личным опытом поэта, но и возмужанием самого времени, опытом пройденных страной дорог. Испытания народные стали испытаниями литературы. Они-то и придали зоркость поэтическому глазу Давида Кугультинова и глубину его чувства ответственности за все, что происходит в жизни во имя грядущего: /Я знаю твердо: сбудутся мечты,/я различаю сквозь двадцатилетье/грядущего прекрасные черты./Я с ним в родстве. Я за него в ответе./И нашу кровную скрепляющую связь,/моею жизнью с ним сейчас делюсь./Так наши деды завещали нам:/во имя будущего – нашей были – /они делили тоже пополам/всю жизнь свою. И так нас одарили,/что мы теперь, из года в год/истории диктуем ход./

Возвышенный строй, образы, широта сопоставлений не оставляют равнодушным читателя, потому что у поэта тяга к сотворчеству с читателем, расчет на немедленное и активное влияние художественного слова.

Но время мчится, унося с собою возможности отдельного индивидуума. С болью душевной смотрит поэт на неумолимые часовые стрелки. /Звучит «тик-так» порою, как укор,/уж лучше б сроки превратились в шпоры!/Как мало совершил я до сих пор/а предо мной задуманного – горы./

И поэт, чтобы свершить задуманное ставит перед собой задачу «сон свой сократить» и заканчивает стихотворение мажорным возгласом: «стал отдых мой короче»./Я верю: клетки сердца не умрут,/они при жизни переходят в

труд.../У всех, кто труд свой полюбить сумел, – /по капле, понемногу, по крупице, – /в дела земные сердце воплотится, /останется в живом бессмертье дел.../

Сердце Давида Кугультинова всегда было полно любви к начинающим литераторам и заботу его познали многие поэты и писатели сегодняшнего времени/Дайте, дайте первую удачу,/пусть в себя поверит человек./Пусть в приливе радости горячий/ощутит себя потомком всех,/кто творил, кто сделал мир богаче. /Дайте, дайте первую удачу!//

Но не только собственный взлет, не один личный успех – цель и содержание первой удачи. Главный смысл – общее счастье людское. Поэт призывает: /Когда к тебе в желанный год/придет заслуженно удача,/и ты легко шагнешь вперед,/в чужих глазах так много знача, – /о людях забывать не смей/и счастьем одели друзей./

Таков закон поэзии Давида Кугультинова. И постоянное качество поэзии судьбы народной.

Литературе дано остановить мгновение и сделать его вечностью «Будем серьезно смотреть на наше назначение в жизни» – сказал когда-то мне Кугультинов, – если литература талантлива, если это... искусство, то оно создает не только духовный портрет человека, но помогает человеку и обществу осознать самих себя. А это очень важно во все времена. Это необходимо и человеку и человечеству».

В.Р. Чагилов,

Невинномысский гос. гуманитарно-техн. ин-т, г. Невинномысск

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ И ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Давид Никитович Кугультинов – одна из ярчайших представителей мировой культуры столь драматического XX столетия. Его творческое наследие еще длительное время будет оставаться предметом полидисциплинарных гуманитарных исследований, а идеи, гуманистические проекты и надежды – находить своих последователей.

Кугультинов в отведенный временем и судьбой период жизни явился свидетелем и активным участником судьбоносных, как для его народа, страны, так и для мира, процессов культуры. Размываемые новейшими тенденциями общечеловеческие ценности, процесс дегуманизация культуры отзывались в его сердце болью и искренним негодованием. Его великая поэзия, философские размышления, активная политическая деятельность повсеместно утверждали ценность человеческой жизни и любви.

XX столетие было ознаменовано мощными этнокультурными процессами, изменявшими не только привычный для многих народов быт, характер хозяйствования, но и критические для сохранения культурологической особенности внутренние параметры идентичности. Сохраниться в стремительно изменяющемся мире, не раствориться в обезличивающих особенностях народа стандартах модерна и постмодерна стала важнейшей задачей малых этносов России. Для калмыцкого народа новая культурная ситуация была трагически осложнена насильственной депортацией в годы войны, ставшей реальной угрозой физического исчезновения этноса. Потребовались огромные, прежде всего, духовные силы, чтобы не только выжить, но и не надломиться в историческом шествии народов. Давид Кугультинов стал одним из ключевых духовных ресурсов калмыков. Возможно, в этом и состоялась его величайшая миссия.

В процессах воспроизводства этнической идентичности, ее постоянного во времени и в пространстве самоконструирования особая роль принадлежит интеллектуальной, а в широком смысле духовной элите народа. Именно она в самых разнообразных формах духовного производства создает и воссоздает ядро структуры идентичности, ее специфический культурный код – систему ценностей. Она своими текстами создает систему смыслов, семантику взаимного понимания, а в широком смысле – «язык» для синхронного взаимодействия представителей этнического сообщества.

Духовная этноэлита не дает распасться «временам», поддерживая диахронные (исторические) «корневые» связи, объединяя в произведении «здесь и теперь» прошлое и настоящее, далекое и близкое. «Время» – важнейший элемент структуры этнической идентичности. В нем весь «строительный материал» этничности. Оно через механизмы апеллирования к прошлому, как правило, героическому, может выполнить любые этнокультурные социально-исторические проекты, от поддержания и воспроизводства структуры идентичности до этнополитической мобилизации. Историческая интерпретация «времени» особенно востребовано, когда этнос находится под угрозой исчезновения. И тогда метафорическое выражение «Помни имя свое» становится могущественным средством этнической консолидации.

Обращаясь к тому или иному произведению этнического искусства и литературы, мы оказываемся одновременно в точке пересечения настоящего и прошлого, далекое и близкое. Именно благодаря этому уникальному «механизму» синтеза в сознании этнофора возникает психологический процесс идентификации, без которого невозможно обнаружение своей тождественности и последовательности во времени, т.е. идентичности.

Являясь, по определению, камертоном этнической культуры, ее божественным демиургом, Кугультинов тончайшими линиями своего пера, каждой своей строкой воссоздает, обновляя неумолимому ходу времени, духовные основания этнической идентичности.

Истинное величие творца не только в том, чтобы стать связующим звеном времен. Своим гением он осуществляет трансцендентный переход. Конструируя этнические границы, мастер, в силу своей фатальной полифоничности, преодолевает их, одновременно оставаясь в их пределах. «Внешнее» и «Внутреннее» в поэте не делимо. Внешнее (иноэтническая культура и ее носитель) – не только чрезвычайно необходимая предпосылка механизма этнической референции, но и столь же необходимое условие для культурного диалога. В конечном итоге фактор этнокультурного развития.

Творческое наследие Давида Кугультинова самодостаточно и целостно. В нем органически (особенно, если обратиться к его поэме «Бунт разума») соединены и сущностные компоненты его калмыцкой этнической идентичности, и западноевропейская духовная традиция. Иными словами, Кугультинов транскультурен, он «здесь и там». Его идентичность транскультурна. Трансцендентность как сущностное качество творца неизбежно порождает феномен транскультурности. Он близок, понимаем не только в пределах своей этничности, но и за ее границами.

Транскультурность Кугультинова в силу творческой природы его гения – историческая миссия творца. Собою он выводит калмыцкий этнос в ряд равновеликих народов планеты и этим самым не дает своему народу замкнуться в своих этнических границах.

В условиях постсовременности процессы культурной глобализации в качестве одного из ведущих вызовов формируют новые параметры этнической идентичности. Она должна выработать транскультурные черты, сохраняя изменяясь неизменное. Задача неимоверно трудная. Легко незаметно отказаться от этничности в процессах этнической ассимиляции. Трудно постоянно заботиться о духовном развитии молодежи, формировать этническое историческое сознание и этим самым продолжить свой путь в будущее.

*Н.Г. Очирова,
Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, г. Элиста*

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ: НЕКОТОРЫЕ ГРАНИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Давид Никитич Кугультинов – знаковая фигура в калмыцкой литературе XX – начало XXI вв., чье творчество в равной степени принадлежит российской и мировой культуре. Давид Кугультинов, наш современник, выдающийся поэт-мыслитель – явление народной жизни. По словам Ч. Айтматова, «такой художник слова, как Кугультинов, рождается в недрах своего народа, в «галак-

тике» его духовного и нравственного опыта, в его муках и радостях, в его прошлой и новой истории, в сокровенных чаяниях его...» [Айтматов, 2002, с.5].

Давид Кугультинов не был кабинетным поэтом. Одной из ярких граней таланта величайшего поэта-гуманиста и гражданина была его общественно-политическая деятельность. Михаил Дудин писал о Д. Кугультинове: «Умение чувствовать главные перекрестки жизни и находить свое место там – одно из свойств таланта, призванного наполнять духовным смыслом поток своего времени, закрепляя его своей страстью сочувствия и прозрения для творческого духа будущих времен». Для характеристики благородной деятельности Давида Кугультинова очень подходят замечательные строки Валерия Брюсова: «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза, / И песня с бурей вечно сестры».

На протяжении всей жизни Д.Н. Кугультинов активно занимался общественной деятельностью. В советское время он был кандидатом в члены Калмыцкого обкома КПСС, депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР, секретарем Союза писателей РСФСР, членом правления Союза писателей СССР. Плодотворно работал поэт-гуманист и в советском комитете солидарности писателей стран Азии и Африки в качестве вице-президента общества «СССР-Таиланд». Длительное время Давид Никитич успешно возглавлял Калмыцкую писательскую организацию, являлся членом редколлегии журналов «Советская литература», «Тегин герл» и др.

Широта интересов и многообразие интересов художника слова Д. Кугультинова общеизвестны. С присущей ему ответственностью и обязательностью он выполнял данные поручения. В эти годы Д. Кугультинов многое делал для укрепления Союза писателей Калмыкии, поддерживал и взращивал молодые таланты. Поэты и писатели имели тесную связь с тружениками республики, ежегодно проводили Дни литературы, выезжая и встречаясь с земляками в сельскую глубинку, делясь своими творческими достижениями и замыслами. Их восторженно принимали на животноводческих стоянках, Домах и Дворцах культуры, в учебных заведениях.

Являясь секретарем Союза писателей России, вице-президентом общества «СССР-Таиланд», в эти годы Д. Кугультинов много ездит по стране, бывает за рубежом, содействует установлению культурных связей и сотрудничества. Его деятельность на этом поприще направлена на развитие социального прогресса, укрепление мира и дружбы между народами.

Имя народного поэта Калмыкии, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, яркого публициста, поэта-философа Д. Кугультинова, книги которого были переведены на многие языки народов СССР и других стран, было широко известно. Почитателями его таланта являлись английские лорды и животноводы, космонавты и ученые с мировым именем, студенты и школьники. Он всегда был человеком активной жизненной позиции, в полном смысле слова Патриотом и Гражданином своей страны и своего народа. Свое жиз-

ненное кредо он обозначал в одном из своих выступлений на XXVIII съезде КПСС 6 июля 1990 года, говоря о геноциде калмыцкого народа и репрессиях: «... Я не был жертвой. Как бы ни было тяжело, всегда чувствовал себя борцом...» [Кугультинов, 2002].

Одним из важнейших этапов в общественно-политической жизни народно-го поэта Калмыкии Д. Кугультинова этого периода явилось избрание его депутатом I Съезда народных депутатов СССР, членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Политбюро Компартии России. Д.Н. Кугультинов оказался в самом эпицентре демократических преобразований в СССР. На съездах народных депутатов вместе с крупнейшими политическими деятелями современности страстно звучит голос поэта-трибуна в защиту прав незаконно репрессированных народов и граждан, в защиту экологии. На сессии Верховного Совета СССР по вопросу репрессий 14 ноября 1989 года, А.Д. Сахаров, ссылаясь на выступление Д. Кугультинова, утверждал необходимость не только реабилитации этих народов, но и возрождения их культур, языков, традиций.

Одной из приоритетных проблем, постоянно находившихся в поле деятельности народного депутата Давида Никитича Кугультинова, был вопрос по борьбе с опустыниванием в Калмыкии, наступлением песков.

Ещё одной яркой гранью его человеческого и государственного таланта было участие в судьбах других народов. Так, на ряде съездов народных депутатов он ставил вопросы восстановления прав крымских татар, немцев Поволжья и др. участвовал в их гражданских форумах, съездах, оказывая неизменную поддержку. Так, на I съезде немцев Поволжья его горячая речь многократно прерывалась аплодисментами.

Значительна его роль в установлении мира и согласия на Северном Кавказе, в частности в регулировании конфликта между Республикой Северная Осетия (Алания) и Ингушской Республикой. Следует отметить, что имя Давида Никитича Кугультинова всегда высоко чтили на Кавказе, поэтому его авторитет, его добрые дела и, наконец, его личная дружба с выдающимися национальными поэтами Р. Гамзатовым, К. Кулиевым и другими во многом способствовали сохранению стабильности и добрососедских отношений между нашими народами. Он являлся членом Совета Ассамблеи народов России

Д.Н. Кугультинов был незаурядной личностью, сочетавшей в себе качества настоящего поэта, государственного и общественного деятеля.

Литература

Айтматов Ч. Предисловие // Кугультинов Д.Н. Воскрешение: Стихотворения. Поэмы. Сказки. – М., 2002.

Кугультинов Д.Н. Собрание сочинений: в 3-х т. – М., 2002. –Т. 3.

ИЗ ЯРКОГО СОЗВЕЗДИЯ ТАЛАНТОВ: ВЕЛИЧИЕ И МОГУЩЕСТВО ПОЭЗИИ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

«Он ушел в пространство другого измерения, иную плоскость, иной порядок времени, неведомый нам, и оттуда, вечно живой, смотрит на нас, незримо принимая самое активное участие в нашей жизни». Так писал об Александре Сергеевиче Пушкине Давид Никитич Кугультинов. Сегодня эти же самые слова мы можем без всякой натяжки отнести и к самому Давиду Никитичу.

Давид Кугультинов – общепризнанный поэт планеты Земля. Сегодня его имя простерлось и в космос! В космическом пространстве, в звездном мире светит всем планета, которая носит имя Давида Кугультинова, поэта, олицетворившего собой на многие десятилетия калмыцкий народ и саму Калмыкию.

О Давиде Никитиче Кугультинове сказать я имею не только *право*, но и *обязательство*. Как друг, как земляк, как коллега по литературному цеху и, главное, как помнящий встречи с ним земляков-калмыков в ссыльные годы в Красноярске – я обязан сказать слова, не все из которых успел сказать при жизни Давида Никитича.

Давид Кугультинов, офицер-фронтовик, прошел сквозь горнило войны от Сталинграда до Украины, но затем, в момент наступления Красной Армии по всему фронту, неожиданно был отозван с передовой «за принадлежность к калмыцкому народу» и отправлен в тыл. Уже после войны его оклеветали «друзья», агенты НКВД, и он на десять лет угодил в Норильский лагерь. Но и здесь тюремная решетка не смогла сломить бунтарский дух поэта. В скованной льдами одиночной камере под названием «Заполярье» он продолжал сочинять свои свободолюбивые стихи.

Давид Кугультинов всей душой верил в то, что свет однажды рассеет тьму, добро одолеет силы зла, и правда восторжествует над кривдой. Народ калмыцкий обретет свободу и вернется в родные степи на свою землю, за которую проливали кровь в сражениях с врагом его далекие предки. И эта его твердая убежденность давала силы и стойкость другим депортированным. Не может исчезнуть с лица земли народ, имеющий такие таланты, как поэт Давид Кугультинов, думали они.

По роду службы мне доводится бывать во многих городах бывшего СССР, и где бы я ни находился, с кем бы ни встречался, у меня, узнав, что я калмык, спрашивали: «А где находится Калмыкия?» На заданный вопрос я обычно отвечал пушкинской строкой: «...друг степей калмык». И задавал собеседни-

ку контрвопрос: «А вы знаете нашего поэта Давида Кугультинова?» Тут выяснилось, что многие слышали это имя в числе таких именитых поэтов, как Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев и другие. Так имена Пушкина и Кугультинова сближали нас – случайных попутчиков и собеседников. Пушкин и Кугультинов – эти имена стоят рядом. Два поэта, два гения двух народов: русского и калмыцкого. Как великий Пушкин олицетворяет русский национальный дух, культуру и историю, так Давид Кугультинов олицетворяет богатое духовное и нравственное наследие калмыцкого народа.

В 1837 году, когда на дуэли погиб А.С. Пушкин, поэт Жуковский сказал: «Закатилось солнце русской поэзии!». Примерно то же можно сказать о смерти Давида Никитича Кугультинова: «Закатилось солнце калмыцкой поэзии!»

Природа щедро одарила Давида Никитича творческим талантом, который поэт до конца своей жизни отдавал своему народу и человечеству в целом. Его поэзия безгранична, как космос. Пройдут века, и наши потомки с восхищением будут наслаждаться поэзией мастера слова, мыслителя, философа Давида Кугультинова.

Могучим творческим талантом Давид Никитич еще при жизни обессмертил свое имя, что дано не каждому. Его стихи и поэмы заняли достойное место в сокровищнице мировой литературы. В 50-е годы прошлого столетия на поэтическом небосклоне ярко засветило созвездие талантов: Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Мустай Карим, Михаил Дудин, Давид Кугультинов, Чингиз Айтматов...

В 1982 году на 60-летний юбилей Д. Кугультинова к нам в Элисту прибыли многие представители этого созвездия. Не могу не остановиться на выступлении некоторых гостей. В своей яркой речи Расул Гамзатов сказал: «В Дагестане три сокровища: горы, море и все остальное. Я родился в ауле, который находится на высоте 2200 метров. Но есть такие горы в Калмыкии, которые выше всех гор, потому что выше гор бывает человеческая мысль, человеческая мечта, человеческое чувство. Давид – великая гора Калмыкии, откуда виден весь мир и которую мир видит сейчас. Я знаю три горы в Калмыкии: это «Джангар», Ока Городовиков и Давид Кугультинов».

Из выступления Михаила Дудина: «У каждого народа есть своя песня, свой подарок для народов всей Земли на всеобщем празднике. У каждого народа есть свой язык – его гордость и его защита, его достоинство и его долг перед прошедшим и перед будущим, и есть также слово Поэта – часовой на перекрестке Времени. Я знаю Давида Никитича Кугультинова давно. Иногда мне кажется, что он пришел ко мне вместе с первым прочтением пушкинского «Памятника» и остался в моей душе как сама необходимость времени, так удивительно угаданная Александром Сергеевичем./...И назовет меня всяк сущий в ней язык,/И гордый внук славян,/и финн, и ныне дикой/Тунгус, и друг степей калмык./

Друг степей калмык, угаданный Пушкиным, став другом великого братства Поэзии, стал и моим личным другом на перекрестках моего поколения, поколения защитников жизни и неисправимых в своей вере романтиков-строителей завтрашнего дня».

Из выступления народного поэта Башкирии Мустая Карима:

«...Творение Давида Кугультинова, став явлением национальной культуры и национальной творческой мысли, тем мостом, который связывает духовное бытие калмыцкого народа с мировой цивилизацией, вливается в эту цивилизацию со своими неповторимыми красками, звучанием, глубиной философских размышлений...

Порой мне кажется, что Д. Кугультинов шел к этому рубежу, к этому высокому дню, не 60, а 600, может быть, и более лет, потому что он вобрал в себя многое из истории народа, духовный, нравственный опыт своих сородичей, вобрал их историческую боль с исторической надеждой. Через него само время будто протекает из прошлого в будущее».

Из выступления известного казахского прозаика, лауреата Государственной премии СССР Абдижамила Нурпеисова: «Давид Кугультинов – поэт национальный. Национальный не только потому, что он кровь от крови, плоть от плоти сын своего народа, что он пишет и думает на том языке, который питал его вместе с материнским молоком, что он, как никто другой, знает всю душу калмыков, всю прелесть калмыцкой природы, а главным образом потому, что в его творчестве душа и история калмыцкого народа, если хотите, сама стихия, безудержная удаль свободолобивого, вольного народа степи нашли свое наиболее верное, полное и яркое, но вместе с тем понятное и притягательное для остального мира выражение. Думаю, что такой край, такой народ, такую душу, которые максимально правдиво и талантливо воспеты в стихах и поэмах Давида Кугультинова, нельзя не полюбить, ими нельзя не восхищаться. Это и есть подлинное завоевание мира.

Недавно в журнале «Иностранная литература» я прочел беседу Давида Кугультинова с английским поэтом, где он, в частности, сказал: «Когда я бываю за рубежом и встречаюсь с иностранными читателями, они думают, что калмыков, наверное, несколько миллионов. Таковы волшебство, магия поэзии».

Да, если 150-тысячный калмыцкий народ ныне многим представляется многомиллионным, то в этом, на самом деле, заслуга поэзии Кугультинова.

В этом заключается и общечеловечность творчества поэта. Он, как и его знаменитые друзья Расул Гамзатов, Мустай Карим, Кайсын Кулиев, сделал... многое для того, чтобы нынешняя поэзия не была целиком и полностью отдана на откуп пустой словесной эквилибристике...».

Эти слова сказаны четверть века назад, но значимости своей не потеряли и сегодня. Коллективная характеристика творческой деятельности Давида

Кугультинова, прозвучавшая из уст его друзей, еще раз подтвердила величие и могущество его таланта.

Нынешнее поколение молодежи будет гордиться тем, что были современниками Великого Поэта, что слышали его живую речь.

Поэзия Давида Никитича Кугультинова не подвластна времени! Она, как и поэзия А. С. Пушкина, будет звучать на всех наречиях народов мира! А мы, калмыки, если как нация уважаем себя и не потеряли честь и совесть как народ, должны беречь имя великого поэта, философа современности, ибо имя Давида Кугультинова составляет нашу национальную гордость!

• • •

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

*О.В. Богатырева, Е.Н. Гречкина,
Невинномысский гос. гуманитарно-техн. ин-т, г. Невинномысск*

ЧЕЛОВЕК КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА ТВОРЧЕСТВА ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

Культура охватывает все сферы жизнедеятельности человека, общества: экономическую, политическую и другие, – а сам человек является центральным элементом культуры. Общее кризисное состояние экономической и социально-политической жизни страны в современный период не могло в полной мере не отразиться и на состоянии культуры. Известно, что препятствием социально-политических, экономических перемен является, наряду со многими другими причинами, и низкий уровень культуры значительной части населения страны.

Утрата привычных ценностных ориентаций вызвала к жизни глубокий духовный кризис, вакуум, приведший в целом к дегуманизации культуры, эскалации межэтнической напряженности и конфликтов во всем мире и в том числе на Юге России. Не менее глобальной в третьем тысячелетии обозначена проблема утери многими народами своей культурной идентичности, а человеком своей аутентичности. Именно поэтому в качестве духовного ресурса противостояния дегуманизации культуры и утери идентичности может и должна стать столь великая литература, к которой в полной мере относится творчество Д. Кугультинова.

В арсенале средств германизации межэтнических отношений, предотвращения конфликтов, на наш взгляд, знакомство молодежи с культурой народов Северного Кавказа, а также с творчеством выдающихся мыслителей прошлого и настоящего является наиболее действенным. Одним из таких философов по праву является поэт и писатель Д. Кугультинов, связывающий своим творчеством ныне живущие поколения и народности.

В культуре современной России личность Д.Кугультинова и его литературное творчество имеют особое значение. Имя Д.Кугультинова – одного из последних живых классиков советской литературы внесено в мировую сотню самых значительных деятелей культуры XX столетия. Основополагающей ценностью в философии Д.Кугультинова является сам человек. Это видно даже в пределах одного стихотворения, видно по контрастности смыслов, ассоциаций, красок.

Как высочайший мыслитель-философ Д. Кугультинов – предельно диалектичен. Время и пространство в его творчестве присутствуют в диалектической связи. Поэт вступает в противоборство со Временем, его мятежная мысль возвращается в прошлое и проникает в будущее: «в далекий мир Вселенной», она «и горечь подсластит и облегчит печали тяжелой бремя, и мудростью своей предотвратит» невольные ошибки Времени. Наконец: «Ты, Время, лишь туда приходишь следом, где побывала Мысль уже давно».

«Как на земле бессилен человек!» – восклицает поэт, начиная одно из парадоксальных, заряженных острым драматическим противоречием, стихотворений. И подтверждает этот тезис ссылкой на «враждебность» человеку горных вершин, молний, морских глубин... И тут же антитезис: «Смотри, как люди на земле сильны!» И снова подтверждение: «они покоряют небо, пробираются в горах дороги, добывают из моря сокровища, наконец, «грядущее свое читают ясно...»».

Диалектическое зерно его размышлений о человеке и человечестве – в контрасте силы и бессилия, а если шире – реальных деяний и возможностей. Чтобы подвести себя самого (и читателя) к убеждению в могуществе человека противостоять стихиям природы и силам зла, в могуществе доброй воли, способной уберечь землю от разорения, а человечеству – от гибели, Кугультинову пришлось осмыслить многие сложные, драматические явления современной действительности. Во многом именно условность искусства, возможность образного заострения, гиперболизация выражения отдельных ее черт и проявлений, сыграли решающую роль в формировании мировоззрения поэта, его высокой гражданской позиции, его нравственно-эстетической программы любви к «человеку».

Глобальные идеи и образы у Д. Кугультинова скрещиваются с космогоническими, прочерчивая линии связи во Вселенной. Поэт напоминал людям, как мала и беззащитна Земля в мирозданье и как чудовищны и нелепы братоубийственные раздоры на ней. Эта мысль очень актуальна сегодня, когда межэтнические конфликты разрушают планету. Его как натуру чувствительную к событиям современности и глобальным проблемам, как натуру интернационального склада потрясла трагедия взрыва атомной бомбы над Хиросимой. Этой катастрофе поэт посвятил поэму «Бунт разума». «Оставаясь верным особенностям национального мировосприятия, Кугультинов в то же время поднимается к глобальному мышлению человека XX века, достигая в своей поэзии «стереофонического» изображения больших и малых величин – человек в огромном мире и весь мир в отдельном человеке», – писал о народном поэте Калмыкии Ч. Айтматов.

Зло, разрушающее жизнь, многолико, оно может рядиться в одежды доброжелателя. Эту закамуфлированную природу зла Кугультинов разоблачал в

своих произведениях, при этом воспевал доброту и любовь, которой не в меньшей мере наделен человек.

Великое культурное наследие Д. Кугультинова исполнено беспримечной любви к ближнему, к Родине, ко всему живому всем будущим поколениям. Истинное величие любого поэта – в способности преодолеть свои этнические и национальные границы и возвыситься в своем творчестве до пределов мира. Д.Кугультинов принадлежит не только Калмыкии и России, но и всему человечеству. Эта любовь и мысль очаровывают читателя, вызывают в его сердце ответную любовь.

О.Ф. Гагарина,

Невинномысский ин-т экономики, управления и права, г. Невинномысск

ДВЕ СУДЬБЫ, ДВА ПУТИ, ВЕДУЩИЕ К «ПРОСТОТЕ, ДОБРУ И ПРАВДЕ»

Писатель всегда на особом счету у своего народа. В то же время, не может быть большего счастья для автора, когда на его произведениях дети учатся читать, юношество получает первые уроки нравственности, патриотизма, любви к Родине. С другой стороны, стоит задуматься, какова мера ответственности за то, о чем говорит писатель с народом в своих произведениях. «Традиции уважительного отношения к творческой личности, трепетного отношения к печатному слову, заложенные великим Коста Хетагуровым, с честью развивали многие поколения наших писателей. И главная задача нынешних литераторов – своим творчеством, отношением к окружающим людям соответствовать этой традиции». Эти слова Камала Хазбиевича Ходова, возглавляющего Союз писателей республики Северная Осетия, актуальны сегодня, как никогда, т.к. именно в эпоху социальных потрясений наиболее уязвимой оказывается нравственно-духовная сфера людей, именно духовные ценности граждан – нравственность и патриотизм – оказываются наиболее подвержены деформации. Тем более актуальна эта проблема в связи с тем, что один за другим ушли Расул Гамзатов и Мустай Карим, перестало биться сердце удивительного человека, которого называли «умом, честью и совестью нашей эпохи», Дмитрия Сергеевича Лихачева, не стало классика калмыцкой литературы Давида Кугультинова – прекрасного поэта, искреннего, в высшей степени порядочного человека, преданного сына своего Отечества. Это огромная потеря для мира культуры и искусства, для науки, для общества в целом, но каждый из них оставил богатое духовное наследие всем последующим поколениям. Удивительно, как не похожи их судьбы, но как близки их творческие пути.

Лихачев родился в Петербурге, где его отец работал инженером-электриком. В 1915 году будущий учёный поступил в гимназию, которую закончил уже после революции, в 1923 году. В том же году он начал учиться в Петроградском университете, причём, сразу на двух отделениях – славяно-русском и романо-германском. После окончания университета ему не сразу удалось заняться научной работой, т.к. Дмитрий Сергеевич, за участие в научном студенческом кружке в 1928 году, был арестован и сослан в Соловецкие лагеря, а в 1931-1932 годах находился на строительстве Беломорско – Балтийского канала. В 1934-1938 годах Д.С. Лихачёв работал в Ленинградском отделении издательства АН СССР. Он обратил на себя внимание при редактировании книги А.А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов» и был приглашён на работу в отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома, где прошёл путь от младшего научного сотрудника до действительного члена Академии наук.

В 1941 году Лихачёв защитил кандидатскую диссертацию «Новгородские летописные своды XII века». В блокадном Ленинграде в 1942 году выходит брошюра «Оборона древнерусских городов», авторами которой являются Д.С. Лихачёв и М.А. Тианова. Всю свою жизнь Дмитрий Сергеевич посвятил служению русской литературе и культуре. Им созданы фундаментальные труды по древнерусской литературе «Человек в литературе Древней Руси», «Очерки по истории литературных форм летописания XI – XVI веков». Большую известность в научных кругах ему принесло исследование «Слово о полку Игореве». Поэтому Д. С. Лихачёв получил признание не только как учёный-литературовед, но и как текстолог, историк культуры, популяризатор науки, публицист. Дмитрий Сергеевич был членом многих иностранных академий, дважды удостоивался Государственной премии, ему было присвоено звание «Героя Социалистического Труда».

30 сентября 1999 года перестало биться сердце академика Д.С. Лихачёва. Не стало человека, чья биография вместила в себя все тяжелейшие испытания прошлого столетия и чей уникальный жизненный опыт, может быть, поможет нам быть немного лучше.

Творческий путь Давида Кугультинова начался очень рано. Первая книга «Стихи о юности» вышла, когда он учился в десятом классе, в 18 лет был принят в Союз писателей. Дальше была война, которая закончилась для писателя в 1944-м: его «сняли» с передовой «за принадлежность к калмыцкому народу» и отправили в город Бийск Красноярского края. Там он вскоре был арестован и осужден «за выступления в защиту калмыцкого народа». Последовали 12 лет каторги и ссылки. Реабилитировали Д. Кугультинова в 1956 году. В 60-е он экстерном закончил Литинститут и возглавил Союз писателей Калмыкии. В 70-е стал членом правления Союза писателей СССР. Его поэтичес-

кий сборник «Я твой ровесник» стал известен во всей стране и был отмечен Государственной премией имени М.Горького. В конце 50-х – начале 60-х годов были опубликованы его поэмы и сборники «Любовь и война», «Моабитский узник», «Песнь чудесной птицы», «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом», «Бунт разума», «Шахматист». Всего на его счету более 80 книг. В 2002 году в Москве вышло его трехтомное собрание сочинений. Лирические произведения Д. Кугультинова отличает восточная мудрость и рассудительность. Эта же мудрость и рассудительность прослеживались и в его публичных выступлениях: «Нет писанных законов того, как человек может стать человеком. Им надо быть», – говорил он.

В советские времена Д. Кугультинову, видному поэтическому деятелю, предлагали переехать в Москву. Но он остался верен своему краю, своему народу.

Такие непохожие две судьбы, два жизненных пути, но есть что-то, объединяющее их. Очевидно, это то, что оба этих человека относятся к категории людей, которые независимо от внешних перемен, никогда не изменяли принципам, избранным однажды и на всю жизнь, и еще то, что творчество их пронизано любовью к своей Родине, к своему народу. Всей своей жизнью и деятельностью они помогали людям стать духовно богаче, нравственно чище.

Сегодня важно, чтобы тот бесценный дар, который оставили нам эти великие Учителя, не был предан забвению, поэтому нужно, хотя бы крупинки этого дара нести в общество, донести, в первую очередь, до нашей молодежи.

В образовательных учреждениях России 1 сентября 2006 года были проведены лихачевские уроки. В Толковом словаре С.И. Ожегова урок трактуется и как учебное занятие (учебный час, посвящённый отдельному предмету), и как нечто поучительное, из чего можно сделать вывод на будущее. Понятно, что формулировка темы « Уроки Лихачёва» имеет в виду второй смысл слова « урок». « Уроки Лихачёва»- это и уроки его жизни, его научного творчества, и те выводы о сущности человеческого в человеке, к которым он пришёл и которые содержатся в работах Дмитрия Сергеевича, в том числе непосредственно обращённых к молодому поколению.

Для духовного воспитания подрастающего поколения такие уроки нужны, нужны «гамзатовские» уроки и, конечно, уроки Давида Кугультинова. Но готовясь к такому уроку, педагогу важно избежать определенных «рисков». Риск первый – формализм. Педагогу самому важно прочувствовать значимость такого урока. Риск второй – «ложная польза». Формальный рассказ о человеке, жившем в эпоху, относительно далёкую от современной молодёжи, может быть воспринят учащимися как бессмысленная трата времени, не имеющая ничего общего ни с его личными ценностями, ни с соображением пользы. В этой связи важна подготовка учителя.

Целесообразно использование материалов биографического очерка для проведения уроков, внеклассных мероприятий для учащихся разного возраста. Так, разрабатывая уроки для учеников начальной школы (3–4 класс) можно обратиться к периоду детства Кугультинова. Для проведения таких уроков могут быть использованы материалы о семье Д. Кугультинова, отдельных представители его рода, школьных годах, т.е. те материалы, которые интересны и познавательны для младших школьников.

Объектом изучения старшеклассников может быть общественная деятельность Д. Кугультинова, этап, связанный с его арестом и заключением. Содержание общественной деятельности поэта, период его заключения могут стать основой для проведения диспутов, например, такой тематики: «И один в поле воин», «Не обстоятельства создают человека, а человек обстоятельства». Урок, основанный на биографии Д. Кугультинова, может иметь аналитический характер, а в его основу положен проблемный вопрос «Нравственный человек, кто это?»

Надо отметить, что систематизация страниц биографии Давида Кугультинова даст возможность сформировать цикл или даже надпредметную программу для старшеклассников, назвать её можно будет, например, «История интеллигенции XX века». Цель данной программы – выявление наиболее ярких «родовых» черт интеллигенции как общественного феномена, определяющего развитие российской культуры, нравственные идеалы общества. Возможно также разработка элективного курса той же направленности для учащихся классов гуманитарного профиля. Все это позволит усилить региональный компонент при изучении предметов гуманитарного цикла.

Сегодня нет с нами Д.С. Лихачева, совсем недавно покинул Землю Давид Кугультинов, но творения, которые оставили нам эти великие Учителя, и которые стали делом и величайшей работой всей их жизни, как малые зерна, посеянные в подготовленную почву заботливой рукой, ведут нас к «простоте, добру и правде».

*С.Н. Гайнулина, А.И. Скрипниченко,
Невинномысский ин-т экономики, управления и права, г. Невинномысск*

ЗНАЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЧУВСТВЕННО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ЮНОШЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Д. КУГУЛЬТИНОВА)

Демократизация общества сняла многие ограничения на поведение человека, предоставив ему право делать все, что не запрещено законом. А при

несовершенстве законов и слабом контроле над их исполнением этот постулат демократии оказался источником неконтролируемого и часто безнравственного поведения [Мудрик, 1991]. Исследования Л.С. Выготского, П.П. Блонского, В.М. Мясищева, К.В. Иорданского и др. еще в 30-е годы доказали, что без сдерживающего нравственного начала в юношеском возрасте неизбежно происходит рост правонарушений и преступлений.

В сегодняшнее кризисное время вновь наблюдается всплеск детской и юношеской преступности и массовой аморальности. Рост детских правонарушений ежегодно составляет до 20% в год. Данные обследований говорят о том, что свыше 60% выпускников уже пробовали наркотики, почти 100% принимали алкоголь и доходили до крайней степени опьянения. Из-за увеличившейся открытости общества нравственность личности оказалось более уязвимой (чем во времена тоталитарной системы) для сомнительных и спорных моральных установок, которые вошли в информационное пространство России в виде проникновения в духовную жизнь людей западной идеологии и морали. Духовный вакуум, в котором оказалась современная молодежь, заполняют различные организации националистического и экстремистского направлений. Вышеуказанные организации имеют достаточные ресурсы для успешного привлечения в свои ряды молодых людей. Это – собственные страницы в Интернете, бесплатные военно-спортивные клубы, издания периодической печати и специальная литература, четко разработанная идеология, пропитанная своими духовными ценностями. Эти средства весьма успешно использует аппарат пропаганды экстремистских организаций.

Очень важно именно в юношеский период, обладающий такими особенностями, как «стремление проникнуть в сущность явлений общественной жизни, объяснить их взаимосвязи и взаимозависимости» [Лихачев, 1992], наполнить мир молодежи ценностными установками, соответствующими общественным идеалам морали и нравственности. Молодые люди находятся на таком этапе своего жизненного пути, когда восприимчивость личности ко всему новому наиболее высока, когда они стремятся к наполнению своего духовного мира.

При формировании нравственно стабильной личности старшеклассника необходимо опираться на внутреннюю мотивацию школьника к действиям и поступкам. В связи с этим необходимо уделять особое внимание формированию у старших школьников устойчивых этических чувств через особые переживания – эмоции [Мудрик, 1991].

Мир чувств пронизывает все стороны нашей жизни – отношения с другими, нашу деятельность, общение и познание. Особая сфера человеческой деятельности – литература. Она непосредственно обращена к эмоциям и чув-

ствам человека. Поэтому важным средством подготовки школьника к развитым эмоциональным переживаниям являются впечатления от литературных произведений.

Под влиянием литературы может возникнуть отчетливое эмоциональное отношение учащегося к тем явлениям, человеческим отношениям, которые ранее не вызывали у него никаких эмоциональных реакций. Нравственный опыт школьника ограничен. А подлинный художник создает в своем произведении такие ситуации, такие конфликты, которых не было в практике школьника, так сталкивает человеческие характеры, что это вызывает острое нравственное отношение юного читателя, порождает у него неизведанные ранее переживания. Он заставляет их вместе с героями радоваться, печалиться, негодовать. В этом смысле трудно переоценить значение для молодежи малых народов произведений национальных поэтов и писателей. Они значительно расширяют жизненный опыт человека: помогают почувствовать, узнать и пережить то, что учащийся, может быть, никогда не переживал в действительности. Литература имеет в своем распоряжении такое сильное средство воздействия на личность, как художественный текст, в котором заложен большой нравственный потенциал, приобщает старшеклассника к духовному опыту своего народа и человечества в целом, воспитывает эмоциональную сферу личности, облагораживает чувства. Чем глубже и полнее воспринято читателем художественное произведение, тем большее воздействие оно оказывает на формирование его личности. В процессе чтения художественных текстов у старшеклассника накапливается опыт различных читательских переживаний: эмоций – от восторга до грусти; чувств – от гордости до отвращения, т.е. накапливается свой собственный социально-нравственный опыт.

Каждое художественное произведение Давида Кугультинова есть, на наш взгляд, творческое выражение личностных смыслов писателя в соответствии с принятыми в обществе моральными нормами, нравственными принципами и идеалами: /Когда как вестник торжества и славы/Ко мне пришел бы старец белоглавый, /Калмыцкой старой сказки чародей, /И подарил мне счастье всех людей, /Я б это счастье разделил на части, /Всем людям поровну я б роздал счастье./Но если б он собрал в один комок/Все что печально на земном просторе, /Чтоб в сердце у себя вместить я мог/Все наше человеческое горе, /Я б горе вместе с сердцем сжег дотла, /Чтоб сделалась Вселенная светла./ («Счастье и горе»)/.

Данный художественный текст обладает большим потенциалом воздействия на внутренний мир учащегося – мир эмоций и чувств, его душевное состояние, отношение к окружающему миру, то есть оказывает художественно-эстетический и как следствие нравственно-этический эффект. Это формула жизни – «я в системе мира» и «мир во мне».

Исследуя текстовое пространство художественных произведений, раскрывая суть текста, старшеклассники постигают текст и устанавливают коммуникативный контакт с автором произведения. Результатом разностороннего анализа, интерпретации текста становится присвоение или отчуждение идеи художественного текста, понимание или непонимание его, принятие или отторжение (неприятие) автора и его отношения к миру, то есть происходит рефлексия – самопонимание и понимание другого; самоинтерпретация и интерпретация другого.

В процессе работы учеников с художественными текстами взаимодействуют два опыта – автора и читателя. В результате этого взаимодействия происходит расширение и обогащение познавательного, культурного, эмоционального, чувственного, социального, морального, нравственного опыта старшеклассника. Учащийся самоопределяется в мире увиденных смыслов, расширяет свое личное культурное поле, переосмысливает систему норм и ценностей, входит в систему связей «человек – мир», расширяя границы личности и ее личностного роста.

В художественных текстах словесно выражены такие важные нравственные смысловые категории, как: *счастье – страдание, любовь – ненависть, прекрасное – отвратительное, война – мир, жизнь – смерть, добро – зло, счастье – горе* и т.д. Они описываются с помощью слов, употребленных автором текстов, и воспринимаются, с одной стороны, как часть индивидуального авторского ощущения и отображения мира, с другой, – как часть личной психологической сущности человека, его социальной организации. Для старшеклассника, изучающего тайну художественного текста, эти индивидуальные психические, социально-культурные категории введены в сами средства построения текста, то есть в его языковую сущность и одухотворяют ее. Литературные образы откладываются в памяти старшеклассника, как в кладовой, где они «дозревают», органически перерабатываются и в нужный момент могут быть извлечены и использованы в жизни.

При формировании нравственно стабильной личности старшего школьника целесообразно использовать потенциал литературы, опираясь на чувства и эмоции учащегося.

Литература

Выгодский Л.С. Психология искусства. – М., 1987.

Кон И.С. Психология старшеклассника. – М., 1982.

Лихачев Б.Т. Педагогика. Курс лекций. – М., 1992.

Мудрик А.В. Социализация в смутное время. – М., 1991.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА

Изучение творчества Д.Н. Кугультинова позволяет выявить исчерпывающую характеристику нравственных представлений от определения их места в структуре личности, выявления признаков и возрастных особенностей, глубокой и разносторонней разработки содержания нравственных представлений до источников, средств и путей их формирования.

Поэзия Д.Н. Кугультинова, с каждым шагом кропотливого труда – познания и осмысления её мудрых нравственных назиданий, приближает школьника к высшей цели нравственного деяния – быть человеком, личностью. Дарить друг другу добрые улыбки: И уступать при случае дорогу, /А не сбивать, как поезда в ночи, /Друг друга с рельс /кравовой страшной сшибке!/.

Особенностью стихов Д.Н. Кугультинова для подрастающего поколения является прямое обращение автора к юному читателю, вступающему на путь самостоятельных действий и поступков: «Мой юный друг, ценя героя», «Не верь, что взгляды и черты», «Молодые, берегитесь зависти», «Верь опыту жизни, друг...», «Кипучий мир тебя зовет», «К людям будущего» и т.д.

Нравственное поведение личности можно определить как систему поступков, объективно обусловленных, выражающих и формирующих индивидуальное и нравственное сознание, имеющих определенную оценку в обществе и реализующих моральную норму общества. Воспитывая индивидуальное сознание и поведение школьника, мы развиваем тем самым его личностные свойства.

Одна из самых волнующих тем в творчестве Д.Н. Кугультинова – тема природы, окружающей среды, в отношении которой человек далеко не всегда справедлив. Природа – это прежде всего образ малой родины, отчий край, красота которого волнует душу, вызывает положительные эмоции.

Скаун, пленивший взгляд и душу: Весенней, теплый ветерок. /И звезды, что в степи небесной /Пасутся, как стада овец, /И тени прошлого во сне / Напоминают, где б я ни был, /Мне о родимой стороне/.

Поэт поднимает проблему воспитания патриотизма. Любить и верить в родину может лишь тот, кто живет ею, вместе с нею и ради неё, кто верит, что она преодолет все трудности. Любовь человека к родине есть дело его духовной свободы, добровольного духовного самоопределения.

Стихотворение «Степная боль», «О природе», «Ты что прежде в море разнотравья» передают драматическую ситуацию, которая в стихотворении «Смерть сайгака или Расстрелянное утро» достигает своего трагического нака-

ла. Казалось бы, без обидный поступок совершает ребенок по отношению к окружающей его природе: Вот/В степи весенней мальчик лет шести, /Бутон цветка увидев нераскрытый, / Давай его разворачивать сердито:/Он, дескать, должен тотчас расцвести!

Поэт призывает воспитывать в детях чувство ответственности за окружающий мир, за общество, за близких, за «братьев наших меньших» с раннего детства, поскольку это самая важная пора в формировании духовности. И если в детстве не состоится пробуждение духовности, то в последствии любые уговоры, призывы к совести могут оказаться бесполезными.

Гимном родной природе является стихотворение «Как ты прекрасна степь моя, в апреле!». Красота окружающего мира благотворно влияет на душу человека, вселяет в него щедрость и добро. Нравственность – это ... своеобразная духовная потребность, жажда творения добра [Сериков, 2004].

Для стихов Д. Кугультинова характерна свойства подлинной поэзии: через детали, предметы окружающего мира прорываться к утверждению важных нравственных принципов. Такая деталь, предмет, вещь – это данность, реальность, которая пробуждает в человеческой душе целый спектр переживаний, чувств.

Тема человека и природа в творчестве Д.Н.Кугультинова органично перерастает в тему бессмертия человека, смерти и вечности. Единение с природой дает личности ощущение вечности жизни на земле.

Стихи о природе стали поэтической формой утверждения нравственных, философских, эстетических принципов творческой личности. Поэт считает, что поэзия должна содействовать воспитанию добрых начал в душе человека, формированию нравственных принципов, основанных на добре, чести, правде.

Цикл стихов Д.Н.Кугультинова о той поре, которая является началом нового, прекрасного. ... образ весны, её пробуждения, раскрыт в реалистических деталях родной природы, но он имеет и второй – художественный план – пробуждения внутреннего мира человека, ведь «апрель – пора открытий» не только в окружающем мире, но и внутри человеческой души.

Сборник стихов «Зов апреля» – это размышления о человеке, человеческой доброй душе, о человеческом отношении к природе и людям.

Поэзия Д.Н. Кугультинова – жизнеутверждающая. Наиболее существенными чертами его творчества является правдой истории, народной жизни и судеб, процесс нравственных и духовных исканий современного человека. Его лирика глубоко индивидуально, в ней воплотились гражданские, социально – нравственные, гуманистические и философские раздумья.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ответ на вопросы «зачем» и «как» формируются нравственные представления, можно найти в поэтическом творчестве Д.Н.Кугультинова.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕАТР ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

Театр врывается в нашу жизнь настойчиво и разнообразно.

С античных времен человечество использовало театр и формы театрального действия в целях образования и развития личности и общества. Эти формы использовались для передачи знаний и опыта человечества еще в те времена, когда театра, как обособленного института не было.

Искусству звучащего слова всегда принадлежала важнейшая роль в возрождении отечественной культуры. Воспитание молодежи на лучших образцах отечественной и мировой литературы и в лучших традициях российского красноречия вселяет надежду на новый подъем языковой культуры народа и сохранение богатств русского и калмыцкого языков.

Знакомство с произведениями наших лучших поэтов и писателей дает возможность глубже, по-новому узнать жизнь и людей, овладеть языком во всем его многообразии.

Поэзия Д.Н. Кугультинова – поистине бесценный источник вдохновения для любого артиста! Творческая работа над текстами его произведений развивает образное мышление, обогащает внутренний мир, укрепляет память.

Исполняя то или иное произведение Поэта, мы должны верно и точно передать и раскрыть замысел автора. Для этого необходимо развивать наблюдательность, оценивать факты и события, выявлять основной конфликт, понимать и четко строить логическую перспективу произведения. При этом надо владеть хорошей ясной речью, дыханием и голосом. Например, при чтении стихотворения «Жадрис», актер должен передать не только описание танца, но и свои ощущения. Изменение ритма в последовательно чередующихся строфах передают все время меняющийся ритм пляски. Увлекаясь содержанием, необходимо бережно отнестись к авторскому тексту. Только точное соблюдение лексики и синтаксических особенностей произведения приводит к верному пониманию идейного замысла поэта, помогает стать как бы его соавтором. Глубокое проникновение в ткань произведения, изучение характеров, стиля, жанра, осмысление событий в современном их звучании помогают исполнителю увлечься темой произведения, воспринять авторскую идею и увлечь слушателей, заставить их увидеть все своими глазами.

В другом стихотворении «Когда иссякнут сил моих остатки» мы видим столкновение двух чувств – любви, которая подобно коню, несется «в вихре скачки», и испуг любимой – это уже сложный мир человеческих отношений. Само чувство любви будто бы не описывается, но одно удачно найденное сравнение вызывает у нас абсолютно точное представление о нем.

Начинать работу над текстом этого произведения нужно не с теоретического освоения определенных правил, а с общего самостоятельного восприятия произведения, с развития умения логически и образно мыслить, понимания ради чего, кому и с какой целью я, исполнитель, высказываю ту или иную мысль. Исполнители не должны бессмысленно, бездушно проговаривать вслух пустые слова, но в то же время не нужна слишком сентиментальная, псевдоэмоциональная, напыщенная декламационная речь.

На произведениях Давида Никитича Кугультинова можно воспитывать у исполнителей художественный вкус, обостренный речевой слух, а также умение отличать правдивую интонацию от фальши.

Содержание творчества Кугультинова весьма разнообразно и по жанру, и по объему, поэтому, исполняя его произведения, можно научиться ценить мелодичность и выразительную пластику калмыцкого и русского языков. Многие произведения поэта в исполнении как профессиональных так и самодеятельных артистов стали лучшими образцами звучащего слова в жизни, на сцене, в телевизионных и радиопередачах.

Сегодня мы можем утверждать – поэтический театр Д.Кугультинова существует, что, несомненно, делает наше восприятие жизни острее, богаче, интереснее и счастливее.

*М.Х.-М. Джангуразов,
Кабардино-Балкарский госуниверситет, г. Нальчик*

ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЭЗИИ Д. КУГУЛЬТИНОВА

Четырёхсотлетняя история проживания калмыцкого народа в России свидетельствует о том, что он всегда занимал и занимает достойное место в системе культуры нашей многонациональной страны. Из народной среды вышли выдающиеся общественные и политические деятели, учёные, писатели и поэты. Одним из них является талантливый поэт и выдающийся гуманист XX века Давид Никитич Кугультинов.

Личность Кугультинова многогранна, таково и его творчество. Особое место в его поэзии занимают вопросы, касающиеся взаимоотношений между человеком, этносом, природой и космосом. Благодаря гению Кугультинова, калмыцкая степь – этноландшафт, послуживший базисом формирования народа, обретает язык, раскрывает душу и заявляет о себе миру: Как ты прекрасна, степь моя, в апреле/Хрустально-звонкий воздух, и простор, /Ли колокольчик – жаворонка трели!/Ты – музыка, чьи звуки с давних пор/Какой – то гений, в неизвестность канув, /Переложил на живопись тюльпанов.

Этот язык и эта душа так сильно напоминают о той Великой степи, находящейся в Джунгарии, в которой в своё время начался этногенез калмыков, чьи предки всегда занимали достойное место в мировой истории.

Формирование поэтического сознания Давида Кугультинова было чрезвычайно сложным и привело к созданию особенных поэтично-мировоззренческо-образных систем, отличающихся охватом всех сторон бытия, начиная от мельчайших атомов и до уровня космоса.

В поэзии Кугультинова, вопросы всеобщей детерминированности всех явлений мира, необходимость соблюдения гармонии в мире, занимают особое место, а всё это есть один из базовых постулатов экологического сознания в нынешней его форме.

Кугультинов, будучи мыслителем всеохватного мироощущения, сумел всецело осмыслить глобальное единство всех предметов, процессов и явлений окружающего мира, а самое главное – сумел всё это донести до читателя.

Этническая культура любого народа зависит от той природной среды, в которой формируется народ, но лишь поэты, писатели, философы, учёные могут более глубоко постичь мир и наделить мелодичным звучанием родную природу, переводя её в стройную гармоничную систему искусства.

Кугультинов – поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии. Он говорит от лица своего народа, но в то же время он – поэт всего мира.

В поэзии Кугультинова отношение к ценностям поистине философское: Когда сравнишь ты с золотом зерно, /Смотри, чтоб не обиделось оно!/А что такое золото?/Металл/Зато зерно – начало всех начал!/Скажи мне, с чем зерно сравнишь ты цвет?/Знай, что сравним с ним/Только солнца свет!

Хотя Кугультинов напрямую и не обращается к экологической теме, вся его поэзия уже на подсознательном уровне ориентирует человека на бережное отношение ко всему, что есть в мире, что окружает его и от чего зависит равновесие как в обществе, так и в природе.

В жизни Д. Кугультинова были суровые испытания, жестокое и несправедливое наказание как народа, так и его лично. Однако он не озлобился, не настроился против системы, он работал, писал и творил во благо своей страны, во благо своего народа, во благо той земли, хлебом которой он питался, воду из родников которой он пил.

Перенеся столько страданий Давид Никитич не дрогнул, он выстоял, по философски восприняв всё происходящее, доказав на деле, что он не только достойный сын своего народа и страны, но и Величайший гуманист и интернационалист. Именно в этом секрет его творчества, секрет его гения.

Для поэта всё живое – свято, и всякая смерть – это трагедия, так в конце стихотворения «Смерть сайгака или расстрелянное утро», он заключает: Нет, /

Не сайгака здесь дымится кровь!/Казалось утро девушкой любимой, /Напоми-
ная первую любовь.../Не тварь земную – образ утра чистый/Здесь, на глазах
моих, убили зло, /И кровью утра – жаркою, лучистой /Мне душу обожгло!/
Этноэкологическая среда, в которой шло формирование калмыков, вели-
чественна и в то же время очень сурова. Калмыки всегда знали, что их благо-
получие зависит не только от экономического благосостояния, но и от состо-
яния природной среды. Соответственно, высокая экологическая культура все-
гда была присуща калмыкам. Всё это прекрасно отражено в творчестве Ку-
гультинова. Достоин восхищения и тот факт, что Давид Никитич не считает
малозначимым ни один элемент Вселенной, ни одно живое существо.

Тот факт, что этническая природа является не только средой жизнеобес-
печения, но и основой материальной и духовной культуры народа, также
находит проявление в творчестве Кугультинова. Основа творческой мысли
Кугультинова это этническая память калмыцкого народа – вечный источник
мудрости. Культура взаимоотношений, человека с окружающей средой, при-
сущая Востоку и отличающаяся высокой степенью экофильности, всецело
отразилась в традиционной материальной и духовной сферах жизни калмы-
ков. Давид Никитич родился и рос среди своего народа, вбирая в себя всё
вечное и ценное, что есть у калмыков и что стало голосом его души, его
творчества.

Вообще, диалектическое единство мира, вопросы существования проти-
воположных сил и тенденции – рождения и смерти, созидания и разрушения,
добра и зла являются характерной чертой творчества поэта, например, в сти-
хотворении «Зерно и космос».

Национальный дух калмыцкого народа сложился на протяжении многих
веков, в течение которых ему приходилось вести борьбу с суровыми природ-
ными стихиями, он подвергался ударам судьбы, но выстоял. Всё это отраже-
но в творчестве Кугультинова, связавшем в единое целое то бесценное сокро-
вище, что оставили ушедшие поколения настоящим. Его философия – это
философия экогуманизма. Пребывание его в мире и прощание могли бы стать
девизом для каждого человека: В тот день, когда я не увижу дня, /Я верю,
сокрушаясь и стеная, /По – матерински примешь ты меня /Вберёшь мой прах
Калмыкия родная!/Явился я безгрешным в твой предел, /Безгрешным – с не-
бом встретился лучистым, /И попрощаться я с тобой хотел, /Калмыкия моя,
таким же чистым./

КАРТИНА МИРА ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Идея творчества – на наш взгляд, самая загадочная в сфере вопросов о природе человека, его самобытности и предназначении – волновала умы ученых со времен античности до наших дней.

Престиж творчества в мировой культуре весьма велик. Само это слово «творчество», по данным контент-анализа, входит в десятку наиболее употребительных слов в психологии, социологии, философии, даже в политологии.

Многочисленные исследования одаренности и творческой одаренности свидетельствуют о важности личностных характеристик человека творческого склада ума. Как правило, отмечается способность легко и быстро усваивать знания и стремление работать на «переднем крае». Творческая личность более независима и самостоятельна в своем мышлении, более склонна к риску. Люди этого типа любознательны, чувствительны к отысканию новых проблем, их отличает фантазия, оригинальность, склонность к новому и стремление к усовершенствованию. Они неутомимы в поисках. Но при этом не удовлетворяются негативной оценкой существующего, отрицанием существующего, а стремятся изменить его. Талант связывают с умением нестандартно мыслить, планировать, принимать решения. Очевидно, творческую личность характеризует одно из фундаментальных качеств, которое можно определить как творческую активность.

У человека нет более благородного занятия, которое оправдывало бы его существование на земле подтверждало высокое звание человека, давало ему самое глубокое и непреходящее наслаждение с ранней юности до преклонной старости чем творчество.

«Творчество» означает прежде всего особый склад ума, особое качество умственных процессов. При этом установлено, что никакое отвлеченное познание не может быть продуктивным в полном отрыве от чувственного. Важное значение в процессе творчества – в любой области деятельности – имеют воображение, интуиция, неосознаваемые компоненты умственной активности.

Если творческий процесс разделить на несколько этапов, например, на три, как делали еще в прошлом исследователи творческого процесса, то можно получить следующую схему:

1 этап – рождение замысла, гипотезы, когда творческая идея говорит только о цели, желании, о том, что творцу хочется, а не о том, чего он действительно достигает;

2 этап – логический анализ, сбор информации, обогащение знаний, разработка плана деятельности;

3 этап – фактическая реализация составленного плана, воплощение замысла, завершение труда.

Как и все схемы, схемы творчества также разрывают живой целостный процесс, заключая его в жесткие рамки, отделяют рационалистические моменты от интуитивных, относят к одному этапу то, что свойственно всем. Нельзя разложить творческий процесс также на исключительно логические аспекты и математически выверить их.

В отсеки схемы невозможно втиснуть воображение, фантазию, вдохновение. Не объяснят они и процесс возникновения замысла, и оригинальность формы его воплощения и многое другое. В беспокойном кипении творческого процесса не всегда наличествует правильная очередность этапов, когда последующий этап начинается после завершения предыдущего. Они постоянно проникают друг в друга. Замыслы корректируются, планы меняются, результат не всегда предсказуем заранее.

Проблема творческого процесса и его закономерностей обширнейшая, и по ней написаны горы литературы. Мы касаемся ее бегло и лишь в аспекте нашей темы. Тем более что, сколько бы общих правил творчества мы ни устанавливали, они не исчерпывают его сущности. Ведь элемент неповторимого, сугубо индивидуального – его важнейшая особенность. Отсюда «тайны творчества» отдельной личности, и чем она одареннее, тем их, кажется, труднее перевести на язык теории.

*Т.Ц. Дугарова,
Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ*

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Под языковой личностью понимается «личность, выраженная в языке (текстах) через язык, личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. Структура языковой личности представлена тремя уровнями. Первый уровень – вербально-семантический – инвариантный уровень, отражающий степень владения личностью обыденным языком. Следующий уровень – тезаурус, или лингвокогнитивный, предполагает отражение языковой модели мира личности и оформлен такими единицами, как понятия, идеи, концепты. И, наконец, высший уровень – мотивационный, прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих поведением языковой личности. Определение языковой личности

как совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов), предполагает объединение в ней этнических, культурных, социальных и психологических характеристик, рассмотрение которых становится возможным сквозь призму языка и дискурса.

А.А.Леонтьев [2003, с. 128] подчеркивает, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» Картина мира выступает как единство индивидуального и социального опыта. Он акцентирует роль опыта человека и систем общественно выработанных значений в осознании этого опыта, нетождественность образа мира наглядному или любому другому образу.

Понятие «языковая личность» восходит к психологическому аспекту определения индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности. При исследовании этнического самосознания как основного параметра языковой личности особенно важно то, что, согласно концепции В.С.Мухиной» [2006, с. 11], самосознание представляется как универсальная, исторически сложившаяся и социально обусловленная психологическая структура, свойственная каждому социализированному индивиду. Формирование этнического самосознания в контексте конкретной социальной ситуации, опосредуется звеньями, образованными базовыми ценностными ориентациями личности относительно собственных идентификаций со своим телом, именем, с притязаниями на признание, природной половой принадлежностью, психологическим временем и социальным пространством личности. Содержательное наполнение звеньев самосознания зависит от характеристик этнической общности, в которой происходит его становление, социальной ситуации развития, системы ценностей общества.

Взаимосвязь языка и этнического самосознания представляет огромное значение для человека как личности: именно «реальность образно-знаковых систем, присвоенная конкретным человеком, через их уникальную трансформацию во внутреннем психологическом поле» становится тем реальным основанием самосознания личности [Там же, с. 9].

Реалия этнического самосознания в контексте языковой личности становится актуальной темой для специалистов, исследующих трудности межкультурного общения, обусловленных различиями в восприятии «картин мира» и расхождениями концептуальных систем этносов.

Особый интерес для исследователей представляют региональные особенности взаимодействия языка и этнического самосознания. Для полиэтнической Бурятии характерно взаимодействие бурятского и русского языков, в основном распространен бурятско-русский билингвизм, так как фактически все буряты являются двуязычными. В последние годы увеличился процент бурятов, не знающих родного языка. В последних исследованиях приводят статистику

стику: владеют бурятским языком – 23, 6 %. Изменения в общественно-политической жизни России и Бурятии создали благоприятные условия для национального и языкового возрождения. Бурятский язык приобрел официальный статус, что было закреплено Конституцией Республики Бурятия и законом «О языках народов Республики Бурятия», принятым в 1992 г. Вместе с тем, констатируем постепенное сокращение общественных функций бурятского языка до уровня бытового использования и доминирование русского языка.

В рамках нашего исследования научный интерес представляет изучение языка и дискурса как одного из условий формирования этнического самосознания в подростковом возрасте, когда о личности подростка можно говорить как об особой языковой реальности (языковой личности). «Реальность образно-знаковых систем, безусловно, выступает как условие психического развития человека на всех его возрастных этапах. Эта реальность может стать средством заявления человека о себе как личности» [Мухина, 2006, с. 37].

Литература

Мухина В.С. Реальность образно-знаковых систем // Развитие личности. – 2006. – №1.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии // Избранные психологические труды. – М., 2003.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2002.

*В.А. Кузьмищев, Е.Н. Павленко, А.А. Шатохин,
Невинномысский ин-т экономики, управления и права, г. Невинномысск*

НАРОДНЫЙ ФЕНОМЕН...

Современная философия при всем многообразии региональных школ, течений авторских концепций характеризуется единством, которое не сводится к хронологическому. Это целостная «мыслительная формация», типологическое своеобразие определяется новыми направлениями философской мысли. И мы не побоимся сегодня сказать новым традиционным менталитетом актуальной философской направленности, выразившейся и отразившейся в творчестве поэта Калмыкии Д. Кугультинова. Позитивное определение современной философии включает ее полемическое дистанцирование в определении новых традиций и направлений. Творчество Д. Кугультинова смогло отразить современное мышление сакральности теоретического образа жизни, субъективный переход к новому времени, новую модель исторического развития. Историзм и философия мышления поэта придали теоретико-познавательное

значение классическому понятию трансцендентального объекта. В культурологическом аспекте были осмыслены новые подходы в творческом наследии классика калмыцкой поэзии, рождение рамок пост-философской культуры, углубленный интерес к самопознанию и самоосуществлению личности, рождая повышенную чувствительность к восприятию окружающего мира, тонких и хрупких межличностных отношений и связей, чуткость к восприятию социальных проблем к окружающей среде, убежденность в необходимости общеобязательной этики в интересах всего человечества с целью развития духовных ценностей и ориентации в их последующем осмыслении.

Духовные ценности, созданные Д.Н. Кугультиновым привлекают внимание международной общественности: ученых, философов и общественных деятелей разных идеологических мировоззрений и ориентаций различных стран мира, сложилась новая историко-философская традиция Д.Н. Кугультинова в классике калмыцкой литературы, которая исследует взаимоотношения различных школ литературной и, прежде всего, поэтической направленности. Ее синергетический аспект стал предметом учения многих поколений ученых. В истории духовной культуры появляется новый исследовательский пласт культуры, феномен которого предстоит оценить в дальнейшем.

Г.С. Малунова,

Бурятский ин-т повышения квалификации раб. образования, г. Улан-Удэ

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ

Гражданин в первые годы Советской власти характеризировался как самоотверженный борец за победу коммунизма в стране и в мировом масштабе, как представитель всемирного пролетариата, где пролетарская классовая солидарность – важнейшее отличительное качество. Целевыми установками в гражданском воспитании являлись следующие положения:

– подготовить подрастающее поколение к принятию на себя функции субъекта народовластия, хозяина государства и труженика, сделать школу орудием духовного освобождения масс, чтобы ребенок учился в ней «быть хозяином жизни, творцом ее» (Н.К. Крупская).

На основании изложенного можно утверждать, что, начиная с 20-х годов XX века развитие идеи гражданского воспитания более последовательно пошло в русле трактовки гражданственности как общественно-государственного патриотизма, т.е. сознание принадлежности к государству как организован-

ному целому, понимания прогрессивности проводимой им политики и вытекающей отсюда готовности граждан активно участвовать в решении текущих и перспективных задач.

Гражданственность, соотносившаяся с понятиями «многонациональное государство», «политический строй», «трудовое сообщество», представляло собой единство духовно-нравственных составляющих, что нашло отражение в творчестве поэта.

Отвечая на вопросы юных читателей «Пионерской правды» «Не была ли революция 1917 года ошибкой большевиков, почему на 7 ноября готовятся альтернативные выступления?». Народный поэт Калмыкии, член Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Давид Никитич Кугультинов отмечал: «Я родился через пять лет после того, как совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, и, естественно, вся моя жизнь проходила в годы, когда все отмечали эту дату как великий праздник. Революция была чертой наивысшего подъёма сознания народов нашей страны, когда у всех была цель великая – счастье для всех живущих на Земле. Был опыт Великой французской революции, опыт освобождения Соединённых Штатов Америки. Но в состоянии эйфории, после того, как взяли власть в свои руки, мы решили пренебречь опытом многих государств, совершивших свои революции до нас, и сразу, одним прыжком, достичь своих идеалов. Жизнь, оказалось, не подчиняется желанию и идет по законам, предначертанным историей. Я вместе со своими сверстниками прошёл дороги Великой Отечественной войны. И все, кто причастен к победе над немецким фашизмом, не измеряли счастье количеством колбасы и ботинок. Есть нечто большее – земля родная, небо и история, дух народа, сотворённый движением времени, мечтами поколений. И я уверен, что поколение сегодняшних наших школьников, наши внуки при жизни осуществят наши идеалы и докажут, что человек рождается для счастья. Но строит его сам, трудом своим, непременно сам, а не руководя кем-то. Он, этот сегодняшний школьник, будет любить и уметь трудиться, отличаться талантом, изобретательностью, предприимчивостью создавая счастье не только лично для себя, но и для всех окружающих. Это самое главное – человек должен стать хозяином».

В ответе юным читателям прослеживается развитие представлений о гражданственности как интегративном качестве личности поэта. Очевидно все более полное выявление нравственной составляющей гражданственности в поэзии Давида Кугультинова.

Таким образом, на современном этапе гражданское воспитание осуществляется через ценности внутренние, природно-присущие человеку. Вновь востребованы ключевые ценности, свойственные российскому менталитету, – патриотизм, достоинство.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КАЧЕСТВ В ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Основу педагогической подготовки учителя составляет базовое педагогическое образование, которое предоставляет обучающимся возможность овладеть системой знаний о человеке и обществе, истории и культуре, получить фундаментальную научную подготовку и основы профессиональных знаний по избранному направлению. Существует различное понимание роли учителя: одни видят в нем простого преподавателя конкретного учебного предмета, другие – педагога, воспитателя и наставника молодежи, человека, способствующего становлению личности ученика. Не секрет, что результативность деятельности школы определяется личностью педагога, который должен обладать широкими познаниями в сфере культуры, в области психологии, педагогики и методики обучения тому или иному учебному предмету. Но главное – учитель сам должен обладать всеми теми качествами, которые он хочет воспитать у учащихся. В этой связи значимыми звеньями содержания педагогического образования являются самообразование студентов и их практическая деятельность. Самообразование в широком смысле слова – это совершенствование своих знаний и умений в различных областях действительности, а в узком – совершенствование специальных знаний и умений в конкретной сфере деятельности. Содержание самообразования должно соответствовать профессиональному уровню педагога, его интересам и склонностям. Главным условием педагогического самообразования является самоконтроль.

Самообразование учителя находится в тесной взаимосвязи с самовоспитанием, проблема которого с годами не становится менее актуальной. Профессия учителя немыслима вне постоянного самосовершенствования, так как он должен быть образцом для своих учеников. Самовоспитание педагога – сознательная и целенаправленная деятельность. При постановке целей самовоспитания важно определить их значимость и необходимость, соотнося себя реального с желаемым идеалом (результат самопознания). Постановку целей мы понимаем как часть самопроектирования, выступающего в качестве мощного стимула развития. Самовоспитание начинается с момента появления плана – программы изменения своей личности. В процессе профессионального самовоспитания педагога могут быть использованы различные приемы, среди них выделяются три группы: самоинформирование, самопобуждение, самоорганизация. Самоинформирование основывается на самопознании, так

как без точного знания и оценки своей личности человек не может определить направление работы над собой. Самопознание основывается на умении критически оценивать мнение окружающих: администрации школы, коллег, школьного психолога, учеников и их родителей. Самопобуждение к самовоспитанию зависит от уровня развития личности. Основными его формами являются самоодобрение, самоободрение и самоубеждение. Благодаря самоубеждению в сознании учителя формируются образы исходного и желаемого профессионально значимого качества личности, Учителя, которые определили программу самовоспитания, но испытывают затруднения в ее осуществлении, должны опираться на такие формы самоубеждения, как самоприказ и самопринуждение. Организация процесса самовоспитания начинается с самоконтроля (самонаблюдение, самопроверка, самоотчет, самоанализ, самоинструктаж): «надо проявлять хладнокровие», «надо проявлять остроумие», «надо предъявлять требования к себе» и т.д. Судить о профессиональных качествах учителя можно на основании результатов изучения мнения учащихся, коллег, родителей. Введение рейтинговой системы (оценка качеств учителя по балльной системе, ранжирование предметов по значимости, выявление стилей деятельности) предполагает активное участие в учебно-воспитательном процессе не только учителей, но и родителей. Рейтинговую систему можно представить в виде цепочки: исследование – вычленение проблемы – коррекционная работа – результат. Для наблюдения за ростом профессионального мастерства учителя исследования необходимо повторять, сравнивая результаты.

*О.Д. Мукаева,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

ВО ИМЯ ПРАВДЫ... (ПО ТВОРЧЕСТВУ Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА)

Первый тезис: Попытка проникновения в творческую лабораторию поэта-мыслителя, с целью изучения (исследования) его духовного наследия подтверждает. Что творческая лаборатория – своеобразная загадка, трудно постижимая недостаточно изученная.

Всегда в творчестве, особенно в литературном есть этапы взлета (как Болдинская осень Пушкина) и есть затишье, а может быть вообще молчанье, когда ушел творческий потенциал, иссяк, выработан.

Поэт-писатель всегда в своем творчестве отражает типичное, характерное для своей эпохи – это с одной стороны, а с другой – он опережает время. Он только тогда великий (предстает в своем величии, когда он народен – народ-

ный поэт выражает думы и чаяния своего народа), причем пишет на родном языке. Отражая народное, одновременно является выразителем общечеловеческих духовных ценностей, таким образом, он становится достоянием общечеловеческой культуры.

Второй тезис: Есть несколько путей отображения поэтом типичного: первый, когда им создается собирательный образ, обобщённый на основе увиденного, услышанного и осмысленного, присущего людям процессов и явлений; другой путь, когда судьба даёт (представляет) поэту-писателю счастливый случай: человек, события, явления, вбирающие в себя все характерное, все типичное. Третий путь – сочетание первого и второго. При попытке проникновения в творческую лабораторию Д.Н. Кугультинова я ограничилась его публицистикой.

Предметом моего микроисследования является эссе, опубликованное в журнале «Теегин герл» №4 1988 г. «Правду, только правду!». В нём как капля воды сконцентрирован в одном единичном случае – трагическая судьба и характер калмыцкого народа. Так, трагическую драматическую судьбу пережил сам автор и его семья: годы репрессий – раскулачивание и коллективизация (о раскулачивании своей семьи Давид Никитич пишет так: «...деда раскулачили в 1931 году, и мы все оказались детьми «мироеда-кровососа», как выразился один бездарный калмыцкий писатель. Моего деда, сосланного на Урал, убило деревом на лесоповале, бабушка умерла, наевшись золы в состоянии голодного психоза. Отец и мать были осуждены Советской властью» [Кугультинов, 1997, с.5]. Депортация в годы Великой Отечественной войны и тюремное заключение в течение двенадцати лет. На таком фоне исторического полотна раскрывается своеобразный этнотип с присущим ему менталитетом, национальным характером, обычаями, традициями, верованиями.

Д.Н. Кугультинов – билингв (двуязычие) в равной степени в своем творчестве он владеет и русским, и калмыцким языками.

Перехожу к анализу конкретного материала, чтобы аргументировать выказанное положение. В эссе показана картина того драматического, трагического времени: раскулачивание семьи и арест зайсанга, проявление насилия, грубости, издевательского отношения. И вдруг по воле судьбы события круто поворачиваются между персонажами, участвовавшими в раскулачивании. Те, которые арестовывали зайсанга, разделяют участь репрессированных. Коллизия нарастает, бывший зайсанг неожиданно встречается с участником репрессии и ареста. Это не художественный вымысел автора, а реальность – действительные факты.

Казалось бы такой поворот судьбы, удобный случай для расплаты, сведения личных счетов, мести, но события развиваются совсем по-другому – невдуманному действительному сценарию. Бывший зайсанг, осужденный от-

вергнутой, сосланный в Сибирь, названный «врагом народа», в духе народной мудрости находит выход из сложившейся ситуации. Эта встреча произошла, когда раскулаченный зайсанг был выбран председателем колхоза, созданного в поселении бывших кулаков, в селе Бокчар Томской области.

Усиливает драматизм почти аналогичный случай, приведенный Давидом Никитичем из собственной многострадальной тюремной биографии: «Когда меня сажали в Бийске в тюрьму в числе свидетелей, показывавших против меня, был некто Дорджиев Лиджи. ... помню у него был серебряный портсигар и папиросы «Казбек». Мне тяжело сидеть и курить хочется... Спрашиваю у своего следователя майора Елагина: «Гражданин следователь, можно у него попросить папироску?» Этот русский человек посмотрел на меня: «Пожалуйста, если... Я не возражаю». Тот взял портсигар, защелкнул: «Таким, как ты, я не даю». И вот прошли годы. Вернулись домой. В пятьдесят восьмом году (Л.О. Инджиев тоже с нами был) пригласили нас в Лолу выступить со стихами. И вижу, мне навстречу еле-еле идет, шатается, высохший, как спичка, человек и говорит: – О-о, Дава! Хойр уул харьдга, хойр күн харьдг – две горы не встретится, а два человека сойдутся! – и подает мне руку.

Я, взглядевшись, узнал его. Это был Дорджиев Лиджи. Я отнял руку и говорю: –Таким как ты, я руки не подаю. Ты сдохнешь через неделю, а я буду жить. Я не хочу от тебя заражаться... У меня не хватило мудрости и мужества, какие нашлись у Эрдниева. [Теегин Герл, 1988, с. 5]. Он признается, что в данный момент, учитывая импульсивность как черту характера, поступил по-другому – при случайной встрече многие годы спустя после реабилитации калмыцкого народа он не подал руку, протянутую обидчиком.

Таким образом, с помощью художественного приема противопоставления автор возвеличивает черту характера калмыцкого народа – великодушие, благородство, всепрощение, отнюдь не месть. Давид Никитич переживал историческую трагедию – боль и утрату, которые перенес народ, обезглавливалась «духовная элита», за колючей проволокой оказались дворяне и князья и их потомки, выдающиеся ученые, военачальники, писатели и поэты, священнослужители... Долго и давно вынашивал это событие – явление, осознавал и понимал, как это остро отразилось на судьбе малочисленного калмыцкого народа. Это мысль, несомненно, глубоко занимала ум и чувства поэта, когда изменилась ситуация, наступила «оттепель», Д.Н. Кугультинов одним из первых мужественно об этом высказался и выразил свою позицию.

Литература

Кугультинов Д.Н. Судьба. – Элиста, 1997.

Я обречен писать стихи... // Теегин Герл. – 1988. – № 4.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

(Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-06-36601а/Ю)

Родина – понятие географическое и историческое. Веками перекраивалась карта мира. Менялись ландшафты, исчезали целые территории, некогда могущественные людные города превращались в груды безымянных развалин, и об их прежнем величии ныне можно судить лишь по скупым строкам, оставленным свидетелями – летописцами.

Менялись названия, но территория оставалась прежней с устойчивой географической средой, сложившейся еще пять тысячелетий тому назад. Она охватывает северо-западную часть Прикаспийской низменности, Ергенинскую возвышенность и северную часть Ставропольского плато.

Проходили столетия! Сколько раз ранние весны накрывали в степи разноцветную скатерть цветов, а осенние студеные ночи оставляли на голой, выжженной суховеем земле, серебряные пятна инея. Жизнь продолжалась!

О калмыцкой степи, о небывалой, удивительной красе её необъятных просторов, где раскинулись белые, как счастье, кошмовые кибитки знатных нойонов и зайсангов, да черные, как горькая судьба, кибитки простолюдинов, об их обитателях, поражавших пришельцев своим гостеприимством и добротой, удалью и отвагой, писали русские писатели А.Ф.Писемский, В.И.Немирович-Данченко и прогрессивные деятели украинской культуры [Розенблом, 1969].

Калмыцкая литература родилась и возродилась в степи. Мотив степи был и оставался «сквозным» и в поэзии Давида Кугультинова.

Путь Д.Н.Кугультинова и в жизни и в поэзии был нелегким. Его «университеты» оказались далекими от того, что могла обещать жизнь молодому человеку, опубликовавшему свои первые стихи в очень раннем возрасте – в двенадцать лет – и принятым в члены Союза писателей СССР в восемнадцать лет.

На лучших образцах фольклора своего народа, среди тысяч которых был и остается великий эпос «Джангар», Д. Кугультинов учился видеть и ценить красоту природы. Он вспоминает: «я любил слушать и рассказывать ребятам о богатырях и волшебниках. Обычно мы уходили в степь, находили укрытие от ветра и просиживали до вечера, слушая легенды о фантастических странах, созданных народным воображением». Не тогда ли Давид Никитич проникся всепоглощающей любовью к калмыцкой степи. Он провел здесь свою юность и на всю жизнь сохранил нежную привязанность к степи – свидетель-

нице его первых творческих опытов. Здесь поэт находил краски и материалы для описания всей её красоты.

Тема степи занимает большое место в творчестве Д.Н.Кугультинова. Степь вдохновила его на создание бессмертных произведений, и среди них такие шедевры, как «Цветок, одолевший бурю», «Матери-степи», «Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!», «Смерть сайгака, или Растрелянное утро», «Баллада диких тюльпанов», «В степи весенней мальчик лет шести, ...». Ей посвящены строки: /Невзрачна степь калмыцкая на вид,/Но весен множество она в себе таит./

В годы войны с фронта он обращается к Матери-степи: /Степь моя! Степь!/ Тому, кто душой тебя понял,/Сердцем тебя полюбил,/Ты открываешь глаза./

Для Давида Кугультинова красочный образ степи, отражает его взгляд на природу как на естественное, материальное чудо, которое не противостоит великому таинству человеческого разума. В его стихах «Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!» звучит этот же мотив, но чудо вечно возрождающейся природы как бы приближено к собственному «я» поэта. / Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!/Хрустально-звонкий воздух, и простор,/И колокольчик – жаворонка трели!.. /Ты – музыка, чьи звуки с давних пор/Какой-то гений, в неизвестность канув,/Переложил на живопись тюльпанов./

Поэтический мир Кугультинова – это, прежде всего, мир Добра. В искрометных, густых лучах рассвета степь представляется поэту «как праздничный подарок», в котором соседствуют самые удивительные явления природы. Жаворонку он как другу машет рукой, суслик кажется ему давним приятелем, птица с пестрым гребнем сидит, нисколько не боясь, рядом с ним. Развитие пейзажной лирики Кугультинова, связанной с образом степи, идет по линии психологической насыщенности и смысловой углубленности. В этом случае образ степи становится носителем «высокой» темы, как например, в большом сюжетном стихотворении «Смерть сайгака, или Растрелянное утро». Высшее достижение скульптора-природы – это сайгак./Какое показало мастерство /Природа-скульптор в день, когда лепила /Сайгака!.. Сколько проявила силы!/Как тщательно продумала его,/Как мудро и любовно он отлит!/Вписав сайгака в золотые дали,/Природа рассчитала все детали,/От гордой головы и до копыт! /

И в этом предается ощущение неразрывного родства со всем живым, в необходимости жить в согласии с природой.

Сильная сторона поэзии Кугультинова – в его отношении к природе как к некоему разумному началу, вечному источнику познания смысла человеческого бытия. И поскольку человеческий разум есть часть мирового разума, то жить сообразно природе – значит жить сообразно разуму. Поэтический образ степи Кугультинова тесно связан с вопросами экологической этики: /А сайгак/Лежит...пригнулась шея неукложе.../Дымится кровь и вытекает лужей./ И солнце опускается во мрак,/Багрово-липкий, нестерпимо алый.../И мирной радости как не бывало! /

...В век пошатнувшейся нравственности, чрезмерного “здорового смысла”, огромное значение имеет опора на литературу, искусство, живопись. Человек – часть природы. Уничтожая ее, он уничтожает себя. Но чтобы он это понял, мало действовать на его ум, больше надо – на сердце. Французский эколог Ж. Дорст [1968] писал, что «спасти природу может только любовь, только живое чувство восхищения, а не расчет». Творчество Д.Н.Кугультинова представляет собой яркий пример восхищения природой родной калмыцкой степи, всем живым её населяющим, заботой и болью за её будущее. В своих стихах он подчеркивал, что человек, выполняя свои социальные обязанности, в том числе следуя правилам охраны природы, должен не только их признавать и исполнять, но и считать своими: /В степи весенней мальчик лет шести,/Бутоны цветка, увидев нераскрытый,/Давай его разворачивать сердито:/ Он, дескать, должен тотчас расцвести!/- Что делаешь?! Зачем ты губишь цвет?../- Природу побеждаю! – был ответ.«Чужие речи повторяет малый...» – /Подумал я. Не по себе мне стало./Ребенку объяснить не так-то просто, /Что побеждать природу он начнет, /Когда познает все законы роста, /Изучит скрытого развития ход.../Ведь даже многоопытные мужи/Порой с природой поступали хуже,/Забыв, что хоть она – сильна, крепка,/Но – так нежна, но – так подчас хрупка!/

Важную роль в воспитании экологической этики человечества может стать обращение к поэзии Д. Кугультинова. Его экологосообразные стихи и сейчас не потеряли своего значения и могут с успехом применяться в пропаганде охраны природы и в экологическом воспитании.

Литература

Розенблюм Ю.Б. Давид Кугультинов. М., 1969.

Кугультинов Д.Н. Собрание сочинений, в 3-х томах. М., 1988.

Дорст Ж. До того как умрет природа. М., 1968.

Х.-М.А. Сабанчиев,

Кабардино-Балкарский госуниверситет, г. Нальчик

ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

В 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия достигла своей вершины поэзия Д. Кугультинова. Как известный поэт, он неоднократно избирался в Верховный Совет Калмыкии и СССР, принимал активное участие в общественно-политической, культурной жизни республики и страны. При этом он придавал

большое значение актуальной и болевой проблеме в нашей сложной и далеко еще не изученной истории, которая дает о себе знать по сей день.

Депортация народов и преодоление ее последствий была и остается одной из важных проблем российского общества. Давид Никитич сделал многое для неформальной, а затем и политико-правовой реабилитации депортированных народов. Его выступления и публикации позволили сделать достоянием широкой общественности незаживающие раны репрессированных народов, сформулировать и предать гласности животрепещущие проблемы безвинно наказанного населения, узнать о глубине и масштабности проблем, стоящих перед государством и обществом в деле преодоления всех негативных последствий сталинизма, способствовали созданию нового отношения к проблемам репрессированных народов и к самой политике реабилитации [Кугультинов, 1988].

Д. Кугультинова глубоко волновал вопрос – почему выселяли народы? Свое мнение о причинах депортации калмыков он высказал еще в 1944 г., выступая в Бийске на одном из собраний группы депортированных калмыков [Бугай, 2006 с. 15]. Официальную версию выселения он считал абсурдной, поскольку она игнорировала реальные масштабы мобилизации и участия воинов-калмыков в Великой Отечественной войне. Депортация целого этноса, на его взгляд, выступает как глубокая деформация в национальной и внутренней политике советского государства.

Можно согласиться с мнением, что использование депортации как репрессивных методов воздействия к гражданским лицам есть специфическая черта тоталитаризма в целом. Принято считать, что полностью тоталитарных режимов было всего два: коммунистический Сталина и национал-социалистический Гитлера. Именно тоталитарные лидеры этих коалиций внесли много нового и трагического в депортационную политику, обогатив соответствующий исторический опыт. Неудивительно, что Д. Кугультинов одним из первых поставил знак равенства между Сталиным и Гитлером [Кугультинов, 2002 с. 240]. Важно понимать, что запредельная жестокость и большевиков и нацистов во многом порождена так называемым «европейским духом абстракций», опасной игрой понятиями «классы» или «нации». Давид Никитич отмечал, что первые уничтожали человека за принадлежность к обреченному, с их точки зрения, классу, практиковали депортации по национальному признаку, исходя из сталинских представлений о категориях народов СССР, вторые ликвидировали людей за то, что они евреи или цыгане, проводили весьма схожую с советской политику принудительного переселения на основе критериев теоретизирующего национал-социализма.

Пройдя все круги ада в лагерях и тюрьмах, Давид Никитич глубоко переживал за судьбу своего униженного народа, превратившегося на спецпоселе-

нии в «народ – ЗК», «народ – изгой». Рассматривая депортацию как составную часть спецпоселения, он не находил законодательной базы, обосновывающей данное явление. Фактически депортация выступает в качестве процедуры помещения социальных или этнических групп на спецпоселение, которое, в свою очередь, является механизмом удержания их в условиях особого режима [Кугультинов, 2002 с. 243]. Факт тотальной депортации целых народов он ставил вне закона и квалифицировал действия властей как нарушение прав каждого необоснованно высланного человека.

Д. Кугультинов высоко оценивал непреходящее значение XX-го съезда КПСС для судеб депортированных народов [Кугультинов, 2002 с. 246]. В докладе «О культуре личности и его последствиях» впервые высшим должностным лицом страны была дана оценка совершенному Сталиным и его ближайшим окружением геноциду в отношении репрессированных народов. В докладе прозвучало признание, что власть в официальных документах зачастую санкционировала создание картины, весьма далекой от реальной. Выселение калмыков, балкарцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей Н.С. Хрущев назвал «грубым попранием национальной политики советского государства». В своем докладе он подчеркнул массовый, поголовный характер выселения, отклонил доводы о том, что при выселении руководствовались военными соображениями, так как в то время уже определился прочный перелом в ходе войны в пользу СССР. XX съезд партии предложил возродить незаконно упраздненные национальные автономии репрессированных народов. Однако вне поля зрения докладчика остались немцы, крымские татары, турки и др., т.е. большая часть депортированного населения. Выступая на первом съезде народных депутатов СССР 6 июня 1989 г., Д. Кугультинов возвысил свой голос в защиту этих народов. Он предложил принять законы о восстановлении республики немцев Поволжья, Крымской автономии и вообще принять закон о правах народов, чтобы «ни один народ никогда не подвергался бы таким акциям, каким подверг их Сталин» [Кугультинов, 2002 с. 254]. Он был убежден, что построение гражданского общества немыслимо, если частное лицо не занимает в его правовой системе одну из ведущих позиций, если интересы рядового гражданина стоят ниже государственных.

Под занавес XX века в России был сокрушен коммунистический режим. Курс на демократические преобразования в стране придал процессу реабилитации репрессированных народов второе дыхание. В те годы правдивый анализ прошлого, восстановление справедливости были необходимы не только ради исторической истины, памяти жертв беззаконий и произвола, но и для решения насущных задач демократизации, законности, гласности. Об этом Давид Никитич говорил на заседании Верховного Совета СССР 14 ноября 1989 г. [Кугультинов, 2002 с. 265-268]. С высокой трибуны он потребовал: сталинскому про-

изволу и насилию должна быть дана политическая, правовая и нравственная оценка как преступлению против советских народов. Благодаря усилиям Д. Кугультинова, Д. Сахарова и др., впервые тотальная депортация с последующим применением репрессивных мер, направленных на достижение гражданских прав по признаку этнической принадлежности, была признана преступлением в декларации Верховного Совета СССР, принятой в тот день. Самое важное в этой декларации даже не констатация необходимости принятия соответствующих законодательных мер для безусловного восстановления прав этих народов, а признание этих актов репрессивными и процесса в целом – искажением общечеловеческих принципов гуманизма.

Отрадно, что дело, которому Д. Кугультинов посвятил много лет своей жизни, находит понимание, поддержку и продолжение в действиях руководства Республики Калмыкия. Президент К. Илпомжинов в январе 2000 г. образовал Совет по реабилитации народов республики. Этим было фактически положено начало новому этапу реабилитации. 9 января в республике был принят и новый Указ «О мерах по материально-экономической реабилитации калмыцкого народа в 2001-2010 годах», в основе которого – положения Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов».

Давид Кугультинов был нравственным, идейным и политическим эталоном Калмыкии.

Литература

- Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М., 2006.
Кугультинов Д. От правды я не отрекался ... // Огонек. – 1988. – № 18.
Кугультинов Д. Собрание сочинений. Норильск. – Т.3. – 2002.

*О.В. Северцев,
Фонд «Монгольские народы», г. Элиста*

ПАТРИОТИЗМ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА (ПОПЫТКА ОБЩЕЙ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА)

Сегодня в России, не секрет, актуальна идея обретения общенациональной (общегосударственной) идеи, символов гражданского единения и согласия, поиск личностей, чьи имена способны консолидировать народы многонационального государства. Задача эта в географических масштабах России условиях ее полиэтничности и поликонфессиональности поистине сложно выполнимая, но необходимая. А кто может выступить в подобной сплывающей

щей роли на региональном уровне, для отдельно взятого этноса – всегда ли только былинные персонажи и герои древней истории? Кто из калмыков современности может примером личной гражданской позиции, делами, поступками, помыслами вдохновить сородичей на возрождение патриотизма, а не слепого национализма; на осознание себя в полной мере российским калмыком; гордиться и чувствовать ответственность за принадлежность к калмыцкому этносу, а не кичиться лишь деяниями Чингисхана много сотен лет назад? Чей пример в противоречивых условиях глобализации (по сути, вестернизации культур и этносов) может способствовать и в дальнейшем сохранению не только антропометрического своеобразия калмыцкого народа, но и уникальной духовной и материальной культуры? Неизбежно всплывает в памяти изречение: «Поэт в России больше, чем поэт».

Личность, феномен крупнейшего Поэта современности Давида Никитича Кугультинова многосторонни настолько, насколько он одним своим именем прославил маленькую по территории степную республику и народ, давший ей название. Этот народ, калмыки, задолго до восхождения Д.Н. Кугультинова на поэтический небосклон играл неоспоримо важную роль в судьбах и центральноазиатского региона и России с середины XVII в.; этот народ обогатил мир гениально-неповторимым эпосом «Джангар». Но именно имя Поэта Кугультинова являлось равнозначным названием Калмыкия для многих жителей Земли долгие годы второй половины XX и начала XXI вв.

Соприкоснувшись однажды с явлением по имени Кугультинов, невозможно не попытаться осмыслить в контексте поставленной нами задачи его значение в жизни немногочисленного калмыцкого народа. Употребление настоящего времени неслучайно: окончив земной путь, Давид Никитич не только остался в нашей памяти, он не только оставил нам огромное наследие, но и продолжает влиять на земные процессы из космоса в виде малой планеты под № 2296, названной «Кугультинов».

Осмыслить значение феномена Д.Н. Кугультинова для калмыцкого народа в первую очередь, и в целом для Республики Калмыкия необходимо, пока свежа память; к тому же мне посчастливилось быть лично знакомым с этим Человеком, быть свидетелем, когда одно упоминание имени Давида Никитича далеко за пределами нашей республики вызывало у окружающих неподдельное уважение ко всему, что связано с калмыками и Калмыкией.

Суть, разумеется, не в их количестве, хотя и оно в очередной раз подчеркивает феноменальность талантливой личности Давида Никитича Кугультинова, а в искренности уважения к Поэту и народу, которому он принадлежит. Это одна из величайших высот, покоренных гением российского калмыка, Поэта, Гражданина и Философа Кугультинова.

Патриотизм Давида Никитича как российского калмыка, его значение как поэтического феномена и общественного деятеля, стойкость жизненных позиций как Гражданина, безусловный авторитет и уважение к личности Поэта на постсоветском пространстве, огромное наследие, оставленное Философом – лишь некоторые из качеств и характеристик Кугультинова, способных, по нашему мнению, служить основой для духовно-этнического сплочения калмыцкого народа и возрождения его национального языка и культуры в современных условиях.

*Р.М. Ханинова, А.В. Музаева,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

ТЕМА ВОСПИТАНИЯ В СТИХАХ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА И МИХАИЛА ХОНИНОВА

Среди множества произведений калмыцких поэтов на тему воспитания наше внимание привлекли два стихотворения Давида Кугультинова и Михаила Хонинова, в которых, на наш взгляд, эти размышления при всем различии ракурсов являют общность позиции.

В стихотворении «К людям будущего» (пер. Ю. Нейман) Д. Кугультинов предостерегал от пренебрежения к прошлому: *«Люди будущего!.. Внуки! / На минувшие века / С высоты своей науки / Не смотрите свысока!..»* (курсив наш. – Р.Х., А.М.) [Кугультинов, 1988, с.320]. Забвение опыта предыдущих поколений может обернуться последующим разрушением цепи преемственности: *«Мир до краев мы заполняем вместе: / Не терпит человечество пустот!»* («Любой из нас, кто трудится во имя...», пер. Ю. Нейман) [Кугультинов, 1988, с.258]. Именно поэтому его стихотворение «Вы детей растите в холе...» (1970) в переводе Ю. Нейман напрямую обращено к родителям, ответственным перед будущим: */Вы детей растите в холе, / Детям вы даете волю, / Но подумайте, родители, / Человека вы растите ли? / В детях мы души не чаем, / Все проступки им прощаем, / Может, лишь из-за себя, / Лишь свою любовь любя? / Но под нашею опекой / Детям долго ли расти? / Что вы дали человеку / Для нелегкого пути? / В каждой клетке, каждой жилке – / То, что с детства в нас вложили, / С первых лет Добро и Зло / В кровь и плоть у нас вошло... / Баловням своим, родители, / Силу духа вы дадите ли?* [Кугультинов, 1988, с. 177].

Стихотворение Д. Кугультинова перекликается со стихотворением М. Хонинова «Моя няня» (пер. Н. Поливина), где, вспоминая о бедном, но счастливом детстве, автор обращается и к веревке – своей няне. */Волосной веревкой – / вот досада! – / Привязывала к двери мать меня, / Чтоб я не лез / к быкам серди-*

тым/ в стадо, /С пилкой деревянной семеня./Что делать, /Если сильно заарканен/Текучий мир?/А степь всю цвела./Калмыцкая веревка/Доброй няней/ Меня от бед случайных берегла./Я был таким отчаянно упрямым, /Не мог прожить без синяков и дня.../Уже за полночь/возвращалась мама/И разлучала с няню меня.../ [Хонинов, 1977, с. 26–27].

Следовательно, в произведении калмыцкого поэта «волосая» няня – привычный компонент жизни родного кочевья: «материнская забота о сыне находит неожиданное *магическое воплощение*» [Ханинова, Ханинова, 2005, с. 411–417].

О другой особенности такого ухода и воспитания метафорически говорится в стихотворении М. Хонинова «Наши бабушки курят трубки» (пер. Р. Ханиновой). /Внуков нянчили не на ладони, /А, как водится встарь, на бедре:/Вот достанут их руки поводья/Аранзала – и быть им в седле./

Здесь обыгрывается калмыцкая поговорка о воспитании девочки *на ладони* до пятнадцати лет (в ласке), т.е. до замужества (см. поэму М. Хонинова «Сказание о калмычке»), и *мальчика – на бедре*. В тех же путевых записках Смирнова продолжение беседы с княгиней позволяет понять эту этническую особенность. «...Летней порой, когда калмычке нужно идти в другой хотон и непременно взять с собою грудного ребенка, который ползает или только что начинает ходить, она несет его не на руках, как это делают русские женщины, а наклонивши свой стан налево, *выставляет правое бедро вперед, на которое верхом сажает ребенка*, и продолжает путь, рукою придерживая дитя за ягодицы. Да и малютка сидит осторожно, он ручонками крепко держится за одежду матери, сжимая ножонки, насколько позволяют ему детские силы». – «Не этот ли способ ношения детей причиною того, что калмыки имеют искривленные ноги? Не оттого ли походка калмыков до того не тверда, что с первого взгляда представляется, будто бы калмык только что начинает учиться ходить?» – спрашивал я. «Может быть, – отвечала княгиня, – но зато это помогает им впоследствии при верховой езде: из кочевников выходят самые отважные наездники! Есть такие удалцы, которых только посадите на степную вовсе не обьеженную лошадь, которую с трудом поймали арканами, и он, ухватившись за гриву, сидит на ней так плотно, что все прыжки и попытки дикого животного сбросить со своей спины седока остаются без успеха. С бешенством скакавшая лошадь устает и делается покорною воле наездника!» [Смирнов, 1999, с. 77–78].

Воспоминание об укрощении коня степнячкой как жизненный завет в стихотворении М. Хонинова «Ожидание»: «Коль еще тяжелей мне придется, / Будет цепкость полыни и смелость калмычки со мной» (пер. И. Волобуевой) [Хонинов, 1981, с. 191–192].

Итак, «сила духа», которую должны привить родители детям, по утверждению Д. Кугультинова, чтобы «*быть в седле*», как верил М. Хонинов, составляет неотъемлемую доминанту в воспитании Человека как в прошлом, так и в настоящем, а это значит – и в будущем, как завещано предками.

Литература

Кугультинов Д. Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с калм. – М., 1988.

Хонинов М.В. Подкова: Стихи и поэма / Пер. с калм. – М., 1977.

Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. – Элиста, 1999.

Ханинова Р.М., Ханинова Э.М. Нравственный императив сыновней памяти в лирике Михаила Хонинова // Материалы X Шешуковских чтений. – М., 2005.

Хонинов М.В. Орлица: Стихотворения и поэмы / Пер. с калм. – М., 1981.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

*З.С. Бальчинова,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

«Я БЫЛ И ЕСТЬ КАЛМЫК!» (НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ Д. КУГУЛЬТИНОВА 50-Х ГОДОВ)

Имя Давида Кугультинова занимает особое место в литературном процессе XX в. Его произведения легко узнаваемы по классически выверенному слогу, по изысканности реализации высокого через обыденное, по интонационному богатству, афористичности.

Кугультиновские тексты уникальны по интеллектуальному и эмоциональному общению с адресатом при максимальной степени доверительности. Эта опосредственная диалогичность может быть как скрытой, так и явной, и ее внутреннее напряжение предопределяется способностью субъекта речи вычленивать и осмысливать только важнейшие эмоциональные составляющие бытия.

Поэты-переводчики Ю. Нейман, Ю. Вронский, Н. Матвеева, В. Стрелков, С. Липкин точно передают это внутреннее напряжение кугультиновской поэзии. Произведения Давида Кугультинова 50-х годов занимают особое место в его творчестве. Стихи и поэмы, созданные в 1956-1957 г., на наш взгляд, еще недостаточно изучены и представляют огромный интерес для изучения творчества поэта в контексте современного языкознания и литературоведения. Из произведений этого периода выделены те, в которых автор повествует о трагической судьбе целого народа и горькой судьбе осужденного поэта. («Лето в Норильске» Пер. Ю. Вронского, «Очищение» Пер. Ю. Нейман, «Я помню прошлое. Я помню...» Пер. Н. Матвеевой и др.) [Кугультинов, 1988, с. 50, 56, 72.] «Талант – это умение точно воспроизвести свое состояние в его человеческой (значит, и всечеловеческой) сути», – писал Давид Самойлов. [Самойлов, 2002, с. 354]

Особая тематическая связь многих стихов этого периода в том, что боль от несправедливости была столь остра, почти осязаема.

Поэт использует экспрессивную, эмоционально окрашенную лексику, слова предельного значения /«Эңкр цаһан саната. /Эжэн үзсн болнав»/ стихотворение «Өлсжэтлм, жилмүд хооранд». [Көглтин Дава, 1981, с. 68] В русском переводе «Я помню прошлое. Я помню...» пер. Н. Матвеевой.

Яркий пример – стихотворение «Очищение» Пер. Ю. Нейман [см. выше]./ ... И громада зла, /Подобная неизлечимой боли, / К которой притерпелся поневоле, /Вдруг поддалась, подтаяла, сползла/С души, хоть к ней, казалась, приросла./

Автор использует эпитеты, сравнения, метафоры: /Пускай она в морщинах, как земля, ... /Но где же зубы – звезды – жемчуга?/Увы!.. Давно сгубила их цинга!/Подернутые синевой и гарью, /Они, как звезды черные, в снега/Скатились... Поглотила их пурга, /Пожрал огонь холодны Заполярья.../

Лирический герой осознает и понимает всю важность данного положения:/Отстукала бесстрастно машинистка/Здесь на бумаге: «Не виновен.. Нет»./ Но горечь от потерь слишком велика...:/И потому я не пускаюсь в пляс/И шапкой оземь не хлещу в кураже.../И потому, хоть благодарен я, /На радость стоит мне усилий.../Припомнилась мне молодость моя. /Все десять лет... И вы, мои друзья, /Дождавшиеся правды лишь в могиле.../

При непосредственном восприятии художественного текста поэта у читателя возникают представления и образы, которые имеют текучий и часто едва уловимый характер. Они полиморфны, проступают то более ярко и отчетливо, то туманно и схематично, принимают причудливые формы. Сама же природа слова, которая имеет одновременно обобщающее, понятийное и образное значение в лирике Д. Кугультинова выступает достаточно выпукло. Произведения, в которых отражена трагическая история калмыцкого народа – выселение, Сибирь, возвращение – носят более конкретный, осязаемый характер. Поэт, его судьба, образы земляков, родная степь составляют единое полотно в поэме «От правды я не отрекался» [Кугультинов, 1988, с. 389] Лирический герой произведения верит в торжество правды и справедливость. И поэтому он имел полное право сказать: /Не потерял я совести от страха, /Не позабыл природный свой язык, /Под именем бурят иль казаха/Не прятался.../Я был и есть калмык!./

Литература

Кугультинов Д.Н. Собр. Соч.: в 3-х т. – М., 1988. – Т.1.

Самойлов Д.С. Поденные записки: в 2-х т. – М., 2002. – Т. 1.

Көглтин Дава. Собр. Соч.: в 3-х т. – Элст, 1981. – Т. 1.

Т.Г. Басангова,

Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

ЙОРЕЛ «БЕЛАЯ ДОРОГА» И «ДАЙТЕ, ДАЙТЕ ПЕРВУЮ УДАЧУ» Д. КУГУЛЬТИНОВА

В обрядовой жизни калмыков бытует обряд «открытия дороги» для того, чтобы человеку сопутствовала удача в его делах. Заговорные тексты «на хо-

рошую дорогу», именуемые в фольклорной традиции калмыков как «хаалһин йорел», являются необходимым текстом в репертуаре *йорелчи* «сказителя благопожеланий». Эта группа заговоров не так многочисленна, но в материалах фольклорных экспедиций прошлого века они составляют значительный пласт текстов с устоявшейся поэтикой. Йорел «белая дорога» является неотъемлемой смысловой частью благопожеланий различной тематики в «Йорел одежде»: *Пусть у новой одежды / Будет благословенная Белая дорога!* Йорел дороге: *Пусть у путников , / Будет благословенная Белая дорога!* Йорел дому: *Пусть новому даму, / Сопутствует белая дорога.* Йорел зулу: *Пусть у праздника Зул / Будет белая дорога.* Пожелание долголетия: *Пусть у прожитых лет / Будет благословенная/ Белая дорога.*

«Дайте, дайте первую удачу» – одно из популярных творений поэта впервые было опубликовано на калмыцком языке в сборнике «Ургц» (1965). Обладавший даром оратора и сказителя, Д.Н.Кугультинов собирал огромные залы слушателей. На его поэтические выступления любила ходить молодежь. В восьмистишии поэт обращается к молодежи, первые шаги которой сравнивает с полетом птицы, которая готова взмыть в небо. Рефреном через все восьмистишие проходит призыв поэта «Дайте, дайте первую удачу», ибо она определяла дальнейшую жизнь. Стихотворение своим ритмом, поэтическим размером, энергетикой заряжало публику на многие годы.

Небольшой опрос, проведенный среди поколения шестидесятых – семидесятых показал, что «Дайте, дайте, первую удачу» сыграло в их жизни определенную положительную роль. Все опрошиваемые, как правило, знают эти стихи наизусть. Они рассказывали его своим детям, а теперь внукам. По их свидетельству, данный текст, произнесенный как заклинание, приносило удачу. Сборники, в которых опубликовано данное стихотворение хранятся до на почетном месте. Таким образом, «Дайте, дайте первую удачу» в жизни калмыков в 60 – 70 годы прошлого столетия звучало как благопожелание «белая дорога».

*Н.Ц. Биткеев,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Д.КУГУЛЬТИНОВА

Между фольклорной поэзией и профессиональной поэзией Д.Кугультинова присутствует типологическая аналогия, свидетельствующая о том, что поэт хорошо знал жанры устного народного творчества. Он писал: /Сколько свежести/в народном слове, /Вещей мудрости, /что вечно внове!/С завистью учусь ему, дивясь/Простоте, не знающей прикрас, /Уху, что полет пушинки

слышит, /Глазу, видящему дрожь звезды, /Сердцу, что со всеми вместе /дышит, /Замирая от чужой беды.../Полный благодарности, храню/С детских лет усвоенное мною.../(Перевод Юлии Нейман).

Многие произведения Кугультинова написаны на основе сюжетных коллизий фольклорных сказок, а также произведений несказочной прозы, легенд и преданий. Фольклорные сюжеты переработаны. Можно сказать, что творческое использование фольклора способствовало формированию художественного метода поэта, что позволяло ему не только типизировать художественные образы, но и индивидуализировать.

Фольклор стал для него источником творческого сознания. Ярким примером могут служить сказки, составившие сборник «Бамба и красавица Булгун» (Здесь и далее примеры приведены из сл. изд.: Д.Кугультинов. Собр. соч. в 3-х томах. – М.: Художественная литература, 1988). Сказки оригинальны своей патриотической тематикой, характерной для фольклорного эпоса. Правда, свои сказки Кугультинов адресовывал детям – подросткам. Глубокоидейные сюжетные основы народных сказок получают еще более широкую разработку у поэта особенно в ряде следующих произведений: «Золотое сердце» /Алтн зүркн/ и «Повелитель Время» /Цаг Залач/.

Поэта вдохновляло героическое содержание фольклорных произведений и в следующих его сказках: «Песнь чудесной птицы», «Цветок, одолевший бурю» и др.

Фольклорные мотивы выполняют сюжетные функции в философских стихах на тему о культуре личности Сталина. В произведениях на данную тему выразительно очерчена тема мира, обращение ко всем людям Земли – беречь мир. Человек – частица своего народа, и во имя его процветания он должен сделать все возможное, если понадобится – ценою своей жизни, то есть так, как поступают герои песен эпоса «Джангар». Да и относится он к данному памятнику старины, как к святыне.

Летом 2000-го года, когда в составе ученых из разных стран, я был приглашен в Китай по подготовке и изданию Международной книги «Джангар» для ООН, посетил Давида Никитича, чтобы получить ряд советов по разным вопросам организационного характера. Он написал обращение к ученым, где выразил пожелание (см. фрагмент): «вдруг промелькнет со стороны чье-то желание сказать «мое», гоните эту мысль прочь; милосердное «наше», как дар памяти предков, дайте людям понять; не конкретная принадлежность, а воплощение счастья целой страны – «Джангар», как волшебный ключ откроет двери золотого времени. Порадуйте нас, оставшихся дома!». /Хэврһэс торлзсн жилвтэ «мини» гисн санаг хооран һарһж, ершэңгү «мана» гисн ухани белг олд өөрдлүлж, онцин биш таңһчин кишг өргсн үрглжин сидтэ түлкүр «Жаңһрар» аашх алтн цагин үүд секэ, ардан үлдсн маанран байрлултн/.

В сказках, стихах повествуется о героизме, любви к родине. Он черпает из сказок, легенд и эпических песен «Джангара» такие мотивы и сюжетные звенья, которые выразительно показывают героическое прошлое народа на судьбоносных путях его жизни. При этом нравственная проблематика воплощалась в них через философское осмысление жизни. В его поэмах, как и в фольклоре, человек – защитник свободы и независимости народа. Таков, в частности, Эдек в поэме «Золотое сердце» или герой другой поэмы – «Бата – всадник на быке».

В поэме «Бунт разума» есть фрагмент из фольклора – глава о «Железной птице», глубокая по замыслу, интересная по содержанию; поэт обращается к древней народной мудрости о том, как сохранить мир на Земле.

Прав Михаил Дудин, который писал о нем: «У его поэзии глубокие корни, она выросла на поле народной, неиссякаемой мудрости, на том червонном золоте народного опыта, который так тщательно отбирает и сохраняет история».

Каждый художественный образ в произведениях Кугультинова оригинален. Поэт изображает жизнь и жизненные явления с особой силой заостренности. При этом образ показан обращенным к разуму с особой силой эмоциональной напряженности, например – в стихотворении, посвященном «Бхагават Гите» – книге Индии, написанной в 500-м году до н.э. – первому произведению в форме диалога двух персонажей, братьев – Пандавы и Кауравы. Они спорят о троне с оружием в руках, кто победит, тот унаследует престол. Кугультинов бичует корыстные цели «служения» народу такого правителя, который, оправдывая свой жестокий шаг во имя «высших благ», «не жизни служит, а смерти», ибо «где кровь струится, как вода, там мудрости нет и следа».

Народное творчество и литература создали многочисленные образы, которые стали вечными; в художественном творчестве народов мира их принято называть мировыми. Они присутствуют и в поэзии Д.Кугультинова. Будучи созданными в глубокой древности, вечные образы переходят в современность, ибо в них заключена вечная молодость. Таковыми, в частности, являются герои фольклорного эпоса «Джангар», к которым поэт относился возвышенно.

Фольклор в творчестве поэта не только указывает на связь времен, но и помогает выразительно очертить идеалы нашего современника, учит его отличать положительные стороны человеческой жизни от негативных, быть полезным своему народу, Отчизне.

Вот как говорит поэт о себе: /Когда как вестник торжества и славы/Ко мне пришел бы старец белоглавый, /Калмыцкой старой сказки чародей, /И подарил мне счастье всех людей, /Я б это счастье разделил на части, /Всем людям поровну/я б роздал счастье./Но если б он собрал в один комок/Все, что печально /на земном просторе, /Чтоб в сердце у себя вместить я мог/Все человеческое горе, /Я б горе вместе с сердцем сжег дотла, /Чтоб сделалась Вселенная светла!/(Перевод Семена Липкина).

Так поступают герои фольклорного эпоса. Они самоотверженно, не щадя жизни своей, вершат самые ответственные дела, имеющие общенародное значение.

Народной мудростью пронизаны стихи «По мотивам фольклора», где повествуется о чистоте совести и содеянных грехах. Или еще примеры. В стихотворении «Сильный и слабый» приведена поговорка: «Не смейся над слабым, если ты сильный», ибо «кто знает, что из ростка получим. А вдруг он станет деревом могучим?». Часто встречаются благопожелания, например, «Да восклубится у ваших дверей светлая пыль из-под ног гостей!». В стихотворении «Молчанье – золото» поэт возражает поклонникам известного изречения: «/Молчанье – золото.../Не так!/Молчанье – ложь!/Молчанье – враг!/ Молчать о виденном не смейте!.../Ломая немоты печать, /Суровый голос/из бессмертья/Взывает:«/Не могу молчать!»/(Перевод Юлии Нейман).

Не случайно говорят: «Когда читаешь настоящие стихи, кажется, что будто они сами рождены». Вряд ли кто усомнится, что поэзия Давида Кугультинова вся такая. Поэт Егор Буджалов вспоминает о своем начальном этапе творчества так: «Когда Кугультинов прочитал некоторые его стихи, то сказал ему: «Не о стихах, а о языке, словесном фонде, художественной форме хочу говорить, ибо без этих трех вещей никто не сможет стать писателем...»». В стихотворении «Читаю «Джангар»» он восхищается художественным совершенством эпоса: /Кто он – великий певец/Древнего нашего мира?/Где этих форм красоту/Отыскал его внутренний взор?/Скульптора смелый резец, /Чуткий чекан ювелира/Жизнь изваял на лету, /Вывел тончайший узор./Кто умудрился вложить/всю свою мощь в песнопенье?/И не могло не ожить /дивное это творенье?/(Перевод Юлии Нейман)

Д.Кугультинов наблюдал за творчеством носителей самой высокой поэзии – эпоса «Джангар». Очевидно, многому учился у них. Не потому ль, прекрасно владея техникой стихотворной речи, свободно пользуется художественным арсеналом фольклора. Сам же Кугультинов говорит: «У каждого из слов душа своя, на душу говорящего похожа».

Фольклор для Кугультинова – мощное средство выражения его новаторского творчества. До него не было поэта – философа столь выдающегося.

Текстологический анализ поэзии Кугультинова свидетельствует о том, что великий мастер слова пользовался фольклором не только сознательно, но и интуитивно. Он часто обращался к простым фольклоризмам (афоризмам, крылатым словам). Эстетико-философский фон придавали аналитические фольклоризмы. Они сливались с художественной тканью произведения, оказывая непосредственное влияние на его идейно-тематический диапазон в крен его расширения. Поэт эффективно использует синтезированные фольклоризмы, которые служат источником идейно-тематической направленности произведе-

дения. В фольклоре он находит такие возможности, которые лежат у самих истоков национальной самобытности, своеобразия этнической культуры. Он умело соединяет в своей поэзии философский смысл народного эпоса «Джангар», легенд и преданий, сказок и афоризмов, утверждая идеал Добра и Справедливости, патриотизм, проповедуя нравственные аспекты человеческой жизни. С помощью народнопоэтических традиций он сумел глубоко и емко показать своеобразие калмыков, их национальное сознание, образ своего народа. Такова эстетическая основа поэзии Давида Кугультинова.

*Б.Х. Борлыкова,
Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, г. Элиста*

ЛИРИКА Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ КАЛМЫКОВ

Внутренние чувства, переживания человека особенно сильно раскрываются в литературе – в лирической поэзии, и поэтому лирическая поэзия как литературный жанр наиболее близка к музыке.

Перенесенная в музыкальную стихию, поэтическая лирика иногда обретает вторую жизнь в новых для себя условиях. Эту вторую жизнь дает стиху соприкосновение с музыкой. Перенесенная в музыкальную стихию, поэтическая речь начинает звучать заново. Преображенная «гласом волшебной лиры», она заставляет порой воистину «глядеть и сомневаться», точно ли перед нами те самые звуки, что были выстроены в книге в стиховые строчки и – редко, но бывает и так – в своем новом облике стих представляется нам еще «пригожей и милей» [Кац, 1983, с.8].

Взаимосвязь музыкального и литературного творчества прослеживается в поэзии Д. Кугультинова. К его лирике неоднократно обращались отечественные композиторы, такие как М. Грачев, В. Чернявский, М. Пюрвеев, О. Коваленко и П. Чонкушов.

Обращение композитора П. Чонкушова к поэзии Д.Н. Кугультинова обогатило музыкальную культуру республики новым вокальным жанром – романс. Романс – самостоятельное произведение для голоса с сопровождением, написанное в более сложной, чем песня форме. Создан цикл романсов «Зов апреля». Это три вокальные миниатюры весеннего настроения – «Апрель, апрель желанный», «Как вчера», «Как ты прекрасна, степь моя, в апреле».

Наибольший интерес представляют те случаи, когда обе жизни стиха – поэтическая и музыкальная – протекают параллельно, когда стихотворение и его музыкальный двойник сосуществует в культуре как сравнимые самостоятельные ценности [Кац, 1983, с. 8].

Один из самых ярких примеров такого двойного, параллельного бытия является стихотворение «Как ты прекрасна, степь...» Давида Кугультинова и романс «Как ты прекрасна, степь» П. Чонкушова. Музыкальный «портрет» кугультиновского шедевра набросан Чонкушовым столь выразительными штрихами, что в результате он не заслоняет свой поэтический источник, и не растворяется в нем. В романсе привлекает внимание обилие звуков – как будто мы слышим небольшую музыкальную пастораль. Жаворонок своим пением будит ночь и как будто желает поэту доброго утра: /Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!/Хрустально-звонкий воздух и простор, /И колокольчик – жаворонка трели!.. /Ты – музыка, чьи звуки с давних пор/Какой-то гений, в неизвестность канув, /Переложил на живопись тюльпанов./

При слушании чонкушевского романса фоном становится кугультиновский подлинник, заставляющий слышать в романсе не только прекрасную музыку, но и весь породивший ее контекст.

Литература

Кац Б. Стань музыкаю слово. – Л., 1983.

Э.Г. Бурвяшова,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

ОТРАЖЕНИЕ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ КАЛМЫКОВ В ПОЭМЕ-СКАЗКЕ «САР ГЕРЕЛ» Д. КУГУЛЬТИНОВА

Калмыцкая поэзия, созданная на основе фольклора, являет собой богатый и насыщенный по содержанию материал, мастерски выраженный художественным слогом поэта. Для второй половины XX века калмыцкой поэзии характерны произведения, основанные на сказочных сюжетах (Д. Кугультинов, Х. Сян-Белгин, А. Балакаев, Л. Инджиев и др.) Выражая своё мнение об использовании фольклора современными писателями, Д.Н. Кугультинов сказал: «Фольклор даёт писателю ключ, которым он должен открыть дверь в ещё неизвестную, но интересную для всех страну, рассказать людям о том, что он там увидел, что узнал. Я твердо убеждён лишь в одном: писатель должен знать, любить фольклор и с благодарностью пользоваться его мудрыми дарами» [Вопросы литературы, 1968, с. 89]. Д. Кугультинов в устно-поэтическом творчестве народа, в сказках, легендах, преданиях, мифах обнаружил неиссякаемый источник, из которого черпал сюжеты для создания поэтических полотен, при этом, не забывая о тематическом и жанровом разнообразии. Таковыми произведениями являются поэмы-сказки «Сар-Герл» (Сар-Герел), «Һалв диилсн цецг» (Цветок одолевший бурю), «Зоригте», «Повелитель время», «Рав-

ные Солнцу» и др. Фольклорные мотивы помогают воссоздать особенности национального характера, картину кочевого быта, народное мировоззрение.

Данная работа посвящена анализу бытовых зарисовок, национальных традиций, имеющих в поэме-сказке «Сар-Герел» Д. Кугультинова. Действие происходит в середине апреля месяца, когда всё живое вокруг расцветает и пробуждается. В поэме «Сар-Герел» даётся поэтическое описание неразрывной связи калмыка – кочевника со степью./«Һанцхн энкр теегэрн/Һарад седклэн илткдг, /Байр зовлц хамган/Бээсэн һарһж келдг, /Авьяс хальмг күүнд/Аадм цагас бээдг...»/«Степь! Красоту твою вспоминая, /Полнится песней душа степная./Снова пишу о весне твоей.../Степь! Не с тобой ли привык/Радость и горе делить калмык? ...» (здесь и далее перевод Ю. Нейман).

Для калмыцкого кочевого народа была немыслима жизнь без четырёх видов скот, служившего им в качестве средства передвижения, продукта питания, сырья для производства жилья, одежды, хозяйственной утвари и пр. Автор, безусловно, знает и понимает все тонкости степной жизни, деятельности кочевого народа, ярким свидетельством чего являются следующие описания: Үсн-тосн элвг/Үкр-хөн тарһн, .../Овцы сыты и коровы гладки, /Молоко и масло – всё в достатке, .../Мөртэ баахн көвүд/Мөөрсэн тасртл, хотар, /Хурлж довтлад зарлв.../Молодые всадники – орлы, /Удалых коней своих прищпоря, /Мчатся лихо, как на торжество... (Пер. Ю. Нейман). /Әрк-махн элвг/Әмтэ тоот серглц /Хөн сарин эклцэр/Хүрмин өдр заав.../Месяц овцы – благодатный май –/Счастье приносит в калмыцкий край:/Вдоволь и мяса и араки!/.

Упоминание о благодатном мае не случайно. В этом месяце калмыки отмечают национальный праздник «Үрс сар», знаменующий пробуждение всего живого в степи. Автором подмечено, что этот праздник олицетворяет достаток, спокойствие и счастье. «Үрс сар» – это праздник благодати и изобилия, сопровождающийся многочисленными обрядами и подношениями огам и духам. Данное событие в поэме выражается имплицитно. В поэме также есть место упоминанию калмыцкого национального праздника «Цаһан Сар». Специфика и особенность бытовой жизни калмыцкого народа в произведении подчеркивается немаловажными деталями кочевого быта. Для художественной передачи бытовой картины автор использует соответствующую терминологию. В тексте поэмы-сказки «Сар-Герел» можно проследить множество названий калмыцкой национальной одежды, используемые автором для более полного описания образа главных героев. «Метафорический способ его мышления, – как пишет В.Д. Пюрвеев [1996, с.42] позволяет глубже проникнуть в природу вещей и духовный мир человека...» поэт восхищается и любуется красотой женских одеяний, посредством образительных средств детально описывает все тонкости национальных изделий. Поэту удалось продемонстрировать знания эпических традиций, о чем свидетельствует образ Церена, олицетворяющего богатырство. Описание жестокого сражения храбро-

го пастуха с разъярённым быком. Автором подробно описано изделие «маля», используемое юношей в качестве оружия. /«Тэвн хойрар гүрсн/Тэвлһ иштэ маляһарн/Татн цогсн көвүн, ...»/ («Вновь поднимает пастух бич, /Что из пятидесяти и двух/Наипрочнейших ремней свит, /С крепкой сандаловой рукоятью...»)/ «Малян шүрүнд диннрж/Менрсн бух өсрж...»/ («Снова удара с оттяжкой звук, /Вновь оглушен круторогий враг»/.

Таким образом, бытовые зарисовки поэмы «Сар-Герел» Д. Кугультинова придают произведению целостность, гармоничность и национальный колорит.

Литература

Пюрвеев В. Д. Жанровое движение. – Элиста, 1996.

Кугультинов Д. Я твой ровесник /стихи и поэма. – М., 1968.

Л. Г. Вавилова,

СОШ №36, г. Могоча Читинской обл.

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Д. КУГУЛЬТИНОВА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Поэзия Д. Кугультинова отвечает насущным духовным потребностям людей. В ней звучит и любовь к родной калмыцкой степи, и борьба за чистоту нравственных чувств человека, и отражение судьбы своего народа.

В стихотворении «Песнь осеннего ветра» поэт даёт клятву «не убежать от стонов мира, не отступать от зовов мира», которая была подтверждена всем дальнейшим творчеством поэта.

Поэтический мир Д. Кугультинова – это мир добра, света, любви к родной земле, людям. Об этом ярко говорят строки стихотворения «Смерть сайгака, или Расстрелянное утро»: Да, я сейчас в родстве со всем живым, /И – верю – это будет вечно длиться!/ Я слит с землёй, я её частица, /От мира я сейчас неотделим!/
/

Источником для поэзии Д. Кугультинова был фольклор. Именно на фольклорной основе была написана поэма «Сар-Герел». Древнюю калмыцкую легенду о девушке поэт даёт с позиции современного мира. Здесь присутствуют вечные проблемы чувства и долга, взаимоотношений людей, любви и зла, счастья и смерти. Через всю поэму проходит образ степи, в которую влюблён поэт. Именно к ней идёт калмык в трудные минуты, только ей доверяет сокровенное. Поэма полна красок, создающих яркий национальный колорит, который ощущается во всём: в солнечных степных пейзажах, в изображении кочевого быта и нравов родного народа. С помощью пейзажа Д. Кугультинов выражает философскую мысль о вечном изменении и обновлении жизни.

В 11 классе было проведено факультативное занятие по рассказу А.М. Горького «Старуха Изергиль» и поэме Д. Кугультинова «Сар-Герел». Ребятам были предложены вопросы и задания: какие проблемы затрагивают авторы? Какие образные языковые средства выбирают авторы для изображения красок и деталей пейзажа? В чём заключается художественное своеобразие образов Герел, Солнца, Цецена, Ларры, Данко? В чём смысл монолога Цецена? Для чего поэт включил в поэму притчу о ласточке?

Учащиеся отмечали, что поэма «Сар-Герел» о высшем предназначении человека, его любви и счастье, но вместе с тем и об общественном долге служения народу. Героиня поэмы избирает путь служения людям и отрекается от земной любви во имя блага народа. В поэме поэт даёт поэтическое определение народа. Устами мудрого старца Цецена он провозглашает: ... подлинный народ – /Это справедливости оплот./Разума и сердца торжество/Он осуществляет без помех./Здесь / один/горой стоит за всех./И стеною/ все за одного!/ Облечённый истинною властью, /Он – что камень/ и литая медь./Жить с таким народом – /честь и счастье./За него почётно умереть / [Кугультинов, 1988].

Поступок Герел перекликается с поступком Данко из рассказа А.М. Горького «Старуха Изергиль». Данко отдал людям всего себя. Освещая путь вперёд, смельчак «сжёг для людей своё сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе» [Горький, 1985, с. 287]. О подвиге Данко, видевшего смысл в освобождении людей, сохранилась огненная память: перед грозой в степи вспыхивали голубые искры его растоптанного сердца, «намекавшие на что-то сказочное» [Горький, 1985, с. 282].

Герел, как и Данко, излучает свет и радость и, так же как Данко, жертвует своей жизнью ради людей.

Д. Кугультинов отмечал, что не всякая смерть есть поражение, она часто знаменует победу героя. И в этом убеждаются учащиеся, знакомясь с героями А.М. Горького и Д. Кугультинова. Оба писателя утверждают в своих произведениях не сравнимую ни с чем ценность человеческой жизни.

Как актуальны и по сей день слова Д. Кугультинова: «Народ и человек. Иногда мы очень витиевато говорим о народе, забывая, что народ – это не абстракция, а люди, если худо одному человеку, – значит, худо народу. Каждый человек несёт огромную ответственность перед народом, но и в такой же степени народ несёт её перед отдельным человеком» [Кугультинов, 1968, с. 93].

Литература

Горький А.М. Рассказы. – М, 1985.

Кугультинов Д. Поэт – ровесник человечества // Вопросы литературы. – 1968. – №2. – С. 93

Кугультинов Д. Собр. соч.: В 3 т. – М., 1988.

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ В «ГРУСТНОЙ ПОВЕСТИ» Д.КУГУЛЬТИНОВА

Формы осмысления любви в истории философии и культуры разнообразны. Тема любви всегда интересовала философию: с античных времён до наших дней необозримый круг работ связан с этой темой. Литература, как ни одно другое искусство, сумела творческими усилиями создателей художественных произведений подняться до глубины философского осмысления чувства, существующего на земле столько же, сколько существуют люди: Только правду говорить условясь/ И о вас тревожась, – в тишине/ Я припомнил горестную повесть, / некогда рассказанную мне./

Так начинается своё обращение к читателю поэт. Чем вызвана его тревога? Может быть тем, что, будучи способным на удивительные открытия о человеке, Д.Кугультинов, как и многие поэты, «знания о человеке черпает из самой идеи человека, какой она отражена в его собственной душе. Всё познание осуществляется в нас самих». [Парандовский Я., 1990, с. 75].

Вместе с автором мы становимся свидетелями трогательной истории любви девушки и лебедя: В жизни может и не то случится:/ Дружеством земля давно жива./ Но об этой девушке и птице/ Всюду по хотонам шла молва./

«Дружеством», означает, по мысли автора, «любовью». И это справедливо, потому что «любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание прекратится». [Ивин, 1990, с.20].

Не случайно для воплощения своей идеи автор выбирает образ лебедя. Лебеди во все времена пользовались у человека наибольшей популярностью. Сильная и красивая птица, воплощение грации, символ чистоты, возрождения, гордого одиночества, лебедь связан со многими богами – Афродитой, Аполлоном. Зевсом и др. Почитание лебедей имеет очень древние корни. Известны различные варианты сказок о лебедях, легенды, в которых воспевается лебединая верность, поэтизируется лебединая песня. В фольклоре различных народов распространён мотив превращения лебедя в девушку и девушки в лебедя. В художественной литературе лебедь символизировал поэта, певца, высоту поэзии.

Обращение к мифологии разных народов свидетельствует о том, что лебедь очень тесно связан с солнцем. Священной птицей считают лебедя остяки, зыряны, эвенки, селькупы, народы Прибайкалья, так как, по поверью, их роды произошли от лебедя. С плаванием лебедя против течения сравнивается грусть разлуки, и, подобно другим птицам, лебедь говорит правду, которую видит и знает.

Автор повествует нам о лебединой любви, открывая в трактовке известного образа свою, новую страницу, представленную в стихах, как в одном из совершеннейших способов пользоваться человеческим словом. «Мысль образа сливается с мыслью языка и в зависимости от разных соотношений даёт всякий раз особую оболочку, странно светящуюся поверхность, художественный колорит». [Теория литературы, 1965, с.26].

Эта «светящаяся поверхность» увлекает читателя, который понимает, что слово писателя обретает особую силу, являясь не просто необходимым воплощением любви, но и способом, заставляющим богаче и ярче преобразиться мир благодаря её животворящей силе. /Понемногу дни теплее стали, / Зацвели тюльпаны, скоро май./ Наполняются степные дали/ Ликованьем прилетевших стай./

Способность любить, испытывать, переживать – далеко не всеобщая черта и, по мысли автора, только любовь приближает мир к той гармонии, о которой мечтает человечество. Сила, которой наделено слово поэта, заставляет остановиться в круговороте жизни, стать причастным ко вселюдской потребности прочувствовать и высказаться. «Перо становится волшебной палочкой, извлекающей из хаоса явлений действительности новый, неведомый мир; вместе с тем оно оказывается скипетром, которому этот созданный мир подчиняется беспрекословно». [Парандовский, 1990, с. 40].

Литература

Ивин А.А. Философия любви. Ч.2. Антология любви. – М., 1990.

Парандовский Я. Алхимия слова. – М., 1990.

Теория литературы. – М., 1965.

Н.И. Калабекова,

Кабардино-Балкарский госуниверситет, г. Нальчик

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ И АЛИМ КЕШОКОВ

Андрей Вознесенский в статье о Д. Кугультинове «Муза поэта» писал о том, что сегодня «наша поэзия», «современная поэзия», «современная литература» не ограничивается русскими именами. Мощно звучат голоса Расула Гамзатова, Мустая Карима, который чем-то близок Кугультинову. Также звучат голоса Отара Чиладзе, Кайсына Кулиева, Чингиза Айтматова. Все они входят в одно русло современной и уже – мировой литературы. И мы всегда отличим в этом хоре мощный, глубинный, философский голос Давида Кугультинова [Кугультинов, 2002, с.25].

В этот славный ряд поэтов по праву входит и Алим Кешоков (1914-2001), с именем которого связано развитие кабардинской поэзии, художественной прозы, публицистики, автобиографической повести («Вид с Белой горы»), зарубежных очерков («Шаги по континентам», «Зёрна на дороге», «Письма из Сирии», «Лёд уходит, берега остаются», «Душа Алжира», «Течение Босфора», «Индийская поэма о семи братьях и одном колодце»), драматургии (пьеса «Алхо», драма «Последняя верста», водевиля «Летающая тарелка»). В последние годы жизни Алим Пшемахович писал новеллы и рассказы, в том числе рассказ «Чье стремя мы держали» – 1989, который ранее не публиковался. В нем Кешоков рассказал о малоизвестных фактах из биографии основоположника кабардинской поэзии Али Шогенцукова и своего отца Пшемахо Кешокова.

Как известно, поэзия Д.Кугультинова переведена на многие языки зарубежных стран и СНГ. (Давид Кугультинов: Биобиблиографический указатель. Элиста, 2002. 255 с.). Поэзия, проза, драматургия Кешокова тоже стала достоянием многих стран и народов. Его произведения переведены на английский, арабский, испанский, немецкий, русский, словацкий, финский и другие языки мира.

Изучению поэтического творчества этих двух известных поэтов уделялось и уделяется очень много: о них написаны монографии, учебные пособия, многочисленные статьи, диссертационные исследования. У Д. Кугультинова вышло в свет более 70 книг, опубликованы его и многочисленные выступления в прессе. Все это нуждается в глубоком изучении и осмыслении. Много сделали составители биобиблиографического указателя «Давид Кугультинов» [Биобиблиографический указатель, 2002, с.255] И.Э. Суксукова, Л.В. Манджиева, Е.П. Шуваринова, Н.Б. Уластаева. Из него мы узнаем, что Д.Н.Кугультинов воспет в художественной литературе и навеки запечатлен в искусстве. Ему посвящены поэмы («Судьбе коварной вопреки» А.Л.Дагаева), многочисленные лирические посвящения и послания Р.Гамзатова, К.Кулиева, С.Бадмаева, Д.Долинского, М.Дудина, Е.Долматовского, Т.Зумакуловой, А.Калинина, В.Еременко, В.Лиджиевой, М. Луконина, Ю.Нейман, В.Нурова, Я.Смелякова, М.Соболя, О.Смирновой, С.Рыбалко, Е.Петровой и других.

Интерес ученых к творчеству Давида Кугультинова и Алима Кешокова в середине и в конце XX столетия был связан с вниманием к проблеме национального духовного возрождения малочисленных народов Северного Кавказа, когда были найдены новые подходы к происходящим литературным процессам Российской Федерации, когда проблемы взаимодействия и взаимовлияния литератур обрели новые аспекты. Нравственная, мировоззренческая общность национальных литератур XX века способствовала развитию, упрочению их художественной общности. Так, Д. Кугультинов горячо поддержи-

вал А. Кешокова, когда его роман «Сломанная подкова» был выдвинут на соискание Госпремии СССР (1976). Кабардинский прозаик нуждался в моральной поддержке своих друзей писателей, так как его роман вызвал, по словам М. Шаковой, « ураганный шквал субъективной критики со стороны отдельных писателей и руководителей номенклатуры республики». Вступился за этот роман и Кайсын Кулиев, назвав его одним из лучших произведений А. Кешокова. Ему была присуждена Государственная премия, и « время расставило все по своим местам. Истина восторжествовала, и справедливость воздала должное Кешокову, вся жизнь и разносторонняя деятельность которого – пример самоотверженного служения народу, высокой нравственности и художественной правде» [Биобиблиографический указатель, 2002, с.215].

Д. Кугультинов и А. Кешоков останутся навечно в памяти многих поколений. В недавний период истории развития национальной литературы XX века они внесли много новых тем, идей, творческих направлений в поэзии, прозе и публицистике, унаследовав лучшие традиции родного фольклора, письменной художественной словесности. Их творчество также опиралось на опыт развития мировой литературы, на её восточные и западные традиции. Путь их к вершинному этапу творчества был длительным и трудным. «Все, что я писал и пишу, – сказал Кешоков, – относится к моей республике, к той земле, которая взрастила меня и вскормила. Я навечно связан со своим народом» («Вид с Белой горы». Автобиографическая повесть).

Д. Кугультинов сказал о своей неразрывной связи с родным народом голосом поэзии: / «Джангар» калмыцкий читаю/Вновь – за страницей страницу, / И проникает мне в поры, /Сделав железную плоть, /Сила всех предков моих.../ Да, я народа частица, /Капля силы, которой/Смертью не побороть!/Чую, через меня, в «нашем сегодня» живущего, /Деянье нашего дня входит в просторы Грядущего./ (Перевод Ю. Нейман).

А. Кешоков высоко отзывался о поэзии Кугультинова. Он писал: «Его стихи одушевлены. Они дышат, их можно трогать, если положить руку, то можно ощутить биение его сердца. Если раскрыть первую страницу его книги, на тебе пахнет теплом человеческого сердца» [Известия Калмыкии, 2006].

Литература

Известия Калмыкии. 2006. 19 июня.

Кугультинов Д. Собр. соч.: в 3-х т.Т1. – Норильск, 2002.

Давид Кугультинов: Библиографический указатель. – Элиста, 2002.

Писатели Кабардино-Балкарии XIX – конец 80-х гг. XX в.

Библиографический словарь. – Нальчик, 2003.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЭПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ПОЭЗИИ Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА

Поэзия Д. Кугультинова, органически вырастая из народно-поэтических традиций, в период высокой творческой зрелости поэта определяется его тяготением к большой эпической форме. Жанр поэмы открыл поэту более широкие, нежели лирика, возможности для художественного синтеза и философского обобщения. Каждая из его поэм открывала новые грани его дарования, определившие его место в литературном процессе. Поэмы эпического характера «Моабит гидг түүрмд», («Моабитский узник»), «Цаг залач» («Повелитель Время»), «Ухана буцлт» («Бунт разума»), «Сар Герл» («Сар-Герел») и др. различны по сюжетосложению, жанровому своеобразию и характерам героев. Их, однако, объединяет острый драматизм поворотных моментов в судьбе человека и народа, напряженность коллизий борьбы за свободу, торжество разума, чести и справедливости.

Новые качества эпического мышления Д. Кугультинова с особенной силой раскрылись в произведениях о Великой Отечественной войне. Тема войны и солдатского долга в поэмах Д. Кугультинова переплетается с раздумьями о собственном предназначении поэта, о путях и средствах служения поэзии народу. В полном объеме все это нашло свое отражение в поэме «Моабит гидг түүрмд» («Моабитский узник»).

Поэма «Моабит гидг түүрмд», («Моабитский узник») – это не романтический призыв, не набат, не песня, а поэтический сказ, отличающийся редкой цельностью: лирическое, эпическое и драматическое начала существуют в нем в неразрывной слитности. Образное восприятие мира и действительности в поэме возводится до высоты универсальных символических обобщений. Особую, философскую, тональность придает произведению Д. Кугультинова включенная в него калмыцкая сказка, о том, как поменялись ролями властитель и бедняк: о праведном возмездии, постигшем глупого, жадного и жестокого властителя, и милосердном, справедливом управлении страной мудрым человеком из народа (распространенный в мировом сказочном фольклоре сюжет о «принце и нищем»). Своеобразное обращение поэта к теме народной мудрости, воплощенной в утопическом сказочном сюжете, выявляет главную идею его поэмы – идею гуманистическую.

Основу поэзии Д. Кугультинова составляет осмысление человеческого жизненного опыта. Поэт обращается к людям со своими думами, заботами, тревогами, раздумьями о мире на земле, об искусстве, о жизни – обо всем, из

чего складывается и без чего невозможно человеческое счастье. К такому философско-публицистическому типу относится эпическая поэма «Ухана бушт» («Бунт разума»). В поэме отображены, с одной стороны, созидательная работа по утверждению высших идеалов человечества – добра, равенства, справедливости, с другой – процесс духовного обнищания, нравственная и моральная деградация общества в мире, где царит социальное бесправие. Философия добра и зла, света и тьмы, их драматического противоборства находит конкретное выражение в получившей широкое признание поэме Д. Кугультинова.

Социально-философскую концепцию поэмы помогает уяснить вставной сюжет о Железной Птице, восходящий к народно-поэтической традиции. Объективность народной мудрости и субъективность авторской публицистики объединились в сплаве реалистической проблематики поэмы. «Традиционный реализм, ирреальность, быль, вымысел, ясновидение человека, лишившегося рассудка, сказка, притча, эпос, политический памфлет – все это в едином мощном потоке кугультиновской поэзии покоряет силой мысли, точностью и богатством найденного слова» [История калмыцкой литературы, 1980].

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что поэмам Д.Н. Кугультинова характерна особая философская насыщенность, данный жанр обрел большую глубину психологизма, значительность философских раздумий над событиями прошлого. Введение фольклорных элементов, контрастирующих средств (изображение красоты и гармонии природы и разрушительных сил войны), развитое ассоциативное мышление становится характерной чертой национальной эпической поэзии. Тема войны вызвала острый интерес к национальной истории, ее героическим страницам, выработала стих повышенной эмоциональности и драматизма.

Литература

История калмыцкой литературы: Советский период. – Элиста, 1980. – Т. 2.

З.И. Макарова,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

В творчестве Давида Кугультинова любовная лирика занимает не слишком большое место, но все-таки стихи о любви в ранней его лирике решаются им в плане общих нравственных и психологических проблем. В первой книге поэта «Стихи юности» есть попытка проследить рождение чувства, проанализировать внутреннее состояние юноши, полюбившего впервые.

В стихотворениях военных лет обратим внимание на сюжетной миниатюре «Любовь Лели Шапиро». Это рассказ о девушке – фронтовичке, которая: /... всем была сестрой./ Не меньше, /Но не более, /Чтобы кого-то одного/ Другому предпochть./ (Перевод Н. Матвеевой).

И лишь после гибели отважного капитана Дрозда однополчане Лели увидели, что сердце у нее совсем не «железное»: /Над капитаном плакала/ Она вдовой – солдаткою/ И целовала голову/ Холодную его./

История трагической любви действительно характерна для фронтовой жизни. «Очевидная правдивость ее была сильнейшей мерой воздействия на читателя, но не менее важным был и примененный своеобразный художественный прием – употребление в поэтическом контексте собственных имен, знакомых или как бы знакомых автору. Это создавало иллюзии разрыва условно поэтического мира, когда портрет героя как бы на мгновение вытесняется его фотографией», – пишет в своей книге о Д. Кугультинове Ю. Розенблум [1969, с. 54-55].

В любви поэт ценит честность, стойкость, непримиримость. С большим уважением он говорит о двух немолодых людях, когда муж становится жертвой клеветы и произвола, а его верная подруга-жена не побоялась сказать онемевшему собранию: «И все-таки его честнее нет!» /И трудно было сердцу и уму, /Давалась ей, как Галилею, смелость./ Она любила вопреки всему, /Как вопреки всему Земля вертелась./ (Перевод Ю. Нейман).

Образ женщины – возлюбленной всегда окружен у Кугультинова атмосферой нежности, бережного, чуткого отношения к ней. Любовь лирического героя – чувство, проникнутого заботой о любимой, когда любят не для себя, а для любимого человека. Его чувство лишено эгоизма. Размолвки, порой возникающие в отношениях влюбленных, побуждают лирического героя разобратся в себе, в своих поступках. Поэт далек от желания обвинить в поступках женщину. Его лирический герой честно признается в своей неправоте, он задумывается о причиненной боли любимой («Утомленный, недовольный...»). Поэт не устает восторгаться красотой любимой, всякий раз находит новое и прекрасное в ее облике («Разве могут жить поэты...», «Ты в глаза мне, как в зеркало долго смотрела...»).

Кугультинов не раз говорил о влиянии Блока и Бунина на его поэзию. Мы не находим прямой зависимости и явной переклички тем и мотивов, но воздействие на истинного художника определяется не только и не столько подобного рода заимствования, а самим подходом к изображаемому. С блоковской лирикой калмыцкого поэта сближает одухотворенность и поэтичность, которыми овеван в его поэзии образ любимой. Его героиня – не «прекрасная дама» и не «незнакомка», она вся – земная, понятная, но все-таки овеванная тайной неотразимого обаяния. Блоковское начало чувствуется в тех стихотворениях,

где любовь представляется не обычным ординарным чувством, а олицетворением весны и счастья, воплощенном в живом, земном, но таким прекрасном облике. Такая любовь раскрывает в человеке колоссальные потенциальные возможности, пробуждает скрытые дотоле источники внутренних сил, о которых он сам до сих пор и не подозревал. Любовь не отгораживает человека от мира, от людских бед и радостей, а напротив – распаивает его сердце навстречу жизни, делает его вместилищем всей необъятной вселенной. Человек начинает видеть в других людях то, мимо чего проходил прежде совершенно равнодушно. Появляется, как в спорте, второе дыхание, второе зрение, способность проникать в человеческие души.

Поэт замечает, что любовь только тогда достойна восторженного внимания, когда она пробуждает в человеке глубокие чувства, делает его лучше, чище. Любовь – это чудо, способное преобразить человека, сделать его счастливым и прекрасным. Кугультинов мечтает о том, чтобы поэтическое слово обладало силой воздействия на человеческие души. Так, в стихотворении «Письмо» лирический герой видит женщину из санатория, незаметную, некрасивую и увядшую, вдруг на его глазах она стала прекрасной и счастливой от прочитанных ею строчки послания: /Как будто с первой страницей/Осколок розовой зари/Проник в нее и стал светиться в ней, /Все разгораясь изнутри./И я смотрел, как зачарованный, /На тот исписанный листок.../О, если б я строкой рифмованной/Свершить такое чудо мог!/(Перевод Ю. Нейман).

Поэт не упрощает трудностей и драматизма любви, но он остается верен своему принципу – изображать жизнь во всей ее сложности и противоречивости, в единстве и борьбе противоположностей. К его стихам вполне применимы слова В. Луговского [1960, с. 51-52], который заявляет, что любовь «может существовать, когда в ней есть столкновения противоборствующих сил...»

Когда эти «противоборствующие силы» сталкиваются в самой душе человека, они рожают сложные, порой мучительные чувства. Дружба двух людей, безграничное доверие друг к другу скрывает иное отношение одного из них. И тогда откровенность причиняет боль. Один из любящих, тщательно и мучительно скрывавшего свое чувство, вдруг говорит о нем: /... Не надо! Больше не могу!/Мне больно./Прикованный к доверью твоему, /Кляня другого, делаюсь невольным/Сообщником твоей любви к нему./И как без слез порою плачут –/Ревную я/Без права и без слов.../Прошу тебя:/С ним обо мне, /А не со мною/Ты говори, любя или не любя./Не мать и не подруга я./Иные/Ты мне слова и мысли приготовь./И не вверяй мне/Тайн своих отныне, /И дружбой/ Не карай мою любовь./ («Когда иссякнут сил моих остатки...»)/(Перевод Ю. Нейман).

Но иногда лирический герой Кугультинова предпочитает неясную надежду безжалостной правде («Почему со мной несмело...»).

Полно напряженного драматизма стихотворение «Пушкин». Конечно, нельзя это многоплановое произведение отнести только к любовной лирике. Не так просто строго ограничить одну тему от другой, порой даже в рамках одного и того же стихотворения. Но в данном случае стихотворение «Пушкин» интересует нас в любовной лирике поэта. Кугультинов считает, что Пушкин не мог не встать на защиту своей чести, не мог позволить Дантесу «пятнать прекрасный облик Натали». Никакие соображения о высшем долге не могли заставить его молча и покорно сносить оскорбления. Он не был бы Пушкиным, если оказался бы простить Дантесу «всю низость, все бесчестье и пренебречь своею личной мстью».

Совсем на другом материале Кугультинов решает вопрос о взаимодействии творческого начала и индивидуальных особенностей каждого человека в его делах и поступках. Так, в стихотворении «Как раз в те дни, когда струится дым похвал...» всепобеждающее чувство любви не позволяет людям опуститься до уровня обывателя: /Как раз в те дни, когда струистый дым похвал/ Приятно теплой мне нервы щекотал, /И я, прикрыв глаза, впивал блаженство это, -/Тебя прислала жизнь... И ты была ясна, /Обыденна была, как холодок рассвета, /Прервавший сладкий бред обманчивого сна, /Ты обожгла меня слезой живой.../По нервам пробежал негромкий голос твой:/«Опомнись! Ты взялся за Дело для того ли?!/И вдруг очнулся я, и сбросил забытьё/Под взглядом глаз твоих, трепещущих от боли./О Добрая! Прости забвение мое!/(Перевод Ю. Нейман).

Если некоторые произведения Кугультинова мы соотносили с блоковскими, то в стихотворении «Свет женщины» легко уловить сходство с Брюсовскими строками о сущности материнства, о тайне возникновения новой человеческой жизни: /Я увидел пронзительно – ярко/(Удалось мне завесу смахнуть)/Не ткачиху, врача иль доярку – /Сокровенную женскую суть./И от мелкости быта свободен, /Распрямясь, /я познал, наконец, /Что и я – сопричастный природе/Созидатель живого – творец!/(Перевод Ю. Нейман).

Любовная лирика Кугультинова соотнесена с его философской поэзией. Живой голос поэта, голос истинной страсти легко отличить от холодных ремесленнических поделок. В стихотворении «Жду тебя... жгучий ветер протяжно трубя...» – в физически ощутимом ритме нетерпеливого ожидания – неподдельная человеческая страсть:/Жду тебя.../Жгучий ветер, протяжно трубя, /Обжигает лицо.../Жду тебя.../Снег поземкой шуршит, под ногами скрипя.../Жду тебя.../А мороз, белым просом слепа, /На ресницах застыл.../Жду тебя.../И бросает меня не от холода в дрожь, /А от мысли, что ты не придешь!/(Перевод Д. Долинского и В. Стрелкова).

Как уже отмечалось, Давид Кугультинов писал стихи на калмыцком языке, прозу, в том числе и статьи – на русском. Он однажды сказал, что если бы у него не было таких переводчиков, как Семен Липкин и Юлия Нейман, то у

него не было бы стихотворений на русском языке. И все же у Кугультинова есть стихотворения на русском языке. Все они написаны в 1951 и 1953 годах и посвящены его жене – Алле Григорьевне. Позже он посвящал ей стихотворения и на калмыцком языке. На русском же написаны четыре стихотворения «Нет, нет! Я вовсе не жалею...», «Гармонию мелодий без звучаний...», Улыбкой ласковой привет...», «На день рождения».

Почему же поэт писал стихотворения на калмыцком языке? Не потому, что это родной язык, знакомый ему с тех пор, как он начал понимать и говорить. Неслучайно, что первая книга Кугультинова написана на родном языке, и потому легче и свободнее говорить и написать на родном языке. Когда поэта на литературных вечерах просили прочитать стихотворения на калмыцком языке, он читал «Хадрис», который трудно передать на другом языке. Об этом стихотворении, как мы помним, великолепно сказал Семен Липкин.

В свое время (в 60-е и 70-е годы) я написала о творчестве Давида Кугультинова много статей и разделы о его творчестве в книгах «Поэты и время», «Поэзия и жизнь».

Когда я писала статьи о творчестве Кугультинова к его 85-летию, Давид Кугультинов был жив. Теперь мы, к сожалению, говорим о поэте, которого нет в живых. Но чем больше я читаю его стихотворения и поэмы, тем больше я прихожу к мысли, что это настоящий Поэт, творчество которого будет всегда нужно читателям.

Литература

Луговской В. Раздумье о поэзии. – М., 1960.

Розенблюм Ю. Давид Кугультинов. – М., 1969.

*Ж.А. Машукова,
Кабардино-Балкарский госуниверситет, г. Нальчик*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛИРИКИ Д. КУГУЛЬТИНОВА И Х. ТХАЗЕПЛОВА

Развитие национальной литературы всегда характеризовалось ярко выраженными специфическими особенностями, которые прослеживались в произведениях различных жанров, в проблемно-тематической направленности, в употреблении выразительных средств языка и стиля. Обозначенные нами поэты всегда были по-настоящему оригинальными и самобытными, не похожими на других, то есть они всегда оставались самими собой и ярко проявили в своей поэзии те человеческие качества и духовные силы своей нации, которые были заложены в них от природы.

Вот как писал ректор ПГЛУ, профессор Ю.С.Давыдов о Кугультинове: «Нам, лингвистам и литературоведам, особенно дорог Ваш поэтический талант, безупречная отточенность стиха, глубочайший духовно-нравственный подтекст, который придаёт Вашему творчеству общечеловеческое звучание... Лирический герой Вашей поэзии гармонично сочетает в себе черты воина и мудреца, созидателя и пророка, стойка и эпикурейцев. Стихи Ваши подобны жизни Вашего народа.» [Кугультинов, 2002]. Из этого высказывания и последней строчки «Стихи Ваши подобны жизни Вашего народа» явствует, что место и роль народных традиций, взаимодействие фольклора и письменной национальной поэзии, при определенном развитии художественного сознания народа – всегда влияло на творчество писателя. Поэтому, говоря о национальных истоках поэзии Д. Кугультинова и Х. Тхазеплова, необходимо учитывать три объективных фактора: родной фольклор, жизненный опыт и творческое усвоение опыта предшественников, их художественных традиций. Профессор С.И. Эфендиев отметил эту особенность художественного своеобразия лирики Х. Тхазеплова и писал о глубинных национальных истоках поэзии Х. Тхазеплова и о его философско-нравственной направленности стихотворных произведений. С.И.Эфендиев отметил в четверостишиях Х. Тхазеплова богатую образность, сложную метафоричность, глубоко самобытное видение мира. Вот одно из таких четверостиший Хасана Тхазеплова: /Стоп, шумливые народы! – на планете суета./Высшим символом явились непонятные врата./За вратами – лик в тревоге, а за ликом – строгий/ взгляд./Будто небо плащаницей смотрит в душу всем/ подряд./

Хасан Тхазеплов продолжает художественные традиции своих великих предшественников, особенно в жанре лирических посланий и посвящений, в жанре четверостиший и двустиший. Эти жанры были широко распространены в восточной поэзии. Были они и у Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Давида Кугультинова, Алима Кешокова. Известна истина, что не бывает литературы в отрыве от национальной формы и общих идейно-эстетических принципов. Национально-самобытное в творчестве Хасана Тхазеплова – это и результат его плодотворной работы, влияния поэтов старшего поколения и влияния социальной истории народа.

В стихотворении «Единственное счастье» (Перевод С. Липкина) Д. Кугультинов писал:/Есть на земле для каждого из нас/Одно-единственное счастье, /И все мы ищем каждый день и час/Свое единственное счастье./

Таким счастьем для Д. Кугультинова и Х. Тхазеплова было желание творить Добро для людей.

Литература

Кугультинов Д. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 1. – Норильск, 2002.

ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ (ПОЭМА Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА «БАТА – ВСАДНИК НА БЫКЕ»)

Актуальной задачей в исследовании творчества выдающихся калмыцких литераторов и калмыцкой литературы в целом является выявление жанровых особенностей, исследование образов, приемов, изобразительно-выразительных средств авторской сказки. В данной статье рассматривается поэма-сказка Д.Н. Кугультинова «Бата – всадник на быке». Цель статьи – показать отличительные особенности данной поэмы как авторской сказки в сравнении с образами, структурой и изобразительно-выразительными средствами народных сказок.

Калмыцкая художественная литература возникла в начале XX в., усваивая опыт русской литературы и опираясь на духовное наследие своего народа, прежде всего, на многожанровый фольклор. Среди его образцов особо выделяются калмыцкие народные сказки – одно из ярких и высокохудожественных проявлений духовной культуры народа. К калмыцким сказкам, не смотря на наличие в них отличительных особенностей, вполне применима общепринятая в мировой и отечественной фольклористике классификация на волшебные, бытовые, богатырские и сказки о животных.

Структура калмыцкой сказки во многом родственна структуре сказок других народов. В построении их сюжета встречаются начальные, медиальные, финальные формулы. Начальная формула калмыцкой сказки указывает на отдаленность, т.е. не историчность, времени действия. В поэме-сказке Д.Н. Кугультинова начальная формула, не смотря на указание отдаленности времени действия.

Круг персонажей калмыцкой сказки довольно обширен: представители различных слоев этнического общества, животные, фантастические персонажи (шулмусы, мусы, мангасы и др.), помощники главного героя богатырский конь, слуги, Белый Старец) и т.д. Среди персонажей поэмы-сказки «Бата – всадник на быке» присутствуют и шулмусы, и «премудрый» старец, который по древним религиозным поверьям калмыков выступает защитником и хранителем земли и народа («премудрый, радетель жизни, старец седокудрый»). Семантика и функциональность этого образа чрезвычайно глубока и разнообразна. Недаром поэт отмечает, что «премудрый» старец – это тот, «кого по-разному народ зовет».

Столь же глубоко своеобразна семантика образа верного спутника – богатырского коня главного героя. В поэме-сказке Д.Н. Кугультинова в этой роли выступает бык Омба, выросший рядом с главным героем.

В сюжете калмыцких сказок встречается образ старика, приезжающего во дворец хана на быке. Но в данном случае, стоит вспомнить, что образ «всадника на быке» явно перекликается с образом героя буддийской притчи и образом божества индуистского пантеона Рамой, средством передвижения которого является буйвол.

Особую роль в калмыцкой сказке выполняют имена сказочных персонажей. В поэме-сказке имя каждого персонажа несет определенный смысл, характеризующий его. В своей поэме-сказке автор подобно народным сказителям использует сравнения, эпитеты в большей степени по отношению к женским персонажам, гиперболу – для характеристики могучей силы богатырей, их коней, враждебных им персонажей. Рождение и быстрый рост богатыря, выписаны в традиционном для калмыцких богатырских сказок ключе. Сказка должна держать аудиторию в неослабевающем интересе к воспроизводимому сюжету, потому в ее арсенале есть ряд изобразительных средств, приемов, поэтических формул, которые должны обеспечивать последовательность и плавность, а иногда и напряженность повествования. В произведении калмыцкого поэта весь этот арсенал изобразительных средств гармонично используется и органично вплетается в общую ткань повествования. Однако в целом не они создают силу и притягательность поэтического слова литературной поэмы-сказки, а вполне зримое присутствие авторского «я», выражающееся в поэтических отступлениях (размышлениях) от сюжетной канвы. В этом, по нашему мнению, проявляется одно из основных отличительных особенностей литературных поэм-сказок Д.Н. Кугультинова от народной.

Таким образом, поэма-сказка «Бата – всадник на быке» не является результатом механического заимствования художественно-изобразительных средств сказочного фольклора, хотя и содержит в себе отличительные элементы богатырской сказки, и подчинена основной смысловой нагрузке, которая выражена в идее антимилитаризма.

*Л.Б. Олядыкова,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

МАГТАЛ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

В оригинальных произведениях Д. Кугультинова слова «магтал», «магтх» (восхвалять), образцы магталов встречаются довольно часто. В текстах этих произведений на русском языке указанные слова, образцы магталов даны в переводе на русский язык, кроме слова «магтал», имеющегося в стихотворении «Ода Москве». Красота Москвы в начале оды описывается калмыцкой

эпической формулой красоты. К примерам использования аллюзии и термина – наименования жанра «магтал» требуется развернутая информация, обеспечивающая понимание содержания стихотворения.

«Ода Москве» («Москва, дурн мини») представляет собой шесть строф. Каждая строфа имеет по 14 стихов и заканчивается рефреном – двустишием, выражающим главную мысль произведения: /Москва!.. Ты светом вечности жива!/Сияй, Москва!.. Любовь моя – Москва!/(с. 124-126). Рефрен не только поддерживает торжественность стиля, но и подчеркивает глубину духовной связи лирического героя и города Москвы. В экспозиции оды Д. Кугультинов обращается к эпосу «Джангар» посредством цитирования формулы красоты. Этот текст узнаваем: /Ты, ... /Сияешь так светло, что впору в этом свете /Цветной узор плести, причудливый на вид, /Иль табуны пасти, – После указанных слов дана отсылка к источнику – так песня говорит, / являющаяся сигналом того, что приведена цитата. Конкретный источник не указан, читатель сам должен догадаться, откуда эта цитата. Как имеющая указание на источник, эта цитата маркированная. В переводном тексте используется прием варьированного цитирования прототекста. Сравним поэтическую формулу женской красоты Д. Кугультинова с эпической формулой: /В сиянье [ее красоты] шитьем – вышивкой заняться возможно; /В свете [ее красоты] табуны стеречь возможно./ Оригинальный текст оды Д. Кугультинова начинается фрагментом текста – источника: /Герлднь үүл бэрм, /Гегэнднь аду манм, / (Пролог малодербетской версии «Джангара» – Оршгъл, 80 х.). Употребление эпической формулы служит созданию образности с возвеличивающей целью. Образ столицы Москвы в начальном фрагменте стихотворения соотнесен автором с главным женским эпическим образом жены богатыря Джангара. Рассматриваемая формула применяется в эпосе для описания красоты Ага Шавдал. Метатекстовое средство *так песня* (не сказка) *говорит* есть, по нашему мнению, указание на эпос «Джангар». Анализируемая формула женской красоты – фольклорная константа: кроме «Джангара», она употребляется еще в сказках, легенде. Этой формулой или ее вариантами дается портретная характеристика героинь, например, в сказках «О празднике Цаган Сар», «Три брата» и главной героини «Легенды о Лагани». В этой связи возникает проблема – какой из трех источников первичен в использовании данной формулы. Как мы уже показали, кугультиновская формула близка к эпической. Обращение к «Джангару» является показателем эстетической ценности для автора (причины могут быть разные) данного текста – источника. В новом тексте «внешний текст» трансформируется, другой является и ситуация его функционирования. Аллюзия, находясь во вступительной части оды, эксплицирует внешнюю красоту Москвы. В дальнейших строфах охарактеризован «моральный облик» города. Расчет автора на то, что аллюзии читатель сможет расшифро-

вать, может не оправдаться: расшифровка аллюзий требует от читателя определенных знаний. Если пресуппозиция текста читателю неизвестна, текст может быть воспринят им не полностью или не адекватно. В этих случаях, чтобы обеспечить понимание текста, следует аллюзии объяснить. Анализируемая аллюзия предполагает, чтобы ее расшифровали: знания автора и читателя в области эпоса «Джангар» различны. А.К. Жолковский заметил, что «интерес у исследователя интертекстов всегда двойкий: увидеть как саму цитату, так и ее новый поворот» [Жолковский, 1992, с. 19].

Считается, что в разных культурах по-разному рассматривается, что есть женская красота. Приведенная из поэзии Кугультинова и имеющиеся в калмыцком фольклоре формулы женской красоты подтверждают это положение, являясь национально-специфическими. В данном случае как источник культурной информации выступает художественный портрет.

Слово «магтал» использовано дважды в заключительной шестой строфе. Вот эти строки, которыми стихотворение заканчивается: /Ты стала украшением магтала: /«Москва» – сладчайшим изо всех имен /Магтал мой – дифирамб мой окрылен! /В себя приняв все лучшее Былое, /Расти, Москва, неумолимо строя, /Во имя человеческой мечты, /Грядущее, – /его достойна ты. /Москва!.. Ты светом вечности жива! /Сияй, Москва!.. Любовь моя – Москва! / (с. 126). Значение термина объяснено в тексте стихотворения через русский синоним: /Магтал мой – дифирамб мой окрылен!/. Способом семантизации «чужого» слова выступает параллельное подключение дополнительного синонимического лексического средства. Также значение слова понятно из контекста. Еще оно имеет постраничную сноску: Магтал – хвала. Кроме термина, приведен образец текста магтала, который можно назвать и йорелом (благодарением).

Содержание всех строф соответствует тому, что это «торжественное лирическое стихотворение, написанное в приподнятом тоне» (определение жанра «ода» А.П. Квятковского). В заголовке дано авторское определение жанра анализируемого произведения – «Ода Москве», кроме жанра, указан адресат. Аналогично названо стихотворение поэта «Ода болгарскому языку» (с. 118-121). Слова *Ты стала украшением магтала* являются точным переводом калмыцких слов: *Магталын чимг болсн* (Москва, дурн мини, 80 х.). Стихотворение переведено Юлией Нейман. В другом случае – при переводе стихотворения «Герэсн» (72 х.) – Юлия Нейман такие же слова *Магталын кеермж болм* – букв. Словно украшение магтала, примененные поэтом по отношению к Калмыкии, в переводе никак не передает, см. стихотворение «Завещание» (с. 214-215).

В первой строфе калмыцкого текста оды имеется еще один пример аллюзии – трансформированная форма эпического выражения: *һалвр байрин цецгэр* (78 х.) – букв. Волшебными радостными цветами. В «Джангаре» сочетания «Һалвр зандн модн», «һалвр уласн» – волшебное сандаловое дерево, вол-

шебные тополя употребляются по отношению к деревьям, налвр зандн модн (Галвар Зандан) – одно из наименований мирового древа, древа жизни. Строки калмыцкого стихотворения: /налвр байрин цецгэр / назр бүтэж өнлсн/ (букв. Волшебными радостными цветами / Землю (раз)украсившая) – переведены Ты (Москва – Л.О.), ... /Способная ... /В пустыне выжженной взрастить посев (с. 124). В переводный текст прецедентное выражение не вошло.

Таким образом, заголовок стихотворения формирует жанровые ожидания читателя, настраивает определенным образом его восприятие, первая часть произведения представляет вступление, отсылающее к эпосу «Джангар», а конец текста – это йорел, следующий за магталом. Кроме того, что начало и конец текста являются своеобразными маркерами жанра, они используются для выражения основной идеи произведения, наиболее важных смыслов.

Кроме стихотворных магталов, в калмыцком фольклоре бытуют еще песни – здравицы – «магталта дуд». О них также говорится в произведениях Д. Кугультинова. Наименование данного жанра передано в переводе: «песня восхвалений» (поэма «Корень»), «торжественная песня в честь старейшин» (поэма «Равные солнцу»), «хвала» («Повелитель Время»). В реалистической поэме «Корень» в песне воспеваются Ленин: *люди радуются жизни* в советской стране. Лирический герой говорит: /Слышу песню восхвалений/ На калмыцком языке: / «Наш цецен премудрый – Ленин!» – /И вблизи и вдалеке .../ Это имя с дивной силой/День грядущий озарило./Он сияет чистым светом – /День свершений и чудес!./Завершают поэму слова: /Люди славят свой удел, /Люди радуются жизни, /И в душе растет /Отчизне /Благодарственный йорел!/ (с. 329). Стихотворение датировано 1966 годом. Слово «цецен» объяснено в сноске: Цецен – мудрец. В поэме-сказке «Равные солнцу» «торжественную песню в честь старейшин» под музыку домбры запели семьдесят семь мужчин. Слова этой песни: /Лишь песни такие народу нужней, /Что в бой увлекут и бойцов и коней. /Клянемся блюсти до скончания веков /Священный закон почитать стариков!/(с. 365). В поэме-сказке «Повелитель Время» под звуки домбры пел хор молодых девушек: /Пели девушки хвалу /Времени, /сквозь мрак и мглу /Пролагающему вдаль / Белый путь – счастливый путь./ (с. 400). Этим строкам в калмыцком тексте соответствуют слова: *Цаган хаалһ делгүүлсн / Цагиг магтэж йөрэв* (290 х.) – которые буквально переводятся – Белый путь проложившее / Время, восхваляя, прославляли. Радостное время возвращения домой из сибирской ссылки прославляет лирический герой стихотворения «Ижл» (Волга): *Цаган магтэж суунав* (177 х.). В русском переводе эта строка имеет вид: *Слагая Времени «йорел»*. (с. 121). В стихотворении «Чабаны» слова «магтал» нет (с. 241-244), а в стихотворении «Хөөчнрт» (Чабанам) оно употребляется – в значении определения к слову чабаны: /Дуунд магтгдсн / Дамшлтта хөөчнр/ (164 х.) – букв. В песнях воспетые / Опытные чабаны.

Как видно из приведенного материала, слово «магтал» в текстах произведений на русском языке переведено, или заменено словом «йорел», или никак не передано. Примеры употребления вместо слова «магтал» русских синонимов и стихотворения-восхваления в поэзии Д. Кугультинова многочисленны. Мы остановились на трех переводных примерах, чтобы сказать о песнях-магталах.

Итак, проанализированные произведения Давида Кугультинова представляют две разновидности жанра «магтал»: торжественное стихотворение и хоровые величальные песни. Стихотворение является авторским магталом, с которым в роли магталчи выступает лирический герой – художественный двойник автора – поэта.

Песни, упоминаемые в поэмах, – народные, их исполняют народ, хор мужчин, хор молодых девушек. Ода и песни адресованы столице Москве (в «Оде Москве» содержится прямое обращение к городу: *ты, Москва*), Ленину, старейшинам, счастливому Времени. «Ода Москве» и поэма «Корень», в которой говорится о песне восхвалений Ленина, относятся к реалистическим произведениям, «Равные солнцу», «Повелитель Время» – поэмы-сказки.

Здесь поэзия Давида Кугультинова рассматривалась по заданной теме и в одном аспекте – межкультурной коммуникации, потому анализировались произведения, содержащие национально-окрашенные слова и выражения. Тематикой проанализированных выше трудов поэта не исчерпывается тематика его магталов. Давид Кугультинов – певец родной степи, Калмыкии, Элисты, эпоса «Джангар», советской страны, России, Москвы, Пушкина и многих других людей; он прославлял Разум, Правду и Добро, Время, Природу, Слово и Дело, Творчество, Поэзию – одним словом, Жизнь во всех ее проявлениях.

Литература

Жолковский А.К. Блуждающие сны// Из истории русского модернизма. – М., 1992.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. – Вып. 1.

Козин С.А. Джангариада. – Элиста, 1998.

*Ф.И. Отарова, Т.Е. Эфендиева,
Кабардино-Балкарский госуниверситет, г. Нальчик*

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА Д. КУГУЛЬТИНОВА И К. КУЛИЕВА

Д. Кугультинов и К. Кулиев – поэты сходной жизненной и поэтической судьбы. Оба они были участниками Великой Отечественной войны, а потом испытали депортацию. Знали друг друга с 1940 года, когда праздновалось

Серьезным испытанием для многих поэтов Северного Кавказа и Калмыкии явилась противоправная ликвидация автономии республик и областей некоторых народов, которых депортировали в Среднюю Азию (балкарцев, карачаевцев, ингушей, чеченцев) в районы Сибири и Крайнего Севера (калмыков). Оказались здесь в новой социальной ситуации поэты-воины Д. Кугультинов и К. Кулиев. Факт истории: 1944 г. Д.-Кугультинов снят с передовой за принадлежность к калмыцкому народу, депортированному в декабре 1943 г. в Сибирь. То же произошло и с Кулиевым: он отправился «добровольно» в Киргизию.

Одними из первых ссыльных поэтов, обратившихся к этой запрещенной теме, были Д. Кугультинов и К. Кулиев, бросив вызов времени и не испугавшись тоталитарного режима. За это в 1945 году Д. Кугультинов был арестован, осужден за стихи и выступления в защиту калмыцкого народа по статье 58\10 и препровожден в Норильск, где работал на заводе №25 (никелевым) Норильского горлага (особого режимного лагеря). Социальные мотивы звучат в произведениях Д. Кугультинова «Я помню прошлое. Я помню...», «Скончался мой друг», «Очищение», «Лето в Норильске», «Солнце в Заполярье», «От правды я не отрекался. Поэма; «А где-то учиняют самосуд, , , », «Бедняги» («Чувствую презренье, а не жалость»), «Беспокойство» («Я посмотрел с опаской на него») и др.

Тема ссылки калмыцкого народа и точно такая же тема волновала и К. Кулиева. Они не ставили перед собой вопроса имеют ли они право как поэты художественно осмысливать эту проблему XX века, которая долгое время казалась запрещенной. Кулиев писал в стихотворении «Одной земле» (1947): /Став глухим, я буду слышать, знаю, /Шум листьев там, в родимой тишине, /И, став слепым, моя земля родная, /В твоих горах не заблудиться мне./ (Перевел Н. Коржавин).

У К. Кулиева есть поэма «Завещание», в которой он рассказал не только о трагической судьбе чегемского крестьянина, сколько о страданиях всего балкарского народа. В многочисленных стихотворениях, таких, как «В Хуламском ущелье», «Родной земле», «Разговор с дождем», «Песня о детстве», «Смородина», «Когда мальчишкой...», ярко выражены чувства любви к малой родине, земле своих предков и поведано о драматической судьбе своих земляков («Умру, но позабыть я не могу родные горы в розовом снегу», – писал К.Кулиев в эти трудные годы.

Сейчас, в начале XXI столетия многое изменилось. Но исследователи будут еще много писать об общих идейно-эстетических принципах творчества Д. Кугультинова и К. Кулиева.

Литература

Абуков К.И. Расул Гамзатов: особенности философской лирики. – Махачкала, 2003.

ТЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА

Два самых значимых для России события минувшего века:

I. Великая Отечественная война. Наша страна не только выстояла перед страшной угрозой – она внесла решающий вклад в разгром Германии и в освобождение народов Европы от фашистского ига.

II. В итоге поражения Советского Союза в холодной войне с Соединенными Штатами Америки «сверхдержава», страна победительница превратилась в третьестепенное государство, в сырьевой придаток мировой экономики.

Сегодня крайне важно осмыслить наш героический и трагический опыт. Без этого не выработать общероссийской идеологии, соответствующей современным реалиям и угрозам, т.е. не возродить сильной независимой державы [Рябов, 1970, с.18.].

Разработка самобытной, свободной от марксистско-ленинских догм идеологической концепции уже осуществляется. Рассмотрим причастность к этому процессу крупнейшего калмыцкого художника и мыслителя Давида Никитича Кугультинова (1922-2006).

Определить историческое значение победы народов СССР над германским фашизмом – важнейшая задача историографии и искусства. Ведь заправили Третьего рейха, в сущности, в войне против России преследовали те же цели, к которым стремятся нынче ведущие державы мира: овладеть нашими сырьевыми ресурсами и выморить населяющий вожделенные территории народ. Английский премьер Тони Блер, например, без малейшего смущения заявляет, что России ни к чему 150-миллионное население вполне достаточно 50-60 миллионов /его молитвами мы уже сократились на пять миллионов человек/ [Башалов, Рудаков, 2006, с. 12].

В марте 1941-го года, утвердив план нападения на СССР, Гитлер даже не скрывал людоедских целей: «Нам недостаточно разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву, Кавказ. Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ» [Рябов, с.18].

В произведениях Кугультинова, непосредственного участника событий эпохального значения, прежде всего обращает внимание суровая сдержанность: /С задумчивым видом, /В обглоданном сталью леске/Сидел он вчера лишь!..А может быть, /это мне снится?/Но вот он лежит...Черный стукот застыл/на виске, /Стекланны глаза и распахнуты настежь/ ресницы.../А только вчера, гимнастерку латая свою, /Он вдруг усмехнулся: «Еще далеко /до парада!/И в новой, и в рваной – прием одинаков/в раю, /А в ад нас не примут –

достаточно этого /ада!..»/Еще лишь вчера! Но, застывший /в последнем броске,
/Лежит он спокойный, раскинувший руки/крылато./Стекланны глаза. Черный
сгусток застыл/на виске, /Нелепым пятном на груди гимнастерки /заплата.../
(Перевод Д. Долинского и В.Стрелякова).

Накал страстей в его стихотворении, его предельная напряженность выявляются не в авторских декларациях, а в глубинном подтексте, посредством контраста между прозой фронтового быта /«обглоданный» снарядами лес, продранный, неумело залатанный гимнастерка/ и величиим подвига солдата, выполнившего свой долг перед отчизной. Эта картина невольно заставляет сжаться сердце, почувствовать безмерность цены, заплаченной за победу.

Переход от лирической исповеди о войне к лиро-эпическим полотнам знаменует поэма «Моабитский узник». В центре внимания автора-судьба и раздумья Темира. Прототип Темира – татарский поэт и воин Муса Джалиль. Его отточенное оружие – слово.

Перечисляя исполинов, содействовавших формированию духовного мира героя, калмыцкий поэт выделяет тех, кто дорог ему самому: могучий Данте, бесстрашные узники Шлиссельбурга, вынесшие царизму смертный приговор; титаны мысли и слова Пушкин, Толстой, Чехов. Выведенный хмурым осенним утром на казнь, Темир черпает силы в пушкинских строках: /»Роняет лес багряный свой убор...»/ Он пришел как с другой планеты, /Стих, пролетным ветром напечтый.../

Представления автора о призвании художника, раздумья о назначении искусства перекликаются с лермонтовскими: голос настоящего поэта гремит, подобно колоколу на башне вечевой «во дни торжеств и бед народных».

Опыт военных лет побуждает Кугультинова утверждать достоинство и независимость суждений как самые необходимые, определяющие черты облика его современников. Он не приемлет рабьей приниженности, что заставляла дедов полагаться на судьбу. И уж совершенно беспощаден к беспринципности, чванству и самодовольству, к показному энтузиазму и хамелеонству.

В последних произведениях, посвященных войне /и Второй мировой, и локальным/ обнажен смысл событий через их реальные и возможные в принципе последствия. Человек широкого кругозора, свободно ориентирующийся в современном мире, писатель ставил острейшие проблемы социально-политического плана. Так, концовка поэмы «Воспоминания, разбуженные Вьетнамом» представляет философское осмысление уроков истории, преподанных человечеству в ходе прошлых и нынешних войн. Это – напоминание об ответственности каждого за мир. Именно поэтому трагическое содержание сменяется вдруг жизнеутверждающей концовкой: /Да разве невозможно людям, нам, /Направить так истории кормило, /Чтоб сделался немислимым напалм./Чтоб выдохлись войны слепые силы?!/Я верю – жизнь не обратится /

вспять! /Что, кто ведет корабль/в пучине звездной, /Научится грядущим управлять/Теперь, теперь, пока еще не поздно!../

В поэме «Любовь и война» через исповедь героя-повествователя раскрыта трагедия невозполнимых утрат, понесенных человечеством в итоге войн. Фашизм разгромлен, но никто не воскресит погибших надежд и испепелённых в адском огне душ!: /Так/в горниле войны/ был сожжён мой цветочек степной./Так сгорела любимая/в пламени злобы безмерной./ Эта песня войны/ беспощадной пропахла войной, /только нет в том вины моей, /отзвук в ней времени верный!./

В этом повествовании о свергнутых в водоворот чудовищного противоборства человеческих судьбах – жгучая тревога за будущее всей планеты.

Способность вызвать у читателя чувство причастности к жизни минувшей, настоящей и будущей и составляет ту «искру божью», без которой нет настоящего искусства. В поэме «Бунт разума» [Новый мир, 1972] автор с первых же картин достигает неподдельной убедительности: у себя дома в Нью-Йорке убитые горем врач Адам Крейзи и его жена Катрин прощаются с прахом единственного сына. Томас погиб во Вьетнаме, металлический гроб омывает скорбные звуки «Реквиема» Моцарта.

Роковой вопрос о первопричине зла встал перед Крейзи давно. Свидетель трагедии Хиросимы, уже тогда он был близок к уразумению истины. Но только теперь стало невозможным уйти от неумолимых выводов. Обреченная девочка Намико, которой он ничем не мог помочь, заставляет его по-новому ощутить позор своей страны за 6 августа 1945 года и собственную вину перед теми, / Кто без прощанья, без прощенья, / Без покаянья и без отпущенья /В едином взрыве скопом сожжены.../

Дважды звучит в поэме «Реквием». Тогда, в 45-м, Адам растворил свое смятение в «музыке нетленной»: /Пусть на земле возможна Хиросима, / Душа извечна и неугасима.../

Сейчас, воскрешая пережитое, герой уже ничем не обольщается. Хиросима в его воображении – ужасный символ грядущего, ожидающего весь род людской: /И пустота все тягостнее, шире.../Вдоль мертвых рек, по мертвым городам/Один, один/ в осиротевшем мире/Идет последний человек – /Адам./ Нет музыки. И мысли нет./ Нет слова./Шекспира нет. Нет/Мудрого Толстого./ Нет в мире больше/ни добра, ни зла./

Это грозное предостережение поэта-гражданина народам планеты, занятым лихорадочным усовершенствованием оружия массового уничтожения, создающим на земном шаре все новые и новые «горячие точки»: «Корея Гватемала...и Суэц...Когда конец? И будет ли конец?».

Призывы и предостережения адресованы обеим агрессивным сверхдержавам, едва не развязавшим в памятном 1962-м году мировую ядерную войну!

В одном из стихотворений поэт четко сформулировал стоящую перед миром дилемму: /Быть в нашем небе облакам-/ Или виденьям стран, сожжённым разом.../

За этой гранью прервется идущая из глубин тысячелетий эстафета нравственности, культуры, самой жизни. Применение в военных целях самого замечательного в истории открытия потрясло многих ученых. Лео Сциллард, один из крупнейших физиков XX века, соратник Эйнштейна, до самой смерти испытывал чувство вины за Хиросиму и с ужасом смотрел в завтрашний день. После войны он обратился к научной фантастике, спеша предупредить людей о грозной опасности:

«Вой ракет, грохот взрывов и тишина всепланетного кладбища. И не важно, кто начал третью мировую войну, кто сверг мир будущего в этот крошечный атомно-водородный ад – мы или они! Этого никто не узнает...»

Трагедия Адама Крейзи покоряет в поэме неподдельной человечностью. Это – не умозрительная абстракция, а страдающий, мучительно бьющийся в поисках истины человек. Не случайно поэма вызвала широчайший резонанс и сразу же была переведена на все ведущие языки мира.

Всю жизнь Д. Никитич был в оппозиции к любым формам тоталитаризма: отстаивал свои взгляды перед всемогущими структурами, смело предостерегал о пагубности их деяний. Главное же – предпринимал всё возможное для достижения гражданской зрелости соотечественниками. Учил распознавать истинное искусство: оно отвечает «на вопросы, которыми мучится человечество». Помогал отличать прекрасное в жизни и в художественных творениях от всего ходульного и фальшивого: «Волшебные зерна поэзии добываются из противоборства Добра и Зла, Света и Тьмы... Из любви и гнева сплетается венок поэзии» [Кугультинов, 1966, с. 196]. Разъяснял, как важно уметь постигать загадки прошлого и провидеть будущее.

Исключительное значение в духовном возмужании людей придавал калмыцкий мудрец русскому языку и русской культуре: «С самого детства мой идеал – Пушкин, его стихи, простые и естественные, как правда» [Детская литература, 1974].

Творения Кугультинова обращены к собеседнику, который задумывается над самым главным и подвергает критическому анализу всё без исключения. Для режима, не терпящего никакого инакомыслия, это – само по себе крамола. Автор же замахивается на святая святых [Вопросы литературы, 1968] святых коммунистической доктрины: «Не нужно бояться споров. Но споры должны идти с решительным пресечением попыток кем бы то ни было монополизировать истину» /подчеркнуто мною – Н.П. [Детская литература, 1974, с. 28-29]. Как? Лишить права непогрешимых номенклатурных бонз – «ум, честь и совесть эпохи» – монополизировать истину?! Да еще иной раз одернуть их,

вконец изолгавшихся: «Читатель не простит малейшей фальши, ибо у наших современников на этот счёт есть очень тонкий слух» [Вопросы литературы, 1968, с.89].

В заключение приведу строки, адресованные Давидом Никитичем собратьям по перу. Это, по существу, завещание почившего патриарха, напоминание о нелегкой и исключительно ответственной миссии художника в современном мире: /»Молчанье – золото...» Не так!/Молчанье – ложь, Молчанье – враг!/Молчать о виденном не смейте!../Ломая немоты печать, /Суровый голос из бессмертья/Взывает: «Не могу молчать!» [«Не могу молчать!» – название статьи Льва Толстого.]

Литература

Башалов А.И., Рудаков Г.П. История Великой Отечественной войны. – СПб., 2006.

Рябов В.С.. Великий подвиг.– М., 1970.

Кугультинов Д. Утоление жажды. Сказки. Рассказы. Очерки. Статьи. – Элиста, 1966.

Кугультинов Давид. Поэт – ровесник человечества // Вопросы литературы. – 1968. – №2.

Кугультинов Д.Н. Возраст / Пер. Юлии Нейман. – М., 1973.

♦ ♦ ♦

Н.Б. Пюрвеева,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

СКАЗКИ Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА

В своем художественном творчестве Д.Н. Кугультинов обращался к поэтическим константам фольклора. На народной поэтической основе созданы такие стихи, как «Просят друзья»: «Скажи нам йорел», «Сколько свежести в народном слове», «Читая «Джангар»», «Девушка – джангарчи», «Хадрис», «У стариков калмыков есть проклятья», «Народные сказания чисты» и многие другие. В стихотворении «Просят друзья»: «Скажи нам йорел» поэт размышляет о бренности человеческой жизни, в которой «горе и радость живут вдвоём», добро и зло сосуществуют рядом. Но в калмыцком фольклоре есть древний народный жанр йорел – благопожелание, олицетворяющее светлое, доброе начало. Поэт слагает свой поэтический йорел друзьям, сохраняя при этом излюбленные народные обороты, поэтические образы, народную символику: /Древний йорел – пожеланье добра – /Произношу, как мой дед вчера: /«Да восклубится у ваших дверей/Светлая пыль из-под ног гостей! /Да преградит стеной лебеда/ Тягостный путь до дверей суда!» [Кугультинов, 1965, с.55.] (пер. Ю. Нейман).

Стихотворение «Хадрис» написано в стиле фольклорных традиций, в нем улавливается та же интонация, тот же плясовой ритм, характерный искромётному калмыцкому танцу, так хорошо знакомому каждому калмыку: /Ты извивайся, как змея! Хадрис!/Будь пламенем, будь вихрем и грозой!/Как ласточка, взвивайся и крутись, /Стань гибкою лозой!/Мчись как тушканчик, не страшись игры/И догони мелодию домбры [Кугультинов, 1965, с.108] (пер. С. Липкина).

Известен глубокий интерес Д.Кугультинова к национальному эпосу. Следы непосредственного воздействия «Джангара» мы находим в целом ряде его поэтических текстов: «Девушка – джангарчи», «Песнь осеннего ветра», «В лесу», «В заветах нашей старины», «Матери – степи», «Читая «Джангар»» и другие. Для поэта «Джангар» был духовной и исторической памятью народа. В стихотворении «Девушка – джангарчи» воссозданы яркие поэтические богатыри страны Бумбы, оживающие в сознание слушателей в прекрасном, талантливом исполнении юной джангарчи. Героические песни воспевают силу, красоту, честь и преданность воинов. Тема богатырства присутствует в стихотворении как проявление народного духа, народной силы. Перед зрителями не героизированные эпические богатыри, а реальные «сыновья степей»: /И чувство, схожее с наитием, /Явилось к сыновьям степей, /И песня стала вдруг открытием:/Они себя poznали в ней. [Кугультинов, 1965, с.58] (пер. Я. Козловского).

Особенно привлекал Д.Кугультинова сказочный жанр народной поэзии, на основе которых он создал цикл своих литературных сказок – поэм: «Золотое сердце» (1961), «Песнь чудесной птицы» (1961), «Равные солнцу» (1964), «Сар-Герел» (1966), «Повелитель Время» (1967), «Цветок, одолевший бурю» (1973). Кугультинова сказка привлекала возможностью выразить проблемы своего времени и передать свое внутреннее состояние и отношение к излагаемому событию. Он создает по художественным законам волшебной сказки сказки-поэмы, в которых усилено литературное начало.

Литературная сказка-поэма «Сар-Герел» Д.Кугультинова повествует о девушке, спасшей человеческий род от разгневанного Солнца-владыки. В основе сюжета творчески разработана легенда о девушке-луне. «Сар-Герел» – философская поэма о народной мудрости и доброте, о любви и счастье, о правде истинной и ложной.

Противостояние Солнца и народа разрешается жертвоприношением героини. Сар-Герел приносит себя, свою любовь в жертву во имя спасения и блага народа. Концепт свободы, человека и общества, добра и истины, отраженные в сказке-поэме, важны не столько сами по себе, сколько в связи с проблемой, имеющей одновременно и общечеловеческий философский смысл. Автор стремится показать через сказочный сюжет всю сложность понятия истины. Каждая человеческая жизнь самобытна и дорога.

«По мотивам калмыцких сказок», по признанию самого автора, написана философская сказка-поэма «Повелитель Время». В стране, где правит хан Хамбал, царит тиранство, самодурство; в душах людей вселился страх, ложь, доносительство, лесть. Власть хана безгранична над жителями. Наивысшим счастьем на земле Хамбал и его нойон Хаджи, лстец и подхалим, считают Богатство. Но всемогущ ли человек? Все ли подвластно ему? В чем богатство и счастье? Деньги и роскошь не приносят счастье и любви женам Хамбала и Хаджи, которые, не боясь власти своих мужей, изменяют им, для них любовь дороже богатства. Сила любви их такова, что ей не подвластна никакая власть: /Ханша правду – истину сказала:/В жизнь вернуться стоит, /может быть, /Только для того, чтобы любить, /Для любви короткой жизни мало!/(пер. Ю. Нейман).

Хан Хамбал и нойон Хаджи решают расправиться со своими женами – они стремятся осуществить чудовищный план мести. К хану, как ко всякому человеку должна прийти расплата за содеянное зло. Убийцы призваны к суду Матери Жизни, олицетворяющей все живое на земле. Именно ей, Повелитель Время дает право вынести приговор над тяжкими, страшными преступлениями хана: /О мать!...Хочу услышать слово, -/Сказал Властитель – /Все оно решит./Мать начала:/На свете все живое/От женщин... Лишь за убийство жен/Могли бы лечь на плаху эти двое./Но разве ими грех один свершен?/В их списке/горы тяжких преступлений!/Не искупить их в огненной геенне!.../Не думали они, что есть в веках/Суд времени, не знающий пощады./

Подлинным, истинным земным Властелином в поэме является Время. Жанровая сказочная специфика позволила поэту персонифицировать Время в облик седого старца, который и совершает праведный суд над временным царствованием бесчеловечной власти хана Хамбала и его сподвижников. Общая линия произведения связана с темой возмездия. Сказкой-поэмой «Повелитель Время» Кугультинов предупреждает о страшных последствиях утраты в человеке человеческого, подчеркивает аморальность неограниченной власти над другими людьми. Концепт Истины, Добра связан, по мысли автора, с Временем. Одним из жанрообразующих признаков произведения является заинтересованная позиция автора, богатство авторских интонаций. «Повелитель Время» имеет также свой глубокий подтекст. В авторском замысле сказки-поэмы главное составляет гуманистический, нравственный и философский подтекст.

Мать-женщина просит Время вынести преступникам приговор нравственный, и в этом эстетическая, моральная основа народного сознания и духа: /Не надо крови!...Даже как возмездье.../Прошу тебя, Хаджи с Хамбалом вместе, /Всего лишив, сменив обличье их, /Оставь, о Время мудрое, в живых/Раскаянью и тягостным заботам/Пусть предадутся в облике другом, /Пусть добывают хлеб/своим трудом, /Краюху горьким орошая потом... [Кугультинов, 1977, с. 370].

Как и «Сар-Герел», поэт включает в художественную ткань «Повелитель Время» притчу. В «Притче о верной Лоле» возвеличена, опоэтизирована девушка Лола, верная, преданная, любящая. Образ Лолы обладает всеми необходимыми приметами личности, и вместе с тем, он символичен. Поиски своего жениха для нее – потребность её души, смысл жизни, любовь для неё превыше всего. Она – яркое, живое воплощение женской любви, мудрости, что может создать своеобразная стихия народного творчества. Притча как фольклорный источник органически переходит в глубокий художественный подтекст литературной сказки, дает возможность глубже понять повествование и является одним из способов выражения индивидуальной мысли автора.

Д. Кугультинова привлекала народная сказка возможностью выразить проблемы своего времени и передать свое внутреннее состояние и отношение к излагаемому событию. Человек и время, человек и общество – одна из главных философских раздумий в творчестве поэта. В сказке столкновение добра и зла не могли пройти мимо современного исторического преломления, не вобрать дух своего времени. Создавая условный, сказочный, «замкнутый» мир сказки, поэт стремился в то же время не потерять чувство реальности, современности. Д. Кугультинов следует народно-поэтическим традициям в самой логике раскрытия своего поэтического мироощущения, в характере воплощения чувств и мыслей лирического героя. Осваивая богатства национального фольклора, поэт стремился на его основе создать литературные формы повествования, отвечающие народным и национальным традициям.

Литература

Кугультинов Д. Стихи. – М., 1965.

Кугультинов Д. Соб. соч.: В 3х т. – М., 1977. – Т.2.

А.Г. Салдуова,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

ПРИРОДА КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРСЕНАЛ В ПОЭЗИИ Д.КУГУЛЬТИНОВА

1. Природа, среди которой живет и творит свою историю народ, является постоянно действующим фактором, определяющим его лицо. В калмыцкой литературе степь является очевидным источником исторической определенности, философских реминисценций, поэтического вдохновения. В поэзии она делает доступным внутренний мир души лирического героя.

2. В поэзии Д.Кугультинова степь предстает полифоническим явлением, вызывающим целую гамму мыслей и чувств. Бесконечный простор степи рождает в нем ощущение вечности. Тают обыденные заботы и мысли, человек сам становится вечностью. («Когда среди степи одиноч...», «Когда, о степь, и впрямь морской стихией...», «Бегут на берег из глубокой мглы...»).

3. Степь становится образной доминантой в его поэтических размышлениях о смысле жизни и смерти, вечности и мгновения («На поле», «Пришло тепло. И чуткие взошли...», «Лежу на поляне...»)

4. Лирическое «я» поэта ярко проявляет себя в «Апрельском» цикле. И это «я» представляет его носителя как национально особенного мира. Его герой не отождествляет себя с природой, ибо подобное состояние было чуждо традиционному мировосприятию калмыка. Голос лирического героя мы слышим оттуда, из того состояния, в котором пребывает весна. Он принимает весенний день таким, каков он есть: «Свист стрижей и веселый щебет», «свежесть утра, голубизна» и прочие видимые, слышимые, осязаемые и обоняемые реалии этого мира.

5. Его сознание перестает разделять весь мир на субъект и объект, и его действия лишаются каких-либо формулировок. В нем открывается состояние беспредельного пространства, когда не просто ощущаешь «звонкий» воздух, наполненный трелями жаворонка, или видишь цветок, разворачивающий свой бутон навстречу солнцу и т.д., а сам становишься этим звонким миром, этим живым цветком.

6. В такие моменты он перестает осознавать себя отдельно от мира. Он открывает «голос» степи, слышит «скрытую музыку» жизни, понимает своих предков, которые говорили о единстве всего сущего под Высоким Голубым Небом.

7. Эти образы важны для понимания целого его поэтической философии, потому что они являются своеобразным кодом его поэзии.

*З.Н. Торогельдиева,
Северо-Кавказский госинститут искусств, г. Нальчик*

СХОДНЫЕ МОТИВЫ ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКИ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА И ИННЫ КАШЕЖЕВОЙ

Кабардинская поэтесса И. Кашежева хорошо знала народного поэта Калмыкии Д. Кугультинова. Их познакомил народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев. Они часто встречались в Москве на литературных вечерах, а так же в составе делегаций вместе с другими литераторами принимали участие в декадах культуры народов СССР. Поэтесса вспоминала об одной из таких поездок: «Помню розовый от цветущего миндаля весенний Душанбе.

Скамья под деревом и два человека, К. Кулиев и Д. Кугультинов, страстно спорящие о чем-то. Издали это воспринималось, как неозвученная документальная съемка: лишь скрещение глаз, нетерпеливые взлеты рук и удивительная живость лиц...» [Кашежева, 1990, с. 70].

За свою жизнь Д. Кугультинов и И. Кашежева написали много стихотворений, поэм, баллад, посвящений. У этих поэтов много общего в поэзии. Их роднит не только любовь к родной земле, а также умение видеть и чувствовать краски окружающей природы и эмоционально поэтическим языком рассказать и передать своеобразие этноприроды. В своих стихотворениях они воспели калмыцкую степь, кавказские горы, ущелья, реки, времена года, рассветы и солнце, звезды, огонь и дым родного очага – все то, что священо для человека, родившегося на этой большой земле, населенной разными народами.

Главная мысль, которая пронизывает их лирику – это мысль об одушевленности природы. Возьмем для сравнения стихотворение Кугультинова «Начало дня». [Кугультинов, 1979, с. 15] /В тот миг, как ты, глаза открыв с утра, /Отбросишь сон и оттолкнешь «вчера», – /Рассветный мир в своем простом обличье/ С веселой, частой болтовнею птичьей/В тебя ворвется, пробуждая вдруг.../ Ты дивно легок. Ты – как все вокруг – /Наполнен солнцем, свежестью, бестрашьем.../И теплым золотом твой дом окрашен./ (Перевела Юлия Нейман).

Или стихотворение Кашежевой «Ливень был с волшебной гривой схож» (1972) [1973, с. 130]: /Ливень был с волшебной гривой схож:/Про него не скажешь – просто дождь./Он не шел и не бежал, а был/Все собой заполнил и омыл./

Природа у Кашежевой и Кугультинова изображается в движении, начиная с раннего утра, когда слышно пение птиц на рассвете до темноты ночи. При этом смена явлений природы соответствует смене оттенков, настроений поэтов, их переживаниям, чувствам и думам.

В пейзажной лирике им удалось выразить своеобразие каждого времени года. Пейзажные стихотворения несут у этих поэтов не только объективно-предметное их значение, но они имеют и эмоциональную окраску, и смысловые оттенки. Особенно поэтично и живописно представлены у них весна и зима. У Д. Кугультинова весна в стихотворении «Когда весна – медлительна, не сразу» [1979, с. 12] – это не только пора тепла, цветения, возрождения новой жизни, а это его философская концепция гармоничности мира и человеческого бытия: /А надо мною в синеве бесплотной/На ниточке весеннего луга/Трепещет жаворонок беззаботный/Как колокольчик радости звучит./Тогда душа – светла и невесома./Весь мир во мне. И в мире я – как дома./ (Перевела Юлия Нейман).

Весна для Инны Кашежевой – пора любви, надежд и ожиданий: /Какое-то странное чувство, /что скоро с весенних небес/нагрянет нежданное чудо, /хотя не бывает чудес./

Эти строки в стихотворении «Какое-то странное чувство» [Кашежева, 2001, с. 104] свидетельствуют о сложном внутреннем состоянии души лири-

ческой героини, которая ждет весной обновления, что означает для нее приход любви. Стихотворение удивляет откровенностью, предельной искренностью и ясностью. В стихотворении чувствуется, что лирическая героиня надеется, что это чудо рано или поздно свершится.

И. Кашежева и Д. Кугультинов посвятили немало стихов зиме. Одни только названия кашежевских стихотворений: «Какая зимняя зима» (1984), «Сегодня умер снегопад», «Ах, как зима кружилась» (1980) свидетельствуют, что снег у поэтессы ассоциируется с любовью, теплом, праздником. У Кугультинова зима – как время года чаще вызывает особую заботу о людях, живущих в степи, тревогу, воспоминания трудной юности: /Метель беснуется... Беда, беда!/И под ее неистовые стоны/Я думаю о степи заметенной, / О чабанах, пасущих там стада.../Моих друзей буран в степи застиг, /Прошу вас, люди, дайте о них!/(Перевела Ю. Нейман) [Кугультинов, 2001, с. 44].

Для обоих поэтов в их творчестве характерно чувство оптимизма, жизнелюбия и стойкости, несмотря на невзгоды и превратности судьбы. Это очень хорошо выразил Кугультинов в стихотворении «Буран»: /Выбор таков: или насмерть стой, /Или иди напрямик!/С бурною степью/своей судьбой, /Ты обречен, калмык!/(Перевела Ю. Нейман).

В 1974 г. И. Кашежева написала стихотворение «Неподвижная степь...» [Кашежева, 1977, с. 30], где выразила свое отношение к Д. Кугультинову, а в его лице всем калмыкам: /Неподвижная степь... Так не скажет калмык./Видеть степь без движения он не привык.

К. Кулиев в своей книге «Поэт всегда с людьми» писал, что если поэт поймет прелесть своей земли, он сможет понять, что прекрасна любая земля, что она дорога тем, кто на ней родился, так же как ему родина его предков. В этом небольшом стихотворении с помощью эпитетов и других образных средств Кашежева сумела выразить эстетическую и философско-нравственную значимость степи для каждого калмыка. Жизнь, судьба, счастье калмыка связана со степью, которая окружает его с момента рождения до смертного часа. Степь связывает его с людьми, культурой его народа, историей, прошлым, настоящим и будущим. И в этой связи заключается гармония мира и человека. И. Кашежевой удалось выразить, что калмыцкая степь для нее так же дорога, как и ее горы, без которых она не представляла свою жизнь.

Литература

- Кашежева И. Кавказ надо мною. – Нальчик, 1973.
Кашежева И. Сегодня. – Нальчик 1977.
Кашежева И. От второго лица. – Нальчик, 1990.
Кашежева И. Избранное. – Нальчик 2001.
Кугультинов Д. Память света. – М. 2001.

ТЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ПОЭЗИИ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА И КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Проблема войны и мира всегда волновала поэтов и прозаиков, начиная от М. Ломоносова и до наших дней, когда в современном мире то там, то здесь возникают локальные и нелокальные войны. Многонациональная литература прошлого столетия многократно поднимала тему войны и мира в произведениях различных жанров. Особенно эта проблема волновала поэтов-фронтовиков, которые защищали мир с оружием в руках, таких, как калмыцкого поэта Д. Кугультинова и балкарца К. Кулиева, который писал в 1942 году: «О Родина, о воля, горы мои» (Из стихотворения «Горы мои»). В это время в предгорьях Кавказа и на Эльбрусском направлении шли жестокие бои. « На нелегких военных дорогах, на походных биваках смертельно усталый поэт обращался к малой родине – земле отцов: « Как горд я вами, милые края!» [Эфендиева, Эфендиев С., Эфендиев Ф., 2002, с.84]. Стихотворение Кулиева «Всегда гордился тем, что горец я!» было опубликовано в газ. «Правда» и в других республиканских газетах. Об этом произведении поэта военных лет много писали литературоведы в различных газетах Северного Кавказа и Закавказья. В этом стихотворении Кулиев прославлял горца, латыша, чуваша, сражавшихся за русские города на просторах России с такой же самоотверженностью и отвагой, с какой бы они защищали от врага свои родные края» (там же, с.76). /Чуваш, дружа со мною от души, /Мне с табаком протягивал кисет./Мне русые знакомы латыши, /Я, раненый, оставил крови след/ На их земле, а друг мой умер там, /Склонясь к земле простреленным челом./Жесточкой битвы дым по волосам/ Полз у меня в окопе под Орлом./ (Перевел Д. Кедрин). Эти строки приведены из стихотворения Кулиева, которое поэт написал в 1942 году.

Д. Кугультинов тоже с этого времени находился в составе войск 2-го Украинского фронта, принимал участие в форсировании Днепра и в Корсунь-Шевченской операции. Будущий известный писатель Василь Быков и поэт Давид Кугультинов бок о бок шли трудными фронтовыми дорогами, освобождая Украину и Молдавию. Тема войны и мира для Кугультинова была важной, он её выстрадал в ожесточенных боях за честь и свободу Отчизны.

Понимание задач и обязанностей художника, смысла и цели поэтического творчества в это военное лихолетье выражено во многих стихотворениях Д. Кугультинова и К. Кулиева просто и ясно. Вот что писал Кулиев в стихотворении «Поэты» (1942): «Мы зеркало земли, где кровь и горя глыбы, и сердце мира мы, уставшие от бед» (Перевел Н. Коржавин).

Оба поэты правдиво писали о войне, но они думали и о мире, о той Победе, которая придет на землю ценою многих жизней воинов-освободителей: / Товарищами, павшими в бою, /Оплачивая каждый день и шаг, /Так защищают родину свою, /Свою победу добывают так, -/(Перевел Н. Коржавин) писал Кулиев в стихотворении « На войне» (1943).

Д. Кугультинов [2002, с.67]в стихотворении «Ночью в окопе» говорил о масштабности народного подвига в годы войны, о том, как трудно приближался день победы: « ... Лежат солдаты на войне, их снег с водою топит. Они не в дыме, не в огне – они в степи, в окопе» (Перевел Ю. Вронский). Обращаясь к событиям войны и мира, бывшие поэты – фронтовики сумели правдиво, художественно запечатлеть послевоенную атмосферу трудового подвига людей всех национальностей, которые стремились быстрее восстановить разрушенное хозяйство, города и села, фабрики и заводы. Социальный оптимизм проникал во все поэтические строки этих поэтов, которые несправедливо попали под гнет репрессии. В одном из таких произведений («О милая, ты, как весна, хороша...»), написанных накануне Великой победы, этот завораживающий и почти неоправданный ничем оптимизм Д. Кугультинова, окрашивал каждую строчку стихотворения. Вероятно, все дело в том, что любовь его к родной степи была важнейшим фактором всех дел и помыслов сражавшегося солдата. Обращаясь к степи, он умолял её не забывать своих сыновей, погибавших в неравном бою с жестоким врагом: « Молю тебя, милая, будь мне верна! Но – боже мой! – ты хороша, как весна».

В стихах Д. Кугультинова и К. Кулиева этого времени отразилось художественное сознание первого послевоенного десятилетия. Оба поэта были счастливыми, молодыми и здоровыми, много ездили по своей стране и за рубежом, принимали активное участие в общественно-политической жизни У Д, Кугультинова даже есть стихотворение «Мысль и время». Так обращаясь к философскому понятию Время, Кугультинов писал: /Всесильна Мысль: и горечь подсластит, /И облегчит печали тяжкой бремя, / И мудростью своей предотвратит/Твои невольные ошибки, Время!/(Перевела Ю. Нейман).

Нравственно-философскую направленность в стихах Д. Кугультинова отмечали Ч. Айтматов (« В соавторстве с землею и водою» // Сов. Калмыкия, 197, 23 окт.), Г. Андреев («Певец труда»// Свет в степи, 1982.№1, С.79), А. Бадмаев (« Честно заслуженные строки или Мудрость поэзии// Изв. Калмыкии, 1997, 25 апреля), К. Беков (« Ручьев звенящий бег...// Лит. газета, 1976, 29 сент.), А. Вознесенский («Муза поэта...//Лу сар 17- 1 марта, №40. С.4) и многие другие известные поэты, прозаики, литературоведы и критики. Так, обращаясь не раз к кугультиновской поэзии в течение долгого времени, на протяжении 60-7—х годов XX века, Кулиев видел в его искусстве, по утверждению Т.Е.Эфендиевой, художественное воплощение извечных законов

творчества и, анализируя его стихи, не раз прибегал к высказываниям Пушкина и Баратынского. У Кулиева есть статья о нем «Глубокая и мудрая поэзия» (1966), в которой он показал, на каком прочном фундаменте выросла и расцвела поэзия Кугультинова: «Слово поэта Кугультинова обращено к добру. Оно страстно служит счастью людей, процветанию своей Родины. В этом его сила, мудрость и значительность. Его слово рождено идейной убежденностью. Давид Кугультинов, как всякий настоящий художник, идет с теми, кто трудиться и созидает; их судьба – его судьба, он во всем хочет быть с ними до конца дней жизни» (Литературная газета, 1966, 15 апреля). К. Кулиев написал и стихи, обращенные к своему другу. Одним из таких стихотворений является «Давиду Кугультинову» (1971), в котором он выразил свои чувства к нему.

Литература

Кугультинов Д. Собр. соч.: В 3-х т. Т.1. – Норильск, 2002.

Эфендиева Т.Е., Эфендиев С.И., Эфендиев Ф.С. Кайсын Шуваевич Кулиев // Литературно-критические статьи о творчестве поэта. Т. 5. – Нальчик, 2002.

• • •

Е.Э. Хабунова,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

НАРОДНАЯ МУДРОСТЬ КОРОТКИХ СТИХОВ “AHR SHU’LGU’D” Д. КУГУЛЬТИНОВА

Двустистишья и четверостишишья, названные самим поэтом “ahr shu’lgu’d”, составляют 67 образцов умозаключений автора о жизни, о человеческих взаимоотношениях, о морально-этических ценностях, т.е. о том, что было важным во все времена. “Ahr shu’lgu’d” Д. Кугультинова написаны в стиле народных изречений, в них узнаваемы и древние пословицы – u’lgu’r, и мудрые наставления – surgal, и тайные речи – tejg u’g. «У его поэзии глубокие корни, она выросла на поле народной мудрости, на том червонном золоте народного опыта, который так тщательно подбирает и сохраняет история», – отмечает поэт М.Дудин [Дудин, 1986, с. 6].

Лаконичность поэтических миниатюр никак не сужает рамки суждений автора. Мысли поэта, обрамленные в короткие строчки, поражают масштабами мировосприятия и глубиной чувств, свидетельствуют о многогранности творческого дарования и философском восприятии Д. Кугультиновым окружающей действительности. Для понимания сути “ahr shu’lgu’d” важно рассмотреть их через призму размышлений поэта, основанных на вековых традициях предков, на морально-этических законах народа. Так, пренебрежение

к родному языку поэтом сравнивается с отречением от своей матери “evrann’ kela’n qolsn-eka’n qolsnla a’dl” [здесь и далее: Кугультинов, 1982, с. 217-221]; правда представляется грозным судьей, который выносит свой приговор даже усопшему; вечность ассоциируется не с человеком, а с его делом, именем “ku’n mo’nk bish – kerg mo’nk”; бесцельная жизнь представляется телегой без лошади “ku’cl uga jirql – ku’lg uga tergn met”; признание [в обществе], приобретенное хитростью и уловками, уподобляется кизяку, прикрытому шелком “aalyar olsn nem – arqs bu’rksn torqn”;

В орбите наблюдений и поэтических обобщений поэта – природа, люди, события, впечатления, разочарования, поэтому его *наставления* очень убедительны. В своих поэтических резюме поэт призывает держаться подальше от людей, готовых языком лизнуть лицо, а ногой наступить на сердце “kela’rn chira’ dolaj, ko’la’rn szu’rk ishkdga’s toom meta’s szul”; напоминает, что мудрость и глубокие познания исходят от народа, а золотой слиток может находиться в песке “ke shuhmr altn – elsna’s gidg, ku’nka’n gu’n uhan – olnas gidg”народа]; отмечает, что достоинство ножа – в его лезвии, а преимущества остроумия – в деле; изрекает, что истину мудрого подтвердит время, а изобилие урожая покажет осень “urqzin saa’g – namr u’su’ldmn, uhatan u’nnig – zag u’szu’ldmn”; советует принимать одно решение, выслушав мнение многих “oln kuu’na’ selvga’s onzlj negin’ songs”;

Поэт вмещает в сжатые формы “ahr shu’lgu’d” свой пристальный взгляд и напряженный слух, обращенный к современникам, оценку поступков и событий разных временных пластов: “biyasn du’ tolqachig bosad: ezkl – giv” (начальника, младшего по возрасту, вскочив, назвал: Отец!); “Arkadij Raikin szen deer agchmd chira’qa’n sol’na...a’mtn szaagt tiim erdmtna’n’ artistnr qanzn boltha!”(Аркадий Райкин на сцене ревоплощается в одно мгновение... Пусть все, кто владеет этим искусством, будут только артистами); “Demokrit, Platona nera’r deegu’rj bicha’ karagl. Filosofiy – biya’n keeru’lh huvzn bishig med!” (Не возгордись тем, что знаешь имена Демокрита и Платона. Философия – не одежда, которой себя наряжают).

Народная мудрость, соотнесенная с личной позицией поэта, ответственность и высшая степень конкретности, заключающиеся в стихах, написанных в 60-70 годы, делает их актуальными и сегодня: “to’rskn! – gij hurg bolqnd haa’krsna’s teegt neg bura suulqsn olszta”(лучше посадить в степи одну веточку, чем восклицать «Родина!» на каждом собрании); “itkl ugaqar – in’g uga” (без доверия – нет дружбы); “szaran hathanchg – szarag hathhsh” (иголки ежа не колют самого ежа).

Поэтическая сюита, составленная из “ahr shu’lgu’d”, проста по замыслу, благозвучна и легка в восприятии, полезна и мудра своей истиной. Изучение двустиший и четверостиший Д.Кугультинова важно для дальнейшего развития данного жанра в современном калмыцком литературном творчестве.

Р.М. Ханинова,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

КРАСНЫЙ ТЮЛЬПАН КАК МЕТАФОРА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В СТИХАХ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА И МИХАИЛА ХОНИНОВА

Бесспорно, что «в процессе переводческой межкультурной коммуникации оригинальный и переводной тексты занимают разные позиции и имеют неодинаковый статус» [Смирнов, 2002, с.380]. Переводной текст, хотя и является автономным художественным произведением, то есть имеет сам по себе художественную ценность, все же характеризуется, по Л.Н. Смирнову, определенной зависимостью от исходного, опорного текста и, следовательно, от другой культуры [Смирнов, 2002, с.380]. В то же время можно согласиться с П. Антокольским, что *«поэт-переводчик обязан быть истолкователем избранного им поэта и неизбежно становится таким истолкователем. <...> Каждый поэт переводит своего Шекспира»* (курсив наш, кроме оговоренных случаев. – Р.Х.) [Антокольский, 1999, с.33].

Не задаваясь собственно проблемой эквивалентности оригинала и перевода, остановимся на культурологической составляющей принимающего текста в связи с темой жизни и смерти на примере *флористической метафоры «красный тюльпан»*, взяв за основу переводы стихотворений Д. Кугультинова (*«Как ты прекрасна, степь моя, в апреле...»*) и М. Ханинова (*«Стану красным тюльпаном»*).

В универсальном смысле цветы «символизируют *жизненную силу и радость жизни, конец зимы и победу над смертью»* [Энциклопедический словарь, 2003, с.954]. Нет, пожалуй, ни одного из калмыцких поэтов, не уделивших свое внимание такой эмблеме родной степи.

Именно в этом плане представил Д. Кугультинов (1922–2006) визитную картину весенней природы в переводе Ю. Нейман: */Как ты прекрасна, степь моя, в апреле!/Хрустально-звонкий воздух, и простор, /И колокольчик – жаворонка трели!../Ты – музыка, чьи звуки с давних пор/Какой-то гений, в неизвестность канув, /Переложил на живопись тюльпанов... /Как счастлив я, что голос твой пойму!/Что человек я, и душе все чаще/Доступна радость красоты щемящей.../Иль человек я только потому, /Что внемлет скрытой музыке душа?../О, жизнь, как ты щедра!.. Как хороша!.. [4, I, с.198]*

Синестезия метафоры степи – *цветомызыка простора и воздуха* – аккумулирует ключевой символ флоры: *разноцветная палитра тюльпанов*.

В сохранившейся лирике ацтеков цветы символизируют и радость жизни, и бренность бытия: «Как цветок в летнее время – так веет свежестью и расцветает наше сердце. Тело наше, словно цветок, оно расцветает и быстро вянет... проходит постоянно и расцветает всегда снова, ваш цветок, который приводит в трепет и опадает и превращается в пыль...» (цит. по: [Энциклопедический словарь, 2003, с. 955–956]). Если для линии судьбы важна *не длина, а прямизна или изгибы* [Арутюнова, 1994, с.314], можно аналог судьбы лирического героя увидеть в *прямыне стебля* степного цветка. В отличие от Н.Д. Арутюновой, противопоставлявшей «текст судьбы» как мерное течение событий в русле, не знающем поворотов, и как его изломы, в нашем контексте метафоры *прямына стебля* тюльпана ассоциируется с характером степняка-кочевника.

По Бердяеву, «универсальность отдельного человека мы постигаем не через отвлечение общих нам человеческих свойств, а через погружение в его единичность» [Бердяев, 1939, с.64].

Близкая русскому философу мысль воплощена в стихотворении М. Хонинова (1919–1981) «*Стану красным тюльпаном*» (пер. Р. Ханиновой). /Когда уйду, закончив жизни срок, /вы, дети, знайте: я не одинок./Я не в земле останусь почивать –/весной тюльпаном к солнцу мне вставать./Когда уйду – наступит этот миг, –/вы, дети, знайте: я свое постиг./Скажите внукам, правнукам моим:/я здесь, в тюльпане красном – вместе с ним./Когда уйду – но не от вас, не от степей, –/ вы, дети, знайте: жаворонка трель/под синим небом пусть мне и близка, /смеяться буду я тюльпаном докрасна./Когда уйду – я не забуду вас – проснусь:/я в ваши руки упаду, к вам прикоснусь./Вы, дети, знайте: я весной вас буду ждать, /глазами красного тюльпана наблюдать, /как вы придете. Всех зовите вы с собой –/детей, друзей своих и встречных: пусть любой/в тюльпане встретит красную любовь./

Это стихотворение М. Хонинова переведено в разное время С. Липкиным, В. Сорокиным, К. Коупландом. Сюжетная линия хониновского произведения вбирает в себя элементы жанров «завещания» и «поучения». Это и прямое обращение к детям (лейтмотив), это и разъяснение собственной «жизни после смерти», это и убеждение в неразрывной связи между ноуменом и феноменом, между бытием и небытием, между поколениями. Восточная доминанта текста проявилась в идее нерасчленимости, недвойственности, поскольку мир изначально един и совершенен.

Если в стихах Б. Дорджиева («Тюльпан», пер. М. Ватагина) и Б. Сангаджиевой («Тюльпаны», пер. Н. Матвеевой) мотив розового цветения тюльпана /человека сопряжен с предельной концентрацией жизненных сил, то у М. Хонинова доминирует мотив цикличности, Вечного Возвращения, на глубинном уровне обращенный к теме родной земли, корневой основы, рода.

«Жить укорененным, жить без корней – вот, несомненно, наскоро создаваемые и всегда понятные образы, – считал Гастон Башляр. – Но они достаточно бедны, если писатель не вносит в них активного динамизма» [Башляр, 2001, с.293]. Архетип корня создает множество метафор. «Если рассмотреть корень как *динамический образ*, то окажется, что он в равной степени наделен самыми несходными силами, – размышлял французский философ. – Это одновременно и сила опоры, и пробуравливающая сила. В пределах двух миров – воздушного и земного – образ корня парадоксально одушевляется в двух направлениях, в зависимости от того, грезим ли мы о корне, возносящем к небу соки земли, или же о корне, работающем в царстве мертвых, для мертвых. Например, хотя крайне заурядным считаются грезы о корне, окрашивающем распустившийся цветок, все же можно найти редкостные и прекрасные образы, придающие созерцаемому цветку своего рода силу укоренения» (курсив автора) [Башляр, 2001, с.268]. Архетип корня в стихотворении калмыцкого поэта наделен *волей любить вопреки смерти*.

В стихотворении Д. Кугультинова *«Я смерти не боюсь...»* (пер. Ю. Нейман) лирический герой уверен в том, что он раздвинет как-нибудь могильную гряду и *деревом взойдет шль птицей обернется, чтоб вновь увидеть мир и вновь / ему дивитьсяся* [Кугультинов, 1988, с.286]. *Ему неважна новая оболочка*, поскольку он страшится лишь одного: если судьба столкнет с другом, сможет ли он его позвать, оповестить, утратив дивный дар – *людское слово* [Кугультинов, 1988, с.286].

У М. Хонинова такой боязни нет, потому что флористическая оболочка лирического героя – осознанное желание и знание. Он не хочет стать жаворонком: жаворонки оторван от земли, он – в небе, корни же тюльпана – в родной степи. Он будет падать в руки детей и внуков цветком, прикасаться к ним (ласкать), любоваться близкими людьми глазами красного тюльпана (здесь поэт обыгрывает черный цвет внутренней чаши бутона – черные глаза), он призывает встретить его в степи с друзьями и знакомыми-незнакомыми, так как *способен одарить всех красной* (живой, горячей, кроветворной) *любовью*. Отсюда не просто подмена (цветок вместо человека), а соединение (цветок и человек), поэтому цветок антропоморфен.

Следовательно, метафористика корня здесь активно динамична (напомним, что тюльпан – *многолетнее* растение из рода луковичных): цветок растет, тянется, прикасается, глядит, ласкает, смеется, краснеет, то есть разговаривает языком роста, жеста, взгляда, цвета. Необходимо добавить, что красный цвет головки тюльпана апеллирует и к самоназванию калмыков («улан залата хальмг»), к их головному убору – шапке с красной кисточкой, маркирующей солнечный свет (перс. тюльпан – «торбан»); см. такую метафору памяти в поэме М. Хонинова *«Сказание о калмычке»* (пер. Р. Ханиновой), в стихотворении «Вечный огонь» (пер. Н. Поливина). Недаром цветок из-за сво-

ей звездообразной формы, создаваемой лепестками структуры, символизирует Солнце, земной круг или центр [Энциклопедический словарь, 2003, с.953].

В стихотворениях Д. Кугультинова («Я смерти не боюсь...») и М. Хонинова («Стану красным тюльпаном») эксплицитна идея реинкарнации, когда каждый буддист стремится достичь состояния просветления, нирваны, стать бодхисаттвой или буддой. Благоприятным при этом, как указывает Н.И. Никулин, считается родиться не животным или асуром (низвергнутым богом), а опять человеком, потому что это дает надежду на достижение нирваны. Согласно концепции кармы, совокупность хороших и плохих поступков, совершенных в прошлых рожденьях, формирует участь человека в этом рождении [Никулин, 2003, с.118].

Для нас особо интересен тезис В.Й Эванса-Вэнца: «Буддисты, равно как и индуисты, веруют, что *последняя мысль в момент смерти определяет характер следующего рождения...*» (цит. по: [Никулин, 2003, с.118]). В контексте «культурного бессознательного» (К.Г. Юнг) можно говорить о том, что желание поэта воплотиться через дерево, птицу или цветок резонирует с названным постулатом буддийского вероучения. Возможно, этим обусловлено использование в стихотворении М. Хонинова название цветка в синтезирующем образовании: *теегин улан бадм цецг*, букв. *стенной красный лотос (лотос – священный цветок в буддизме, имеющий бело-розовый окрас)*. По-калмыцки *тюльпан*, как известно, *бамб цецг*, в таком употреблении он многократен в поэзии Хонинова («Тюльпаны» и др.).

Думается, также символична нежность и гибкость цветка. По мысли китайского философа Лао-цзы: «Слабость велика, сила ничтожна. *Когда человек рождается, он слаб и гибок; когда он умирает, он крепок и черств.* Когда дерево произрастает, оно гибко и нежно, и когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила – спутники смерти. *Гибкость и слабость выражают свежесть бытия.* Поэтому, что отвердело, то не победит» (цит. по: [Черкасский, 2004, с.244]). Следовательно, «слабость – в окостенении, в отсутствии движения. Сила – в незавершенности, в постоянном движении, в вечном обновлении...» [Черкасский, 2004, с.244].

Национальная константа философского осмысления взаимосвязи микро- и макрокосма позволяет увидеть в стихах Давида Кугультинова и Михаила Хонинова как универсальное, так и своеобразное в диалоге культур, когда метафора «красный тюльпан» в аспекте жизни и смерти создает щедрое ассоциативное поле рецепции для переводчика и читателя.

Литература

- Антокольский П. Артюр Рембо // Рембо А. Избранное. – М., 1999.
Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М., 1994.

Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. – Париж, 1939.

Башляр Г. Земля и грезы о покое. – М., 2001.

Кугультинов Д. Собр. соч.: В 3 т. / Пер. с калм. – М., 1988.

Никулин Н.И. «Бардо тодоль» как памятник буддийской литературы // Буддизм и литература. – М., 2003.

Смирнов Л.Н. Отражение взаимодействия культур в художественном переводе // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). – М., 2002.

Черкасский В.Б. Образ Востока в творческом сознании Блока. К проблеме блоковской концепции мировой истории культуры // Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. – М., 2004.

Энциклопедический словарь символов. – М., 2003.

М.М. Хатагова,

Кабардино-Балкарский госуниверситет, г. Нальчик

ЖАНРОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ТВОРЧЕСТВА ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА И АЛИМА КЕШОКОВА

Д. Кугультинов (1922- 2006) и А. Кешоков (1914-2001) перешагнули рубеж XXI века, но их творчество формировалось и функционировало в двадцатом столетии. Оно органично впитало в себя проблемно-тематические и жанрово-стилевые национальные особенности и соответствовало общероссийскому литературному процессу. С их именами связано развитие национальной поэзии и художественной прозы. Мир этих двух самобытных художников слова – это неисчерпаемый мир передовых идей, поскольку они жили идеями своего века и отмечали те изменения, которые происходили в материальном, вещном мире, отражая художественное сознание своей эпохи.

Д. Кугультинов и А. Кешоков почти одновременно стали народными поэтами в своих республиках и лауреатами Госпремии РСФСР. Кугультинов – за поэтическую книгу «Я твой ровесник» в 1967 году, а Кешоков получил это почетное звание через два года, то есть в 1969 году. Оба до начала Великой Отечественной войны стали членами Союза писателей СССР: Кешоков в 1939 году, а Кугультинов в 1940 году, когда вышла его первая книга «Стихи юности». Они служили в Советской Армии и были кадровыми офицерами в годы войны. Их поэтическое творчество стало развиваться в основном в 50-60-е годы XX века.

Изучение основных тенденций эволюции и функционирования их творческого наследия невозможно вне анализа жанрового многообразия форм творчества и понимания фундаментальных закономерностей процессов изме-

нения национального сознания, специфического национального мышления. Оно возможно в результате осмысления основных черт их индивидуального стиля как фактора, детерминированного особенностями региональной культуры калмыцкого и кабардинского народов. Изучая литературное наследие Д. Кугультинова и А. Кешокова мы, разумеется, связывали его с основными закономерностями национального литературного развития всей страны, но отмечали, выявляли глубоко национальные образы, созданные поэтическим воображением этих двух неповторимых поэтов. У А. Кешокова – это летящий всадник (стихотворение «На мчащемся коне», 1941), как символ стремления вперед, к лучшему, прогрессу; у Д. Кугультинова – Человек и его Слово. Для него эти категории не риторические, «...это, – как пишет Д. Дорджиева [2002, с.23], – ...то, что испытано им лично. Не потому ли проблема личности и общества стала одной из самых najważнейших в творчестве поэта. Ведь по сути и лирические циклы, и эпические произведения Д. Кугультинова об этом».

Национальное литературоведение уделяет достаточно внимания этим двум самобытным художникам слова. Так, о лирике А. Кешокова более тридцати лет тому назад была написана монография М. Сокуровым «Лирика Алима Кешокова» (Нальчик, 1969) и защищены диссертации «Национальные истоки и художественное своеобразие лирики А.Кешокова (1930-1970)» Л.Х.Хежевой в Нальчике в 2005 г.; «Художественная концепция человека и истории в прозе А.Кешокова» А.Р.Боровой в 1994; «Художественное мировидение адыгов и его роль в формировании творческой индивидуальности А.Кешокова» З.Х. Баковой в 1994 г.

Творческое наследие Д. Кугультинова в калмыцком литературоведении отражено глубоко и всесторонне. Наука о Кугультинове на родном, русском и других языках за многие годы накопила большой фактический материал, который нашел отражение в библиографическом указателе «Давид Кугультинов», изданном в г. Элиста в 2002 г.

Жанровое многообразие форм творчества Д. Кугультинова и А. Кешокова поражает любого исследователя, кто прикасается к их литературно-критическому наследию. Так, у Д. Кугультинова есть жанр лирического стихотворения, послания, посвящения, поэмы-сказки и поэм, написанных на реалистической основе («Сар-Герел», «Равные солнцу», «Золотое сердце», «Повелитель Время» « Бунт разума») и поэмы-миниатюры («Явление слова»); многочисленная публицистика и статьи.

А.Кешоков известен как поэт и прозаик. Им издано 9 романов, ставших этапными вехами не только кабардинской, но и северокавказской прозы в целом. Значителен его вклад и в развитие кабардинской драматургии, публицистики, литературно-художественной критики. Кешоков – автор многочисленных поэтических сборников, нескольких пьес, киносценария, романов, автобиографической повести, рассказов и новел. М. Шакова [2003].пишет:

«Поэзия, проза, драматургия Кешокова стали достоянием многих стран и народов. Его произведения переведены на английский, арабский, испанский, немецкий, русский, словацкий, финский и другие языки»

Литература

Д. Кугультинов. Библиографический указатель. – Элиста, 2002.

Писатели Кабардино-Балкарии. Библиографический словарь. – Нальчик, 2003

Г.Ш. Хулхачиева,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

МУЗЫКАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАРОДА В ПОЭЗИИ Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА

Музыкальные традиции любого народа как национально-этнические ценности в контексте мировой культуры предстают в качестве ценностей общечеловеческих, они становятся явлением глобального социального значения в масштабе нации и человечества. Этим объясняется актуальность возросшего на сегодняшний день научного интереса к фундаментальным трудам, к поэзии Д.Н. Кугультинова.

Сегодня нельзя представить себе целостного образования и воспитания молодежи Калмыкии без выработки глубокого понимания значимости творчества Д.Н. Кугультинова в духовных ценностях народа, роли и места его поэзии в обществе, бережного отношения к национальным художественным ценностям и традициям; без стремления познать историко-культурное богатство всего человечества.

В поэзии Д.Н. Кугультинова музыка является самым чудодейственным и тонким средством привлечения к добру, красоте и человечности. Создавая в своих стихах звучащее пространство, которое невозможно объять взглядом или можно лишь в мечтах и фантазиях придать музыкальному образу определенные формы, поэт возвышается над миром нерукотворной природы. /Гармонию мелодий без звучаний, / Неведомых стихов приветный шум/Я в тихий край страны своих мечтаний, /Как дар от вас, с собою приношу./И тихий край, увенчанный цветами, /Который раньше грустно сиротел, /В лучистых звуках, полных только вами, /Во мне, ликуя, радостно запел./

В поэзии Д. Кугультинова глубокие корни, которые выросли на поле народной неиссякаемой мудрости, народного опыта воспитания, которые очень тщательно отбирает и хранит история. Героический эпос «Джангар», сказки

и легенды для поэта были открыты с детства во всей своей прелести. Он постигал их сущность вместе с постижением мира, которые оставались жить в его творческой душе.

Сказки Д.Н. Кугультинова народны, они отмечены любовью, талантом и характером самого поэта. Они красочны, добры, общительны, как сама душа народа. Д.Н. Кугультинов ничего не заимствует и никого не повторяет – ни краски его, ни поступь темпераментной мысли, ни мелодизм его языка не бывают вторичными

Для Д.Н. Кугультинова поводом для написания стихов мог служить и конкретный факт, отражающийся в поэтическом образе, и то ощущение, которое передается ритмом. Он написал одно из своих лучших стихотворений «Хадрис». Хадрис – это восклицание во время пляски, которое выкрикивают, дружно хлопая в ладоши, и зритель, и сам танцор. В конце стихотворения поэт дает изображение танцующего: /А ну быстрее, еще быстрее! Хадрис!/ Кружись, беги, лети, сверкай очами, /На корточки присядь, и пробегись, /И поиграй плечами, /Из крепкой кожи сапоги разбей/ И новые купи себе скорей! /

Поэма «Бунт разума» – первое лирико-эпическое произведение Д.Н. Кугультинова, непосредственно обращенное к современности. В центре поэмы американец Адам Крейзи. Под скорбные звуки «Реквиема» В. Моцарта перед мысленным взором Крейзи проходит вся его жизнь. Он пытается понять причину своего несчастья: «Где он запрятан – черный корень зла?». Потрясенный обрушившимся на него беспощадным прозрением, Адам Крейзи лишился рассудка. Герой «Бунта разума» – человек другой страны. И тем не менее национальный колорит поэмы ощущается в отборе образительных и музыкальных средств, в непосредственном обращении к устному творчеству калмыков. Поэма «Бунт разума» отмечена печатью высокого мастерства. Широта поэтического мышления, гуманистический пафос, эмоциональный накал и тонкий психологизм поэмы обусловили ей заслуженный успех.

♦ ♦ ♦

*Н.Н. Шаранова,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

ПРИМЕНЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ РУССКОЙ И КАЛМЫЦКОЙ ЛИТЕРАТУР В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА В ШКОЛЕ

Литература как учебный предмет это система знаний, умений и навыков, необходимых растущему человеку для полноценного восприятия словесного искусства, развития художественной культуры речи, творческих способностей.

В каждом литературном произведении отражается личность его творца-писателя, выражается авторская позиция. Без усвоения ее школьниками, нельзя привести их к объективному пониманию художественного текста.

Услышать голос писателя, увидеть своеобразие его личности, характера и судьбы, объяснить эстетически и исторически взгляды художника и помогает в изучение творческого пути писателя. При изучении творчества и творческого пути Д.Н. Кугультинова в школе учащимся необходимо показать, как меняется отношение писателя к себе, к жизни, искусству, что для него при этих изменениях остается непреходящим.

Как сказал Ч. Айтматов: «Самые сильные, яркие стороны Кугультиновской поэзии – размышления, раздумья, внутренние переживания, насыщенные тревогами, переходящими в надежды, надеждами, переходящими в сомнения, радостью, горечью, мудростью человека наших дней...»

А вот как говорит о Д.Н. Кугультинове профессор В.Д. Пюрвеев: «В истории калмыцкой поэзии еще не один поэт не показал так ярко духовной сущности в человеке, как Давид Кугультинов. Раздвинув границы духовного мира нации, он заслужил право быть в ряду тех, чье поэтическое наследие принадлежит не только калмыцкому народу, но и всему человечеству».

Произведения Д.Н. Кугультинова изучаются в средней школе согласно действующей программе по калмыцкой литературе, начиная с 5-го класса по 11 класс. С 5-7-х классов изучается лирическая поэзия поэта. В 8-11-х классах изучают поэмы «Сар-Герел», «Бунт разума», «Маобитский узник», стихи написанные в разные периоды жизни.

При изучении творчества Д.Н. Кугультинова можно использовать следующую схему взаимосвязи:

Д. Кугультинов «Гоголь в парке Саки»	Н. Гоголь
Д. Кугультинов «Я знаю вечного на свете нет»	А. Ахматова
Д. Кугультинов «Надпись на памятнике Пушкину в г. Элисте», «Читая Пушкина», «Чудо Пушкина», «О, Пушкин, над его строкою»	А. Пушкин

Как показывает опыт работы в школе, применение взаимосвязей русской и калмыцкой литературы в процессе изучения произведений учащимися положительно сказывается в восприятии общечеловеческих ценностей, в овладении системой литературного образования.

Процесс сближения литератур народов России на современном этапе осуществляется не только на уровне взаимопроникновения идей, тем и проблематики, отражающие общие для всех народов нашей страны закономерности

самой действительности, но и на уровне взаимообогащения в области национальных форм художественного творчества.

Нельзя забывать, что само литературное произведение – это богатейший источник культуроведческой информации, т.е. знаний по самым разным аспектам национальной культуры, как духовной, так и материальной. Изучение практически любого литературного произведения позволяет познакомить учащихся с огромным культуроведческим материалом, с фактами материальной и духовной культуры как родного народа, так и других народов, с их историей, представлениями, философией, моралью и т.д.

Анализ литературоведческих исследований дал возможность наметить следующие пути раскрытия взаимосвязи русской и калмыцкой литературы: сообщение о переводах произведений русских писателей на калмыцкий; сопоставление жизненного и творческого пути русского и калмыцкого писателя, ознакомление с высказываниями видных калмыцких писателей и критиков о русском писателе; раскрытие влияния творчества русского писателя на калмыцкую литературу; показ отношения калмыцкого народа к произведениям русского писателя; обращение к произведениям калмыцкой литературы в которых содержатся отзывы о русских писателях. Основными методами и приемами при изучении русской литературы во взаимосвязи с калмыцкой могут быть лекции учителя, доклады и краткие сообщения учащихся. Работу при этом можно проводить и в классе и дома, в устной и письменной форме, самостоятельно и с помощью учителя.

К сопоставлениям с родной литературой учитель обращается на следующих этапах работы над произведением: а) во вступительной беседе при характеристике эпохи или творческой истории произведения; б) при работе над содержанием; в) при анализе произведения, когда можно указать на его идейно-тематическое созвучие о произведениями калмыцкой литературы, на сходство образов; г) на заключительных уроках по изучению произведения, когда выясняется его значение в развитии калмыцкой литературы, в идейном и эстетическом воспитании калмыцкого читателя.

*А.А. Бурыкин,
Ин-т лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург*

**КАРТИНА МИРА, ОНОМАСТИКА И КОГНИТИВНАЯ
ЛИНГВИСТИКА: ВПИСЫВАЕТСЯ ЛИ ОНОМАСТИКА
В ОСНОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ?**

Исследования языковой картины мира представляют собой популярное и активно развивающееся направление в лексикологии, этнолингвистике, когнитивной лингвистике. Одним из объектов исследований в этой области является и ономастика.

Казалось бы, имена собственные органически укладываются в языковую картину мира, и калмыцкий язык немыслим без собственного антропонимикона, топонимического ландшафта Калмыкии и сопредельных территорий, где некогда жили калмыки имен героев и эпической топонимики песен национального эпоса «Джангар». Однако в составе личных имен калмыков многие популярные имена, от которых образуются и фамилии, имеют тибетское происхождение, как русские имена – древнееврейское, греческое, латинское: (славянские имена составляют в русском антропонимиконе по употребительности явное меньшинство). Топонимика Калмыкии имеет смешанный характер, и это является универсальной закономерностью в любом полиэтническом регионе первоначально иноязычные названия сохраняются в зоне контактов как явление «ономастического билингвизма», а названия позднейших периодов так или иначе отражают региональное двуязычие. Таким образом, ономастика повсеместно, в любом языке как бы выбивается из однородной языковой картины мира.

Особую проблему составляет применение в ономастике методов и аппарата когнитивной лингвистики. Трудности здесь имеются и в традиционной ономастике, где обсуждается вопрос о многозначности имени собственного. Армянское личное мужское имя *Хачик* почему-то в русском языке стало использоваться для просторечного наименования всех выходцев с Кавказа – как свести эти значения? *Джангар* – это имя правителя эпической страны Бумбы, и название эпоса, и имя полиграфического предприятия; недавно именами эпических богатырей стали именоваться спиртные напитки. Москва – это и название столицы России, и название футбольного клуба, ранее называвше-

гося «Торпедо-Зил» и «Торпедо-металлург», и название механической пишущей машинки, широкоплечного фотоаппарата и т.п. Отметим три разных значения онима Москва в песне Юрия Визбора: *«Москва-12» – он не ледокол, Да и Москва-речушка – не Нева, И мне с тобой так просто и легко, Как будто здесь уже и не Москва»*. Если в когнитивной лингвистике лексическая единица в плане содержания соответствует концепту и разные значения слова могут быть представлены в виде концепта, то разные значения (разные применения) некоторых классов онимов принципиально не поддаются объединению. Можно, конечно, пытаться найти общие смысловые элементы имен Николай, Сергей, Бадма или Доржи (это имена мужчин, для русского языка в полной форме – имена взрослых: в русском обыденном сознании принято искать общие черты характера у носителей одинаковых имен), однако неясно, могут ли быть объединены в один концепт формы Николай (официальное имя) и Никола (народное имя святого), Евдокия (женское имя) и Дунька (простонародная форма, стоящая на грани перехода в имя нарицательное). В принципе в когнитивной лингвистике вообще снимается проблема сложных случаев разграничения полисемии и омонимии (интерпретатор-когнитолог оперирует показаниями конкретного словаря), для ономастики трудности полисемии и омонимии имен собственных просто неразрешимы. В Арктике три (!) географических объекта имеют наименования Петра Шмидта, и они получили наименования в честь *трех разных людей* (!), имевших имя Петр и фамилию Шмидт. Поиски концептов для таких онимов, по-видимому, бесперспективны.

Сравнивая имена собственные и нарицательные, современный исследователь убеждается в том, что эти два класса слов имеют больше сходств, нежели различий: эти классы слов различаются в основном взаимным соотношением реальных и потенциальных языковых признаков и свойств. Возможно, что связи между означающим и означаемым у онимов имеют разную направленность: у имен нарицательных это направленность от объекта к слову, обеспечивающая синонимию и изменяемость значений слов и способов номинации предметов, в онимах – направленность от имени к объекту, обеспечивающая неограниченную применимость онима по отношению к множеству объектов. Введение концепта «ИМЯ» как инварианта онимов приводит к любопытному выводу: содержанием данного концепта является даже не весь словарь-лексикон языка (что было бы еще понятно), но вся мыслимая совокупность высказываний на данном языке. В качестве иллюстраций этого можно привести названия литературных произведений или живописных полотен; так одна из картин исторического содержания в Государственном Русском музее имеет название из 38 слов. При обсуждении явлений, затронутых выше, складывается впечатление, что свойства онимов как особого лексического клас-

са по существу подрывают основания когнитивной лингвистики – по крайней мере в той ее сфере, где она оперирует близкими к языкознанию понятиями и в минимальной степени обращается к внеязыковой реальности и связанному с ней знанию.

*П.П. Дашинамаева,
Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ*

ПЕРЕВОДИМА ЛИ КУЛЬТУРА? (ИЛИ РАССУЖДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЕ ПСИХОГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ТОЛКА)

Одна из базовых категорий переводоведения – переводимости / непереводимости – конституирующаяся на оппозиции возможность VS невозможность передать «скрытые» для неносителя языка оригинала национальные смыслы на языке перевода, является исследовательской проблемой уже два столетия. Еще Гете сказал, что только добравшись до непереводимого, можно познать чужой народ и язык.

Культурно обусловленные трудности перевода вызываются различиями двух языковых сообществ во взгляде на мир, где переводчик берет на себя роль «моста», соединяющего две культуры.

Тезис о принципиальной невозможности перевода, выраженный с научной точки зрения, связывают, прежде всего, с именем А.А.Потебни: «...если слово одного языка не покрывает слово другого, то тем не менее могут покрывать друг друга комбинации слов, картины, чувства, возбуждаемые речью; соль их исчезает при переводе; остроты непереводимы. Даже мысль, оторванная от связи с словесным выражением, не покрывает мысли подлинника» [Нелюбин, Хухуни, 2006, с.300].

С.И.Влахов и С.П.Флорин, хотя и назвали книгу «Непереводимое в переводе» (1980 г.), решают данное соотношение весьма оптимистично: «как нет непознаваемого, а есть еще непознанное, так в принципе нет непереводимого, а есть еще вопросы, которые с точки зрения переводимости пока разрешить не удалось» [Влахов, Флорин, 2006, с.9]. При этом подчеркивается мысль о том, что завтра на карте переводимости не останется белых пятен, т.к. практика показала, что «непереводимое вчера переводимо уже теперь» [Там же, с.10]. Свои убеждения они подкрепляют мнением А.В.Федорова, что «каждый высоко-развитый язык является средством достаточно могущественным для того, чтобы передать содержание, выраженное на другом языке в его единстве с формой» [Федоров, 1983, с.122].

В связи с тем, что механизм переводческого процесса сокрыт от непосредственного наблюдения, естественно то, что он находится в фокусе исследователей, работающих в области психо-, нейролингвистики (наряду с другими социальными науками и теория перевода, в первую очередь, должна представлять многоплановое междисциплинарное образование). В этом русле более аргументированной представляется интерпретативная / психотипическая концепция, изложенная Ю.А.Сорокиным, в которой сущность перевода сводится к процессу вторичного порождения текста. Все случаи различий культурального плана автор интерпретирует как лакуны, которые идентифицируются признаками «непонятно», «непривычно», «незнакомо», «неточно». В качестве примера приводится случай «тотальной лакунизированности» русского языка (и культуры?) в отношении русского языка (и культуры?) и наоборот [Сорокин, 2003, с.41-42]. Китайской системе языка свойственен горизонтальный способ членения действительности (выделяется не объект в целом, а некое свойство в группе однородных объектов и познание объекта идет индуктивным путем – от частного к целому), русская же система членит вертикально (вычленяется из континуума объект как целостная единица и его познание происходит дедуктивно).

Сегодня проводится много исследований, особенно за рубежом, выявляющих, какие языковые единицы/реалии являются самыми непереводаемыми в той или иной культуре. Приведем несколько примеров.

В бурятском языке слова-концепты *даруу, угай сүлдэ, тоонто* сигнифицируют целую систему историко-культурных представлений, поэтому их переводы на русский язык как *сдержанный, зов предков, родина* прозвучат для носителя культуры подобно тому, как вместо цветущего дерева показывают мертвое – сухое, с вырванными корнями. В результате многовекового функционирования слов,мыслеобраз, сопровождающий их, тяжелеет, обрастая энергетическим подтекстом, тогда как у переводных коррелятов – своя история и своя сигнификативная динамика.

Рассмотрим другие случаи. В латинском языке в силу историко-культурных ассоциаций таковыми являются слова *pietas, auctoritas, dignitas* и *luxuria* (соответственно на английском *piety, authority, dignity* и *luxury*).

На первый взгляд кажущиеся недвусмысленными простые выражения английского языка *go for a pint, the local comprehensive, typical Guardian reader* теряют в переводе все коннотации английского духа, воздуха Туманного Альбиона, пропитанного той самой «английскостью»: *зайти, чтобы выпить пива, местная школа, типичный читатель газеты «Гардиан»*.

Русские слова-концепты-эпохи *перестройка, гласность* оправданно вошли в другие языки ввиду своей непереводаемости как заимствования, но слова *самиздат, елки-палки* переведены с некоторыми смысловыми потерями: *underground dissident writing; expression of surprise, dismay or pleasure*. В ко-

рейском языке *nunchi* означает нечто, подобное шестому чувству удивительного понимания человека, с которым общаешься, и, видимо, надо быть только корейцем, чтобы ощутить данное чувство, и, соответственно, передать его на другом языке. Также обстоит дело с греческим словом *kefi*, когда ты счастлив и хочешь наслаждаться жизнью в хорошей компании за столом с хорошей едой и напитками, и при этом танцевать и от души веселиться. Интересен случай с финским языком. Так, *sisu* означает в прямом переводе *гордо отказать лечь и бить битым подобно собаке*.

Есть множество случаев, когда в тех или иных языках нет целенаправленных языковых знаков для обозначения известных – с нашей точки зрения – понятий или объектов действительности. Например, в ирландском языке нет слов «да», «нет»; в японском – слова *вода* (есть *mizu* – холодная вода, *оуи* – горячая вода).

Можно привести пример даже непереводаемого языка, а именно – австрийского диалекта немецкого языка, на котором пишет лауреат Нобелевской премии по литературе 2004 года Elfriede Jelinek. Получая премию, она сказала: *Я пишу и играю звуками языка, что вряд ли переводимо на другой язык. У каждого языка свое лицо, свои отпечатки, не похожие ни на один другой язык*.

Что делать переводчику во всех приведенных выше ситуациях? Конечно, легко порекомендовать ему:

- быть «семи пядей во лбу» и пройти полный курс аккультурации, т.е. выучить чужую культуру так, что мышление и сознание работают автохтонно с носителем культуры (язык, получается, при этом той минимальной составляющей деятельности, которой относительно легко овладеть)

- переводить, тем или иным образом эксплицируя все коннотативные национальные смыслы.

При осуществимости данной максимы не было бы и рассматриваемой проблемы. Для начала вспомним, что процесс перевода – это процесс декодирования исходного текста и последующего кодирования вторичного текста, вследствие чего образы и представления отправителя исходного текста и переводчика либо совпадают, либо частично накладываются, либо не вписываются в заложенную в голове переводчика модель мира, потому формируют искаженные образы и представления.

Как считает Ю.А.Сорокин, в художественном переводе смещение в сторону смыслоформулирования и смыслоформирования переводческой версии оригинального текста вполне естественно: происходит столкновение двух самодостаточных креативных установок, стремящихся ассимилировать друг друга и использующих различную аргументацию. Индивидуальная аранжировка межличностных отношений и ценности, реалий и событий зависит от психотипической сходимости или несходимости данных конкурирующих личностей.

Таким образом, как бы ни хотел переводчик позиционировать себя невидимым и не вовлекающим свои аксиологические ориентиры в переводческой деятельности медиатором, в реальной практике это не происходит: его психотипическая природа тому указчик и судья.

Литература

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереваемое в переводе. – М., 2006.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. – М., 2006.

Сороки нЮ. Переводоведение. Статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М., 2003.

Федоров А.В. Искусство перевода и жизнь литературы. – Л., 1983.

Т.С. Есенова,

Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста

ПОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ ПОЭТА Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА

(Исследование проведено в рамках гранта РГНФ, проект № 07-04-36402а/Ю)

При изучении концепта обращается внимание на плотность лексико-семантического поля концепта: чем большим числом средств представлен концепт, тем более важен он для носителей данной лингвокультуры. Ю.С. Степанов предлагает различать в концепте три слоя или компонента: основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него; дополнительный, или несколько дополнительных пассивных признаков, актуальных для отдельных групп носителей культуры; внутренняя форма концепта, не осознаваемая в повседневной жизни, известная лишь специалистам, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов [Степанов, 1997, с. 41-42].

Известные представители когнитивной лингвистики З.Д. Попова и И.А. Стернин, опираясь на знания о семантической структуре значения слова, предложили полевою модель концепта и разработали методику его исследования. Полевая структура концепта включает ядро и периферию. «Ядром концепта является базовый чувственный образ, выступающий как кодирующий образ универсального предметного кода. Этот образ принадлежит бытийному слою сознания. Базовый образ окружен конкретно-чувственным по своему происхождению когнитивным слоем, отражающим чувственно-воспринимаемые

свойства, признаки предмета. Этот слой вместе с базовым образом относится к бытийному слою сознания. Далее в структуре концепта (хотя и не у всех концептов) выделяются более абстрактные слои, отражающие некий этап осмысления бытийных признаков и относящиеся к рефлексивному слою сознания. И, наконец, интерпретационное поле концепта, включающее оценку содержания концепта, интерпретирующее отдельные когнитивные признаки и формирующее для национального сознания вытекающие из содержания концепта рекомендации по поведению и осмыслению действительности, может быть связано с духовным уровнем сознания, который предполагает в широком смысле оценку концепта с точки зрения его ценности для нации» [Попова, Стернин, 2007, с. 71-72].

Для изучения особенностей национальной концептосферы они предлагают применять методы и приемы установления семантемы слова, закономерностей существующих связей между ее семемами по семам; построение лексико-семантических и лексико-фразеологических полей с осмыслением их структуризации; выявление когнитивных классификаторов в тематических полях лексики; установление безэквивалентных лексем и лакун в сопоставляемых языках; изучение метафор и других образных средств в художественных текстах; изучение коммуникативного поведения людей разных социальных и национальных групп [Попова, Стернин, 2007, с. 73]. По существу, в основе разных методик исследования концептов лежат одни и те же принципы, получившие интерпретацию в терминах лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В.И.Карасик формулирует соотношение когнитивного и лингвокультурного концептов следующим образом: «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» ([Карасик, 2002, с. 139].

В настоящем сообщении рассмотрим полевую модель концепта «родина» в индивидуальной концептосфере поэта-мыслителя Д.Н. Кугультинова.

К теме «родина» поэт обращается на протяжении всего творчества. Есть несколько стихотворений, в которых слово «родина» и его производные вынесены в название стихотворений: «Родина», «Мать-Родина!..», «Зов родного края», «Приехал друг в родимые края», «Возвращение Ботяну на родную землю». Анализ произведений, включенных в юбилейное издание (Норильск, 2002), позволяет заключить, что в лексико-семантическое поле концепта «родина» входят следующие лексемы: Россия, Русь, Калмыкия, , край родной,

дом и др. Анализ частотности употребления лексем показывает, что родина ассоциируется с калмыцкой степью. Контекстуальный анализ указывает на персонафицированное осмысление автором объекта: степи родные, степь моя, наша степь, степи Калмыкии, калмыцкая степь. Словообразовательный анализ позволил выделить следующее контекстуальное употребление отыменных прилагательных: родимый дом, родная сторона, родимая земля, край родимый, родной хотон, родимые селенья, степи родные, Калмыкия родная, степи родимые. Статистический анализ употребления базовой лексемы-имени концепта «родина» показывает, что соответствующая лексема используется не так часто по сравнению с лексемами, входящими в лексико-семантическое поле анализируемого концепта. Контекстуальный анализ указывает на употребление лексемы в стихотворениях патриотического и гражданского звучания. Для военной лирики характерны следующие сочетания базовой лексемы: служить родине, отдавать жизнь за родину, защищать родину, в минуты для родины трудные, на своей родине.

Когнитивный анализ концепта «степь» позволяет выделить фреймы растительный мир, животный мир, объекты, природные явления, населенные пункты, времена года, пространство, люди, персоны. Внутри каждого фрейма выделяются субфреймы, в художественном тексте формирующие достоверность и поэтичность образа. Итак, фреймовая структура выглядит следующим образом: растительный мир (ковыль, тюльпан, колючки, арбуз и др.), животный мир (сайгак, орел, овцы, скакун и др.), объекты (колодец, бугры, канавы, балки, овраг и др.), населенные пункты (хотон, село, селенья, дом, город, Элиста), время года (весна, апрель, зима), природные явления (буря, пыль, ветер, тишь и др.), пространство (простор, дали, ширь), люди (калмыки, дед, мудрецы, мать и др.), персоны (Валя, Пишман, Городовиков, Я. Джамбинов). Отметим, что чаще всего в поэтических текстах употребляются субфреймы «растительный и животный мир», «объекты» и «природные явления», что позволяет заключить, что поэтизация родной степи, ее мира является главной задачей автора лирических произведений. Тема степи, воспевание ее своеобразной красоты является сквозной в поэзии Д.Н. Кугультинова. Значит, Кугультинов-лирик родину, родную землю отождествляет со степью, ее неповторимой природой. Степь – это символ родного края, родины, того единственного уголка большой земли, с которым у поэта ассоциируются все сокровенные мысли и судьбоносные этапы жизни: рождение, юность, любовь, слава, смерть. Обращает на себя внимание ассоциативная связь: родная степь – тоска по родимому краю, которую можно понять, учитывая обстоятельства личной жизни поэта и исторические события в судьбе калмыцкого народа, частичкой которого всегда ощущал себя поэт. Итак, ядро концепта «родина» в индивидуальном сознании поэта Д.Н. Кугультинова занимает степь.

Особое место в концепте «степь» занимает Волга. Это не случайно, т.к. калмыки называют себя волжскими калмыками. Мотив Волги часто встречается в фольклоре калмыков. В устном народном творчестве калмыков Синьцяна одним из важных тем также является тема Волги, на берегу которой остались сородичи, не потому ли, как поется в известной песне, что воды ее показались столь сладкими. Д.Н. Кугультинов, истинно народный поэт, выразитель дум народных, не обходит и эту тему: Случалось, горестный твой сын/Бродил без матери, один, /Снедала странника тоска.../Но ты, о любящая мать, /Ты – о река! – издалека/Пыталась сына поддержать, /Ты виделась ему во сне.../Склонялся он к твоей волне, /Твои пушистые пески/Смягчали остроту тоски.../И, ободренный, наяву, /Он говорил себе:«Живу./И рано ль, поздно, но живой/Увижу край родимый свой...»/Берега Волги олицетворяют собой родную землю, о которой тосковали калмыки, находясь в изгнании.

Анализ реализации концепта «родина» в поэтических текстах Д.Н. Кугультинова позволяет говорить об антропоцентричности образной составляющей концепта. Концепт «родина» и реализующие его фреймы: Россия, Калмыкия, родная степь – отождествляются с женщиной, матерью, наделяются человеческими чувствами. Она может жалеть, защитить, приласкать: /Мать-Родина!/Как матери пристало, /Средь всех твоих любимых сыновей/Найди несчастного. И обогрей/Того, кого судьба не баловала./Прости бедняге грех его невольный, /Будь с ним по-матерински сердобольной, /В душе его надежды оживи.../Да расцветет в ней вновь цветок любви!/
Она дает жизнь, принимает человека в свое лоно после окончания земного пути: В тот день, когда я не увижу дня, /Я верю, сокрушаясь и стеная, /По-матерински примешь ты меня, /Вберешь мой прах, Калмыкия родная!/Явился я безгрешным в твой предел./Безгрешным – с небом встретился лучистым, /И попрощаться я с тобой хотел, /Калмыкия моя, таким же чистым!/
Как сын, любит поэт родину-мать. Эта любовь возвышенна и священна.

Отметим, что родина-мать и родина-дочь соединяются в поэтической строке Д.Н.Кугультинова: Мать-родина! Так люди называли/Ее издревле... В правду, не она ли /Нам жизнь дала, и силы в нас влила, /И за руку взяла и повела?.. /Она щедра по-матерински, – знаю, /Но родина – она дочь родная./Все лучшее – и труд, и вдохновенье –/Самозабвенно отдаем мы ей, /Как только детям отдают – продленью/Быстротекущих, кратких наших дней.../Здесь все мое!.. Бери его, упрочь./О родина моя!.. О мать и дочь!/
Поэт говорит о сыновней любви к родине так:/Люблю любовью строгой и глубинной/Твой образ многоликий и единый./В моей любви – надежда и тревога/Тех, кто ушел и кто живет на свете, /В ней музыка, и свет, и ход столетий.../
Таким образом, в поэтической картине мира Д.Н. Кугультинова можно выделить малую родину, которая ассоциируется с калмыцкой степью, и Роди-

ну – Россию, гражданином которой он является и по отношению к которой поэт испытывает сыновние чувства. Когнитивный анализ полевой модели концепта «родина» позволяет выделить в нем ядро, которое занимает калмыцкая степь, а также ближнюю и дальнюю периферию. Ближнюю периферию образуют фреймы Россия-территория, Россия-города, Россия-люди и т.п. Дальнюю периферию образует планета Земля. Поэт-философ ощущает себя частичкой бытия, жителем планеты Земля. Родина-мать в индивидуальном сознании поэта ассоциируется с образом матери, дочери, что позволяет говорить об антропоцентричности образной составляющей концепта «степь». Поэт говорит о сыновней любви к родине, о том, что это чувство священо, возвышенно. Следовательно, родина – высшая ценность индивидуальной картины мира поэта. Родина, будучи ключевым концептом культуры, в поэтической картине мира Д.Н.Кугультинова наделяется высшей ценностью, она формирует главные ориентиры личности. Это позволяет заключить, что данный концепт образует ценностную доминанту калмыцкого этноса, выразителем духа которого является его выдающийся представитель – поэт Д.Н.Кугультинов.

Литература

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.

Кугультинов Д.Н. Собрание сочинений: В 3 т. – Норильск, 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Социальная психоллингвистика. – М., 2007.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.

*А.Е. Костромина,
Читинский госуниверситет, г. Чита*

КАРТИНА МИРА КАК ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Как отмечают современные философы, формирование целостных, интегративных представлений о человеке важно в настоящее время как никогда ранее и эту задачу призвана решать философская антропология, которая дает методологические основания для целостного изучения человека [Горбачев, с. 147]. В методологических основаниях философской антропологии исторически сложились два основных исследовательских подхода в познании человека. Первый подход – это *макроанализ человека*, предполагающий исследование, преж-

де всего, существования человека в окружающем мире, многоплановые взаимосвязи с этим миром. Второй подход – это *микроанализ человека*, предполагающий обращенность теоретического исследования прежде всего к внутреннему миру человека – его психике, сознанию, мышлению, другим духовным феноменам.

В рамках указанных подходов представляет интерес изучение картины мира в аспекте философской антропологии. Это обусловлено сложностью и многогранностью явления «картина мира». Как показали последние исследования картины мира, она представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, и адекватно охарактеризовано оно может быть лишь в общей теории человека. Кроме того, картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом *всей духовной активности* человека, а не какой-либо одной ее стороны; картина мира как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его *контактов с миром*.

Следует отметить, что человек формирует образ мира как основу своей жизнедеятельности с помощью опосредующих символических структур, среди которых язык этноса играет ведущую роль. Поэтому целесообразно при изучении картины мира человека рассматривать его как языковую личность.

Таким образом, исследование картины мира должно проходить в рамках деятельностного подхода к изучению человека, который является методологической основой комплексного анализа личности, так как сущностной характеристикой человека выступает деятельность [Резник, с. 236]. В рамках данного исследования деятельностный подход имеет особое значение, так как личность рассматривается через призму познавательной, коммуникативной, речевой деятельности.

Кроме того, познание, восприятие, понимание окружающего мира является деятельностью: картина мира проявляется в жизнедеятельности человека, в виде различных «следов», случайных или намеренных, оставляемых человеком в процессе жизнедеятельности. «Отпечатки» картины мира, ее окаменелости можно обнаружить в различного рода социокультурных стереотипах поведения людей, в вербальном (языке) и невербальном поведении (в жестах и мимике, в культовом и светском изобразительном искусстве, в музыке, ритуалах, вещах, этикете, модах, способах ведения хозяйства, технологии вещей, построенных с учетом «логики» вещного мира, вычлененной и запечатленной в картине мира).

Далее отметим, что в формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и кончая высшими формами – мышлением и само-

сознанием. На основе имеющихся в научной литературе представлений о картине мира, выделим составляющие картины мира [Роль человеческого фактора..., 1988, с. 21-24]. Во-первых, отметим субъективную составляющую, так как картина мира формируется в сознании конкретного человека, конкретной языковой личности, в рамках его жизненного опыта; человек, воспринимая окружающий мир, ощущает, созерцает и постигает его. Во-вторых, в картине мира присутствует объективная составляющая, выражающаяся в том, что человек воспринимает объективную действительность. В-третьих, картина мира имеет национально-культурную специфику, так как картина мира формируется в сознании носителя определенного языка, определенной культуры. При этом «процесс миропостижения у человека континуален, образ мира возникает в различных актах мироощущения, мирочувствия, мирозерцания, мировосприятия, миропонимания, в актах переживания мира как целостности, в актах миродействия» [Там же, с. 23]. Сознание человека, формирующее идеальный образ внешнего мира, есть не только знание об объекте познания, противостоящем субъекту, но также есть некое «переживание», оно эмоционально окрашено, а в эмоциях гносеологическая противоположность субъективного и объективного исчезает, так что субъект и объект «переживаются» как нечто единое. Картина мира существует в сознании в неоформленном и неотрефлексированном состоянии, в своем необъективированном состоянии (как картина мира), она не дана сознанию во всей своей полноте. Как глубинный слой миропонимания человека, картина мира не всегда может быть адекватно выявлена в актах саморефлексии самим носителем этой картины мира и может даже вообще не осознаваться как наличествующая у человека [Там же, с. 24]

Таким образом, картина мира – сложное и многогранное образование в сознании человека, которое формируется и проявляется в деятельности человека (познавательной, речевой, социокультурной и т. д.), и, следовательно, картину мира можно постичь в рамках комплексного изучения человека, прежде всего, как языковой личности.

Литература

Горбачев В. Г. Предпосылки становления и статус философской антропологии // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 1.

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.

Резник Ю. М. Человек и общество // Личность. Культура. Общество. – М., 1989.

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭЗИИ Д. КУГУЛЬТИНОВА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДОВ НА МОНГОЛЬСКИЙ ЯЗЫК

(При поддержке РГНФ (грант 05-04-04174а)

Язык художественных произведений Кугультинова практически не изучен. Между тем вряд ли можно говорить о целостном анализе творчества поэта, о его авторской индивидуальности без учета языковых (в первую очередь, лексико-синтаксических) особенностей его произведений. Всякий литературный памятник, представляющий организацию словесного материала, подлежит ведению лингвиста [Виноградов, 1980, с. 3].

Судьба каждого поэта и его творчества неповторима. Особое место в ней занимает перевод художественного произведения на другие языки. Переводческая деятельность сопряжена со множеством трудностей. Особую сложность представляет работа над переводом поэтического текста. Здесь возникают проблемы, связанные, во-первых, с особенностями языка оригинала, во-вторых, со спецификой художественно-изобразительных средств, в-третьих, со звуковой организацией стихотворного текста.

Известный лингвист, один из основателей пражского лингвистического кружка В. Матезиус считал главным принципом поэтического перевода тождество художественного воздействия: «...поэтический перевод должен оказывать на читателя такое же воздействие, какое оказывает подлинник, пусть даже иными художественными средствами, чем в оригинале» [Оболенская, 1998, с. 87]. Сопоставительный лексикологический и синтаксический анализ параллельных текстов (оригинала и перевода) позволяет составить представление о словаре языка Кугультинова. По всей видимости, в такой словарь следует включать все слова, встречающиеся в текстах, но полное семантическое описание может быть дано только ключевым словам (словам, выполняющим определенные эстетические функции) – поэтическим словам-концептам вне зависимости от их частеречной принадлежности (существительные, обозначающие не только предмет, но и признак, качество или свойство предметов; глаголы, обозначающие действие в широком смысле слова; числительные, связанные с нумеративной символикой; прилагательные с цветовой символикой). Эти лексемы достаточно подробно описаны в обычных словарях, но в поэтическом контексте получают своеобразный лексикографический портрет поэтического слова.

Литература

Виноградов В.В. О языке художественной прозы //Избранные произведения. – М., 1980.

Оболенская Ю.Л. Диалог культур и диалектика перевода. – М., 1998.

♦ ♦ ♦

*О.Н. Орулова,
Большецарыцинская школа №3, РК*

КОНЦЕПТОЛОГИЯ И КАРТИНА МИРА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ «БУНТ РАЗУМА»)

В поэтическом мире Д. Кугультинова все процессы и характеры, события и поступки нечто иное, как исследование движения, развития жизни, в которой человек одно из ее звеньев. Весь пафос его поэзии заключен в утверждении ценности человеческой жизни. В зрелом творчестве Д.Кугультинова ярко проявляется философское осмысление жизни. Размышления о гармонической природе бытия, в котором человек неотъемлемая частица всеобщего космоса, приводит к мысли о том, что мир управляется человеческим разумом. Мир поэзии Д.Кугультинова – это поэзия мира.

Весь идейно-эстетический, художественный пафос его творчества с огромной силой проявляется в большом лиро-эпическом полотне «Бунт разума» В эту поэму поэт вложил боль человека, прошедшего войну и всеми струнами души пытающегося сделать так, чтобы она не повторилась.

В поэме «Бунт разума» на актуальнейшую тему современности Давид Кугультинов говорит о животрепещущих вопросах нашей эпохи, о сложных и трагических событиях, происходящих в мире. Эту поэму можно назвать произведением большого эпического размаха и художественной силы, подлинной глубины мысли и реалистической правдивости.

Создание поэмы «Бунт разума» является актом гражданского мужества и большой поэтической смелости. Чингиз Айтматов предлагает считать «Бунт разума» не поэмой, а философской трагедией, обращая внимание на философско-эстетическую сложность произведения, и предостерегает читателя от иллюзии его легкого, однозначного прочтения.

В словах писателя есть большой смысл, произведение действительно отличается глубиной философских раздумий над судьбами мира. И все-таки, по нашему мнению, «Бунт разума» представляет собой жанр поэмы. Художественно-философское проникновение в подлинную суть явлений, изображение мира в его трагических противоречиях характерны для современной поэмы, как в нашей стране, так и за рубежом, в этом следует усматривать как раз жизненность этого древнейшего жанра, его могучие потенциальные возможности.

«Бунт разума» – одно из самых сложных и многозначных произведений калмыцкой поэзии. Многое из того, что происходит на земле, противоречит основам и смыслу человеческого бытия. И разум бунтует против зла, которое пытается получить права гражданства, против сил, стремящихся подменить понятия Добра и Зла, размыть четкую грань, их разделяющую. Разум бунтует против войны как наиболее отчетливого проявления современного варварства, способного уничтожить то, что было накоплено человечеством за многие века его существования. Изображая страшные последствия ядерной катастрофы, поэт размышляет над одной из коренных проблем современности – проблемой ответственности за судьбы человека и человечества, в том числе ответственности науки перед обществом.

В истории калмыцкой поэзии еще ни один поэт не показал так ярко духовной сущности в человеке, как Давид Кугультинов. Раздвинув границы духовного мира нации, он заслужил право быть в ряду тех, чье поэтическое наследие принадлежит не только калмыцкому народу, но и всему человечеству. Величием его личности возвеличиваются нация и человечество.

Одной из причин популярности поэзии Давида Кугультинова является ее большой потенциал, заложенный в самой нравственно-эстетической и социальной сути его творчества. Поэт утверждает идеалы Истины, Добра, Красоты, раскрывает огромные потенциальные возможности человеческой личности, говорит о праве человека на счастье. Утверждение деятельного добра связано с постижением мира как гармоничного целого, как диалектического единства, где вечная борьба Добра и зла ведет к конечному торжеству Добра и Справедливости.

*Г.Ц. Пюрбеев,
Институт языкознания РАН, г. Москва*

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД КАЛМЫЦКИМ ЯЗЫКОМ ПОЭМЫ «УХАНА БУЦЛТ» (БУНТ РАЗУМА) Д. КУГУЛЬТИНОВА

Изучение творчества Д. Кугультинова началось на рубеже 60 -70-х годов минувшего века и продолжается до настоящего времени [Ю. Розенблом, 1969; Б. Леонов, 1970; З. Килганова, 1971; Д. Дорджиева, 1980, 1984; В. Пюрбеев, 1992, 1996, 2002]. Работы указанных авторов являются исследованиями литературоведческого или литературно-критического характера и основываются на русских переводах произведений Д. Кугультинова разных лет.

В последние годы наметился лингвокультурологический подход к изучению творчества поэта, опирающийся при анализе художественного текста на

явления и факты межкультурного взаимодействия не только калмыков и русских, но и других народов, а также на примеры, отражающие их традиционные духовные ценности и особенности национального менталитета.

В данном отношении следует отметить публикации Л.Б.Олядыковой [2004-2006], посвященные описанию религиозной апеллятивно-ономастической лексики, представленной в стихотворениях, поэмах и литературных сказках Д. Кугультинова. Различные группы этой безэквивалентной лексики, оставленные в русском тексте без перевода с целью сохранения реалий буддийского мира, нуждаются в специальных историко-культурных и филологических комментариях.

Отдавая дань уважения всем ученым, занимавшимся и ныне занимающимся исследованием поэзии Д. Кугультинова, с сожалением приходится констатировать отсутствие лингвистических работ, базирующихся на материале родного языка поэта – калмычком. Выступая на торжественном вечере в честь 60-летнего юбилея, Давид Никитич с чувством огромной гордости сказал: «Я бесконечно благодарен за то, что есть на свете наш древний мудрый калмыцкий язык. Если бы не было этого языка, не было бы ни одного моего стихотворения» [Дорджиева, Бадмаев, 1983].

Достижения мастера слова в области художественного познания мира, его опыт социально-философского осмысления самых сложных явлений современной жизни, разнообразие тем и глобальность проблем, находящихся в центре внимания поэта, освоение им новых жанровых форм литературы – все это свидетельствуют о высоком интеллектуальном уровне калмыцкой поэзии XX века и демонстрируют адекватные коммуникативные возможности калмыцкого языка.

Поэма «Ухана бушт» покоряет читателя не только силой и глубиной мысли, но и богатством ее языкового выражения, гибкостью и смысловой емкостью слова, небывалым расширением семантической структуры и контекста его употребления. Образность языка поэмы во многом достигается за счет метафоризации исходного значения слов. В результате своеобразного расширения и обновления их семантики возникают новые, переносные значения, способствующие созданию высокохудожественного поэтического стиля. Обратимся к примерам новаторства поэта в этой области словоупотребления. В качестве иллюстрации возьмем калмыцкий глагол *бѳх* ‘гаснуть, тухнуть’, который сочетается обычно с именем, обозначающим конкретный неодушевленный предмет. Например, говорят *зул бѳхжяня* ‘свеча, лампада гаснет’. В поэме Д.Кугультинова данный глагол, будучи использованным в переносно-фигуральном значении, выступает в необычных контекстах: в сочетании с одушевленными именами *йрн* ‘ребенок, дитя’, *улс* ‘люди’ и с неодушевленным именем *ѳдр* ‘день’: Эдня *ганихн йрнь бѳхсиг гашг зянгля* [с.8] ‘Бумага

извещает о том, что погиб их единственный сын'; *Дурлх, байрлхин төля дя-ялдсн улс бөкня* [с.65] 'За любовь и радость гибнут в сражениях люди'; *Чилгр өдр бөкяд, чеежим харнгу дүйргв* [с. 88] 'Ясный день угас и мрак заполнил мою грудь'. Такого рода лексико-семантические новообразования являются типичными для языка поэмы. Они широко распространены в сфере глагольных и субстантивных словосочетаний, например: *жирглин утцн* 'нить жизни, ' *йиртимжсин нуувч* 'тайна вселенной' *сулдхврин агар* 'воздух свободы, *гаслнгин бярянд* 'в плену печали, скорби', *цагин гийняс* 'из глубины времен.' С целью усиления словесно-художественной изобразительности и достижения стилистического эффекта Д.Кугультинов нередко обращается и к такому способу расширения смысловой структуры слова, как изменение синтаксической связи, в частности падежного управления. Так, для глагола *алдрх* 'высвободиться, вырваться' характерным является управление исходным падежом имени – *гарас алдрх* 'вырваться из рук'. Однако в тексте поэмы он управляет направительным падежом: *Кймн эвряннь тууждан космосур алдрв* [с. 67] 'Человек в своей истории прорвался в космос'.

В лексиконе поэмы с ее аналитическим и обобщающим началом, философскими размышлениями и публицистичностью авторского высказывания часто используются слова с отвлеченно-абстрактными значениями типа *ухан* 'ум, разум, рассудок'; *зовлнз* 'страдание, горе', *жиргл* 'счастье', *амулнз* 'благоденствие', *дурн* 'любовь', *йкл* 'смерть', *мшкрлт* 'вечность', *хйв заян* 'доля, участь, судьба', *хьярн* 'милость'. Свообразие языка поэмы составляет также наличие большого числа книжных слов, принадлежащих к высокому стилю и призванных подчеркнуть торжественность эпического повествования: *амьдрл* 'жизнь' (замечу, что данное слово встречается в тексте поэмы 10 раз!), *зйрлз* 'повеление', *хийв* 'совет', *евял* 'покровительство', *бишлял, бишлгял* 'созерцание; медитация', *бодлх* 'размышлять, раздумывать', *гетлх* 'избавляться, спасаться'. В создании образности и выразительности языка поэмы активно участвуют фразеологизмы, пословицы и поговорки: *амнйән салх* 'расстаться с жизнью, умереть'; *залаган таслх* 'стоять на своем, настаивать', *кишгян тяхх* 'жертвовать собой', *ягла халган дуудх* 'громко причитать'; *худгт унсн хулд мекля ажр* 'для кулана, упавшего в колодец, лягушка жеребец' и др.

Следует особо отметить тесную связь поэмы с фольклором: она ощущается не только в использовании сказочных сюжетов (*Томр шовуна дамг* 'легенда о Железной птице'), но и традиционной системы устойчивых изобразительных средств. Лирико-философская поэма Д.Кугультинова «Ухана бушт, как произведение истинно национального поэта, отражает богатство, красоту и мудрость калмыцкого языка.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В свете последних научных изысканий в области филологии и в частности в теории текста, особую актуальность приобретает анализ концептуальной структуры текста, поскольку речевые произведения, в особенности художественные, репрезентируют концептуальную картину мира в её базовых элементах, в сложной целостности образов и форм национального языкового мышления. В этой связи текст является не только генератором новых смыслов, но и конденсатором культурной памяти народа.

Проблема национально-культурной специфики речевой деятельности является актуальным направлением современной лингвистики. Основными понятиями и терминами, используемыми в процессе системного изучения концептуального состава языка, как известно, являются: а) концепт; б) культура; в) текст; г) литературный канон; д) языковая картина мира.

Разработка понятия концепта получила отражение в трудах, ставших ныне классическими А.Вежибичкой (1985), В.В. Колесова (1992), Ю.С.Степанова (1997), в монографии последних лет М.Р.Проскуракова (2000); ряде статей, посвящённых концепту судьба в культурах разных народов – индоевропейских: С.Е.Никитиной (1994), В.Н.Топорова (1994), Т.В.Топоровой (1994), монгольских – Г.Ц.Пюрбеева (1999).

По определению Ю.С.Степанова, концепт является основной ячейкой в ментальном мире человека (Степанов, 1997, с. 41). Концепт – это цикл понятия, предполагающий процесс – наполнения содержание понятия “знанием о сущности” и его результат – объём понятия. Концепт предстаёт как напряжённая, энергичная конвенция объёма и содержания понятия [Проскураков, 2000, с. 5].

Избранный комплексный подход к анализу концептуальной структуры текста отвечает общей тенденции к интеграции гуманитарного знания и не является механическим объединением подходов когнитивной лингвистики и лингвистики текста. Концептуальная структура текста эксплицируется на лексическом, лексико-фразеологическом и композиционно-тематическом уровнях текста. В этой связи, исследование концептуальной структуры текста предстает как встречное движение от концепта к ключевому слову и от слова и фразеологизма в сложной системе смысла текста к концепту как элементу тезауруса человека. Когнитивный аспект концептуального анализа текста предполагает выявление понятий, концептов, из которых складывается картина мира, отражающая иерархию ценностей [Караулов, 1989, с. 35].

Образ мира или этническая картина мира является основополагающей и универсальной для каждой культуры константой. Проявление глобальных категорий бытия пространства и времени в языке один из основных вопросов, отражающих процесс познания. Этнос адаптируется к реальному миру тем, что всему в мире дает как бы свое название, определяет его место в мироздании, так формируется образ мира.

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов, т.е. тех, которые дают представление для её понимания и связывающих их инвариантных ключевых идей, повторяющихся в значении слов и выражений.

Процедура концептуального анализа с опорой на характеристику сильных позиций лексических единиц в матрице частот словоупотреблений может быть применена в исследовании любого текста, в реконструкции ключевых элементов системы смысла. В этой связи воспользуемся частотным словарем прозаических произведений классика бурятской литературы Х. Намсараева, составленной Дырхеевой Г.А. (1992). Концепты, по образному определению Ю.С. Степанова, могут “парить” над концептуализированными областями, выражаясь как в слове, так и в образе или материальном предмете [Указ. раб. С.68]. Материально это “парение” выражается в том, что концепт находится в некотором контексте – или тексте – любой природы.

В концептуализации мира монгольских народов основополагающими являются: *газар* “земля” имеет наибольшую частотность – 692, *тэнгэри* “небо” – 109, *хун* “человек” – 2875.

Литература

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М., 1989.

Проскураков М.Р. Концептуальная структура текста. – СПб., 2000.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997.

*Б.Э. Убушиева,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ КАК КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д.Н. КУГУЛЬТИНОВА (ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ)

Для выявления лингвостилистических особенностей публицистики Д.Н. Кугультинова нами была проанализирована статья «Черным глыбам эпохи не заслонить солнца народной мудрости», опубликованная в газете

«Хальмг үнн» от 14 февраля 2006г. и посвященная проблеме восстановления калмыцкой автономии после сибирской ссылки. В результате выборки лексического материала, отличающегося частотой употребления в указанной статье, в разряд ключевых попали следующие слова: человек, народ, время, республика, калмыки, правда.

Выявленный лексический ряд показывает, что публицистика Д.Кугультинова ориентирована на проблемы, связанные с народом в целом и человеком в отдельности как его представителем.

Народ определяется Д. Кугультиновым как «великий», «маленький», «не очень счастливый», «калмыцкий», «сосланный», «целый», «репрессированный», «переселенный», «реабилитированный». Он представляется и как «горстка сосланных азиатов», как «часть народа Чингиз хана», как «социалистические крепостные», как «каторжники», как «аудитория», как «ошибающийся» и не всегда являющимся «Курчатовым, Королевым». Он именуется также и «другим», «нашим», «горсточкой», «горсткой». Приведенный перечень позволяет увидеть калмыков в историческом разрезе: калмыки воспринимаются не только как «горстка сосланных азиатов», но и как народ, своими воинскими подвигами и доблестью приумноживший славу России, кому во славу еще в начале прошлого столетия произнес благородную речь Его Императорское Величество Николай II. Слово «народ» для Д.Кугультинова неотделимо от понятия «республика», которое встречается в статье в сочетании со словами: «союзная», «автономная», «калмыцкая», «родная», «ликвидированная», «сосланная», «часть Ставропольского края», «восстановленная». Приведенный материал показывает, как тонкий знаток слова Д.Кугультинов находит нужные определения, отражающие суть времени, в котором он жил.

«Время. Повелитель Время» – так называет его поэт Д.Кугультинов. В публицистике же время отражено как «черная глыба эпохи», ассоциирующаяся с мракобесием, жестокостью, несправедливостью. Но образ Повелителя Времени все же присутствует в статье как олицетворение «солнца народной мудрости». Это время врезалось в память Давида Кугультинова как «время XX съезда», «движущееся время». Время у публициста Д.Кугультинова нестатично, непостоянно, оно переменчиво и может быть разрушительным. Вместе с тем, «время Кугультинова» и созидательно. «Вот ведь какое время!», – гордо восклицает поэт, но одновременно это же восклицание звучит как отчаяние высланного народа и как оправдание «тухлого аппаратчика».

Публициста Д.Н.Кугультинова одинаково волнует как судьба целого народа, так и каждого человека в отдельности. Человек представляется как «самый человеческий», «здоровомыслящий», «великий», «счастливый», «знающий», «чистейший», «добрейшей души», «молодой», «здоровый», «исполнительный». Но он же – «расчетливый», «тухлый», «угодливый» [аппаратчик], «жестокий», «человеконенавистник» [властитель], и униженный «каторжник», «зэк».

В статье Д. Кугультинова «Черным глыбам эпохи не заслонить солнца народной мудрости» зафиксирован динамический процесс – живая жизнь слова в публицистическом тексте. Ключевые слова, которые составляют основу языка анализируемого произведения, делают публицистику поэта понятной и доступной современному читателю.

*Э.М. Хапинова,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА И МИХАИЛА ХОНИНОВА В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Творчество калмыцких поэтов XX века привлекало внимание разных переводчиков, которые осуществляли трансляцию художественной картины инонационального мира на разные языки, в том числе и на английский. Такой союз автора и переводчика имел прецедентом в истории калмыцкой литературы книгу Д. Кугультинова «Простор», где избранные переводы лирики, а также поэмы «Железная птица» даны на русском (Ю. Нейман) и английском (П. Темпест) языках в параллельных текстах [Кугультинов, 1977].

Как известно, художественный перевод представляет собой не просто перекодирование инвариантного содержания из одной языковой системы в другую языковую систему, а проявление творческой литературной деятельности специфического характера, поставленной в определенную зависимость от оригинального художественного текста, а также конкретное воплощение межлитературных и межкультурных связей. Переводчик в данном контексте является активным действующим лицом в диалоге культур.

Учитывая задачу достижения прагматической эквивалентности и жанровую специфику, перевод художественной лирики является одним из наиболее сложных. Прагматическая эквивалентность (эквивалентность воздействия на читателя) зависит от того, насколько содержание оригинала может влиять на читателя перевода, находить у него отклик. Значительные ограничения для переводчика представляет форма, которая в художественном произведении является частью содержания.

Весна в степи как один из инвариантов «образа мира» обусловила наше внимание к выбранным для анализа переводам на английский язык стихотворений Д. Кугультинова и М. Хонинова. Составляющие «образа мира» – бытийное (действия и чувственный образ) и рефлексивное (значение и смысл), т.е. мироощущение поэтов и их рефлексии, преломляясь сквозь призму вос-

приятия переводчиков этих произведений, находят отражение в новой художественной структуре.

Переводы калмыцкой поэзии на английский язык, осуществленные П. Темпестом и К. Коупландом, демонстрируют различные творческие стратегии. Лингво-стилистический анализ исходного и целевого текстов помогает выявить конкретные проявления и определить степень соприкосновения и взаимопроникновения двух культур и языков в художественном переводе.

П. Темпест в «Послесловии переводчика» признает, что трансляция авторских смыслов в процессе перевода представляет значительные трудности, так как в отличие от калмыцкого и русского языков с их хорошо развитой флексией, английский язык требует гораздо больше слов. «Только в одном стихотворении «Время» удалось приблизиться к краткости и высокой компрессии смыслов оригинала» (пер. наш. – Э.Х.). Кроме того, различия в калмыцком и европейском стихосложении также явились причиной тех или иных предпочтений переводчика относительно формы и размера при переводе. «Во всех случаях решающим фактором было то, чтобы стихотворение хорошо читалось и на английском и на русском языках», – пишет переводчик (пер. наш. – Э.Х.).

Перевод П. Темпеста на английский язык стихотворения Д. Кугультинова «Когда весна – медлительно, не сразу...», несомненно, ориентируется на русский аналог Ю. Нейман [Кугультинов, 1977, с. 224] помимо подразумеваемого авторского подстрочника (устного или письменного) при встрече с калмыцким поэтом в Москве в 1976 г., как явствует из «Послесловия...».

Весна в степи пробуждает в поэте ощущение счастья бытия: «Тогда душа – светла и невесома. / Весь мир во мне. И в мире я – как дома» [5, с.224]. Ср. в переводе: «How light I feel, how freely breathe! / In bliss how eagerly believe!» [Кугультинов, 1977, с. 225] (букв.: Как мне легко, как дышится свободно мне! / Как верится в блаженство!).

На наш взгляд, философское обобщение Кугультинова (*я – в мире, и весь мир во мне*: микрокосм как частица макрокосма и наоборот) не нашло релевантного воплощения в переводе. Согласно С.В. Серебряковой, «...нарушение, например при переводе, синтаксической, семантической или концептуальной целостности художественного текста ведет к утрате текстовой органичности, его гармоничной природы, предопределенной авторской интенциональностью» [Серебрякова, 2006, с. 259].

Сравнительный анализ русского и английского переводов демонстрирует стремление П. Темпеста сохранить как можно больше релевантных сем. Ключевые слова русского перевода: *весна – земля – воздух – степные дали – трава – курган – синева – жаворонок – душа – мир – дом*. В английском: *spring – breeze – flowers – steppe – mound – grass – dreams – skylark – blue heaven – the earth – wings*. Как видим, сем *душа, мир, дом* у Темпеста нет, но есть «*breeze*»

дышать), «blue heaven» голубые небеса, «wings» крылья. Недостающие звенья имплицитны, они обнаруживаются в контексте.

Отметим также структуру композиции: в русском переводе – 14 строк, три четырехстрочные строфы и одна двухстрочная, в английском – 12 строк, без деления на строфы.

Таким образом, перевод П. Темпеста можно признать свободным или вольным переводом, поскольку для достижения художественности переводчик отказывается от максимальной точности в передаче содержания и формы оригинала. Свободный перевод, может быть признан адекватным, если с его помощью решается определенная прагматическая задача или обеспечиваются высокие художественные достоинства перевода.

Как и П. Темпест, американский переводчик К. Коупланд, имея подстрочник стихотворения М. Хонинова «Стану красным тюльпаном», сделанный Р.М. Ханиновой, также был знаком с русским переводом оригинала. Точнее, вначале с двумя, так как существовали два перевода под одинаковым названием «Красный тюльпан» [Хонинов, 1977], позже появился третий – Р. Ханиновой («Стану красным тюльпаном»). В предыдущих случаях оба русских переводчика общались с автором, имели его подстрочник и консультации, тем не менее эти переводы разнятся, как и следовало ожидать.

«Мне очень нравится «Красный тюльпан», – пишет К. Коупланд, – и каждый перевод по-своему хорош», но позже добавляет, что «перевод Липкина не только красивый, но действительно ближе к оригиналу и поэтому безусловно лучше» [Из писем к Р.Ханиновой]. Американский переводчик также интересуется особенностями калмыцкого стихосложения, особенно не свойственной ему «ступенчатой» формой и стихотворным размером. В итоге он суммирует: «Я заимствовал размер у Сорокина, но перевел исключительно с вашего подстрочника, так что считаю его переводом оригинала, а не переводом перевода. Хотя вы сказали, – обращается он к дочери поэта, – что калмыцкий размер исходного текста можно отнести к пятистопному ямбу, я, по моему, понял, почему оба русских переводчика использовали трехсложные амфибрахий и анапест. Ключевое слово «красный тюльпан» с парными ударными слогами требует трехсложной стопы. Если учесть артикль «a red tulip», то ситуация в английском аналогична. Пришлось бы лишние слова добавлять, чтобы заполнить пять стоп, так что четырехстопный амфибрахий представляется оптимальным» [Из писем к Р.Ханиновой].

Тюльпан в весенней степи для поэта – символ возрождения жизни, циклического продолжения ее, связующее звено в цепочке земля – небо – солнце. Поэтому вслед за оригиналом в переводе концептуальны метафоры: «a vivid red tulip» живой красный тюльпан, «the laughing red tulip» смеющийся красный тюльпан.

Как и в стихотворении Д. Кугультинова, тема весенней степи и возрождения жизни передается семами: «steppe, tulip, spring, the sun, dawn, a lark's song, grassland, the sky, lark, ground». Авторская субъективация репрезентируется обращением «Remember, my children», а также многократным “I”. В конкретной адресации, создающей атмосферу доверия и объединяющей коммуникантов – автора и читателя, слышится голос поэта.

В самом начале стихотворения заявлена как тема оппозиция жизнь – смерть. Авторское отрицание смерти Коупланд передает эвфемизмом «I won't be one to lie cold in the ground» (букв.: *я не буду тем, кто лежит холодным в земле*, в подстрочнике – букв.: *я в земле не буду совсем лежать*. Хорошо знакомый с буддийскими верованиями калмыков, переводчик адекватен в передаче мотива реинкарнации: «when I'm not around *когда меня не будет рядом*; «when I'm no more» *когда меня не будет* «to depart» *отправиться* «to go» *уйти*, «I'll go on to become» *я стану* «their granddad lives on» *их дед продолжает жить*. Идея непрерывности существования обусловила то, что временной континуум представлен только глаголами в настоящем и будущем времени: «reach», «know», «stand», «hold».

Пространственная проекция задается поэтом в двух измерениях: земля – небо. Репрезентанты пространственного континуума: Ground – steppe – grassland (земля – степь – степное разнотравье) и The sun – dawn – the sky (солнце – рассвет – небо). Между ними как связующие звенья цветущий и стремящийся к солнцу тюльпан и жаворонок, парящий в небе: «I'll go on to become a budding red tulip / and reach for the sun: a vivid red tulip / unfolding at dawn; I won't sing a lark's song / or gracefully soar».

Калмыцкий оригинал имеет ступенчатую структуру («лесенку»), Коупланд, вначале следуя за русскими переводчиками, разбил текст на четверостишия, затем сохранил исходную форму. «Я несколько дней перечитываю “лестничную” версию “Красного тюльпана” и постепенно привыкаю к новой форме. Теперь она кажется мне более интересной – графически и, наверно, по смыслу тоже» [Из писем к Р.Ханиновой].

Следовательно, в концептуальной картине мира Д. Кугультинова и М. Хонинова концепт «весна» имеет индивидуальные, глубинные смыслы.

Итак, изученные нами стихотворения Д. Кугультинова и М. Хонинова обнаруживают разные подходы переводчиков для решения прагматической «сверхзадачи»: обеспечить полное понимание, адекватное восприятие, желаемую реакцию. Если П. Темпест предпочитает свободный, вольный перевод, то К. Коупланд стремится к семантической тождественности языковых и стилистических средств перевода и оригинала / подстрочника, и это ему удается. И в том, и в другом случае английские переводы являются целостной словесно-художественной структурой на целевом языке, оптимально близкой как по содержанию, так и по стилистической и эстетической ценности.

Лингво-стилистическая адекватность рассмотренных переводов оригиналам свидетельствует об их высоком качестве, ибо «чем вернее перевод, тем глубже и полнее оказываются представления читателя об иной национальной культуре и литературе, об идейно-эстетических взглядах, отраженных в конкретном литературном произведении, об индивидуальном стиле автора оригинала» [Кугультинов, 1977, с. 386].

Литература

Кугультинов Д. Простор. Избранные стихотворения на английском языке с параллельным текстом на русском языке. – М., 1977.

Tempest Peter. Translator's postscript // Кугультинов Д. Указ. изд. – С.312–313.

Серебрякова С.В. Концептуальная целостность художественного текста как переводческая проблема // Этнокультурная концептология. Вып.1. – Элиста, 2006.

Хонинов М. Подкова. – М., 1977,

Хонинов М. Орлица. – М., 1981.

Письмо К. Коупланда к Р.М. Ханиновой от 21 и 24. 01. 2007; 01.02.2007; 05.02.2007 г.

Д.П. Хинзева,

Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА У БУРЯТ

В настоящее время в связи с возросшим интересом к исследованию языковой картины мира у различных народов, как древних, так и современных, в центре внимания учёных находится целый комплекс проблем, связанных с выражением отдельных концептов в различных языках. Символика чисел является ключевой в концептуализации картины мира у бурят.

Символика имеет непосредственное отношение к познанию человеком самого себя, окружающей действительности. Категория числа, количества является объектом исследования различных научных дисциплин. Понятия числа и величины формируют содержание мыслительной категории количества, отражающей количественную определенность бытия.

В лингвистических исследованиях последних лет прослеживается всё возрастающий интерес к проблемам, лежащим на пересечении разных областей лингвистики. Количественность в языке относится к числу таких явлений, поскольку пронизывает всю систему языка в целом и вмещает, тем самым, логико-понятийный, системно-языковой и функциональный аспекты.

Символика числа бурят еще не была предметом специального исследования. Лишь при изучении героического эпоса монгольских народов ряд учёных наметил возможные пути исследования функций чисел (Н.Н.Поппе, С.Ю.Неклюдов, Поуха, Сагастер). Данные ученые отмечают, что числа в эпосе чаще всего употребляются в гиперболох, с помощью которых подчеркиваются особые качества героя, его противника, измеряется время, расстояние и др.

В настоящее время, в связи с возросшим вниманием «к человеческому фактору» в языке, изучение природы и сущности символики приобретает особое значение. Смена парадигм в современном языкознании от системоцентризма к антропоцентризму открывает широкие возможности для изучения символики числа в этно- и лингвокультурологическом аспектах.

С древних времен числа служили не только для счёта и счисления, но имели и символическое значение. Всё можно сосчитать – предвидеть рождение человека, биоритмы его жизни, создание семьи, удачные и неудачные дни на работе, в общении с людьми. Так же как предметы материальной культуры – жилище, одежда, пища помимо выполнения своей основной функции удовлетворения насущных человеческих потребностей бывают во всех без исключения культурах нагружены дополнительным знаковым (символическим, обрядовым) обрядовым содержанием. Числа, числовые наборы предметов и понятий всегда имеют помимо своей основной счётной функции ещё и дополнительное символическое, ритуальное, выражающее определённую традицию, значение. У разных народов есть свои излюбленные, предпочитаемые для таких символических целей числа и в этом, как и в других аналогичных явлениях ярко выражается этнокультурное своеобразие народа.

Например, символика числа нэгэ(н) «один», «единица». В картине мира монголоязычных народов она концептуализирует необыкновенную силу содружества (*ни, нигэ, нэгэн*), и вместе с тем передаёт бессилие, изолированность (*гани, гахча, ганса*), страдания и переживания одиноких (*гонг, гони, гуниг*), показывает абсолютную единицу (*гори гахча, ори ганса*). Единица выражает первичность временных отношений (*анг-ха*), передовую, «верхнюю» часть людей (*тэригүүн*), животных и растений (*түүрүү*).

Разными художественными средствами передаётся мысль о том, что с единицы начинаются понятия множественности, умножения и исчисления в монгольском фольклоре. Существуют пословицы: *Гансаһаа газар дүүрэхэ* «От одного земля наполнится»; *Нэгэ тэмээнэй аргал дээрэ мянган тэмэн бүдэрбэ* «На помёте одного верблюда поскользнулись тысячи верблюдов» и др.

Единица также выражает смысл родства разных явлений и вещей. Является первоэлементом символики нечётных чисел. По представлениям монголов чётные числа символизируют «этот мир», а нечётные – «потусторонний мир». Этим, очевидно, объясняется использование в похоронных церемониях и ритуалах

нечётных чисел: *зурба(н)* «три», *далоо(н)* «семь», *хорин нэгэ(н)* «двадцать один», *дүшэн юһэ(н)* «сорок девять». А в свадебных обрядах провожают невестку по нечётным числам, ибо она стала «не наша» – *манай бэйшэ*, а приводят невестку в дом жениха по чётным числам, потому что стала «наша» – *манай*.

Единица – это начало числового ряда, выражает понятие «все», единое, целое, неразделимое. Корень слова *нэгэ* «один», от него производные понятия *нэгэдэл* «един», «единственный», «соединение», «объединение».

А.В. Шангина,
Читинский госуниверситет, г. Чита

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА

С помощью языка человек осознает себя, роль своего народа не только в прошлом, но и в настоящем. Язык обладает удивительной способностью приспособляться к жизни его носителей, отвечать на их запросы. Подлинное выживание нации возможно лишь на основе возрождения и развития языка. Язык – это первоэлемент культуры. Собственно, с языка и начинается культура народа. Проблемы, лежащие на пересечении языка, культуры и этничности – один из самых животрепещущих вопросов в современном обществе. «В культуре каждого народа есть черты, составляющие его индивидуальное этническое своеобразие, и есть черты, объединяющие этот народ с другими народами или группами народов, со всем человечеством. Язык относится к тем факторам, которые определяют народный менталитет и влияют на формирование как индивидуально неповторимых, так и некоторых общих с другими народами черт». [Мечковская, 1998]. Поэтому, проживая в Агинском Бурятском автономном округе, в течение двух лет я исследовала коммуникативное намерение говорящего в различных ситуациях речевого общения сквозь призму культурных ценностей, национального менталитета и опыта языковой личности. Известно, что Забайкалье представляет собой полиэтничный регион с устойчиво сохранившейся культурой коренных народов, где бурятский язык относится к группе монгольских языков. Исследуя употребление диалектов, просторечных слов, затем свободных словосочетаний и фразеологических оборотов через произведения забайкальских писателей и анкетный опрос жителей я продолжила свое исследование в области пословиц и поговорок русского и бурятского народа. В результате исследования выявлена неравнозначная характеристика народом своего уклада жизни, что говорит, в свою очередь, о разнообразии взглядов людей на жизнь, но в то же время об одинаковых нравственных ценностях (доброта, человеколюбие, ум, находчи-

вость, верность, дружба, труд и т. д). Например, рус. *Один в поле не воин* (букв. бур.: Дружные сороки и гуся съедят); рус. *Жить как кошка с собакой* (букв.: бур. Жить как волк с овцой) и др. Народные пословицы, поговорки отражают высокие идеалы всего человечества, взгляд народа на мир, характеризуют общественные порядки, быт, нравы. Это сгустки идей и чувств, отпечаток душевного склада народа.

Таким образом, изучение пословиц и поговорок в нашем полиэтническом районе дает исследователям достаточно интересный материал для решения проблем взаимовлияния двух культур. Становление языка происходит, прежде всего в той естественной среде языковой культуры, которая окружает нас повседневно и поддерживает чувство языка и национальное достоинство. У бурятского народа есть пословица, подтверждающая эту мысль, например, «Родина, которая не сберегла свои родники – не родина. Человек, который потерял корни – не человек». При этом следует подчеркнуть, что защита отдельных языков в многоязычном и многонациональном государстве имеет не только культурное, но и социальное значение и способствует стабилизации и гармонизации отношений между этническими группами и отдельными индивидами. Знание менталитета народа, с которым живешь, – это первый признак интеллигентности и один из факторов, сближающих людей разных национальностей. Еще древние мудрецы говорили: «Узнаешь язык друга – познаешь его душу».

По анкетным данным можно судить о том, что не только русский, но и бурятский народ по крупицам теряет наше национальное богатство. На вопрос: Знаете ли вы пословицы бурятского народа? Выявлено, что из 35 информантов от 15-18 лет – 0, от 20-30 лет – назвали 2 пословицы, от 30-40 лет – 7 пословиц, от 40-60 лет – 15, от 60- 75 лет – около 25.

Литература

Мечковская Н.Б. Язык и религия. – М., 1998.

♦ ♦

С.Ю. Шигина,

Северо-Осетинский госуниверситет, г. Владикавказ

ТРОПЫ И ФИГУРЫ РЕЧИ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. Н. КУГУЛЬТИНОВА

В современной общественно-культурной жизни России личность Д. Кугультинова и его литературное творчество имеют особое значение. Интерес к творчеству известного калмыцкого поэта, автора поэм «Любовь и война», «Моа-

битский узник», «Песнь чудесной Птицы», «Сар-Герел» и многих других неслучаен. За сборник стихов «Я твой ровесник» ещё в прошлом веке в 1966 году Давид Никитич был удостоен Государственной премии РСФСР им. М. Горького. С первых лет творчества Д. Кугультинов проявил себя как поэт-романтик, склонный к философскому и гражданскому осмыслению избранной темы, для осуществления которой ему всегда помогали образные средства языка. Изобразительно-выразительные возможности и художественные функции тропов в языке поэзии Кугультинова различны. Более того, с изменением человеческих представлений о мире, обществе, искусстве те или иные тропы утрачивают актуальность. Одним из последствий распространения грамотности, значительного увеличения числа читающих и – пишущих стало «остывание», девальвация тропов. Тропы по большей мере уже почти не привлекают внимания даже искушенного читателя, не становятся поводом для эстетической рефлексии. И уже почти не интересуют критика, литературоведа, но всегда будут интересовать лингвиста. Они слишком элементарны, слишком слабо связаны с идеологическим уровнем текста и лежат за пределами актуальной литературоведческой проблематики. Между тем, как заметил А.П. Чудаков, и сравнения и метафоры более чем многое другое определяют характер поэтики художника. Они по-прежнему актуальны, как и во времена Аристотеля, продолжают, хотя бы изредка, радовать читателя свежестью и оригинальностью. И думается, что сегодня, с учетом знаний, накопленных смежными науками, изучение роли и места этих тропов в творчестве того или иного писателя или поэта способно приоткрыть новые грани творческой индивидуальности. Сравнение и метафора прямо связаны с изображением, с освоением и воссозданием картины мира; они являются, можно сказать, первичными составляющими творческого метода. И в таковом качестве заслуживают самого пристального внимания. Ср.: «Молния *рукою озорной!* Разорвала небо, / и в прореху /Хлынул дождь – веселый, проливной»; «И сквозь радугу, *как через арку,* / *Въехал день* на золотом коне». [Кугультинов Д. Память света. Стихи и поэмы. М., 1979. С. 27]. В процессе исследования языка поэзии Д. Кугультинова были обнаружены и яркие примеры других изобразительно-выразительных средств, см.: риторическое восклицание: «- *Люблю вас!.. Я люблю вас, люди!*»; риторический вопрос – одна из самых распространенных стилистических фигур, характеризующаяся замечательной яркостью и разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков. Совпадающие по внешнему грамматическому оформлению с обычными вопросительными предложениями, риторические вопросы отличаются яркой восклицательной интонацией, выражающей изумление, крайнее напряжение чувств. Ср.: Кто совершенствует мой разум, / *Всегдашним рвением палим?* / *Кому я больше всех обязан?*... [Кугультинов Д. Избранные произведения, т. 1. М., 1970. С. 54]. Очень близка

поэту и анафора – повтор слов в начале смежных отрезков речи. Этими отрезками могут быть части сложного предложения, самостоятельные предложения, единицы более крупные, чем предложения (например, абзацы). Как и другие фигуры прибавления, анафора передает некое постоянство настроения. Чаще всего это чувство уверенности. Это наиболее мажорная фигура. Очень умело и оригинально обыгрывает поэт внутренний мир, язык героев посредством мимезиса. Мимезис – (греч. – “подражание, передразнивание”) – преднамеренное воспроизведение в своей речи некоторых характерных особенностей чужой речи, воспроизведение, которое имеет целью показать неадекватность повторяемой речи, передразнить или высмеять ее адресанта, отвлечь внимание от предмета спора. Ср.: «И, словно колокольчик звонкий, / Хрустально-чистый голосок ребенка / Мне ласково желает: – *Добрый дэнь!*». Другой излюбленной фигурой речи в поэзии Кугультинова является параллелизм, предполагающий развитие тем по принципу сопоставления и повторяемости. На такую организацию речевых средств опирается прежде всего описание (пейзажа, портрета, лирических отступлений), компоненты которого, как правило, связаны отношениями смежности. Язык поэта отличается необыкновенной объемностью. У него нет пустых, лишних, банальных слов. Каждое его слово предельно насыщено и действенно. И не только в России, но и во всем мире, творчество калмыцкого поэта будет интересовать современного читателя ещё долгое, долгое время.

*Р.Н. Абисалова,
Северо-Осетинский госуниверситет, г. Владикавказ*

**ВОСПРИЯТИЕ ПАРИЖА В КНИГЕ Э. ХЕМИНГУЭЯ
«ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С ТОБОЙ»
И В РОМАНЕ Г. ГАЗДАНОВА «НОЧНЫЕ ДОРОГИ»**

Образ города вошел в литературу в древнейшие времена. Уже в древнегреческих трагедиях отражено восприятие Фив, Коринфа, Афин и других городов. В последующие эпохи «литературных» городов становится все больше. По мере роста роли средневековых городов все чаще и чаще жизнь героев разворачивается на их фоне, и восприятие этих городов становится весьма значимым в литературе. Достаточно вспомнить Флоренцию Д. Боккаччо, Париж Ф. Рабле, Лондон Д. Чосера, Венецию и Верону В. Шекспира.

Особый интерес к городу как объекту литературного изображения начинается в XVIII веке, и еще больше усиливается в XIX и XX веках. Это Лондон Д. Свифта, Г. Филдинга, Честертона, Диккенса, Теккерея, В. Вулф; Мадрид Р. Лесажа, Петербург Ф. Достоевского, Сан-Франциско М. Твена и т. д. Однако, как отмечает М. Бютор в статье «Город как текст», «у некоторых городов невероятный литературный вес» [Бютор, 2000]. Это в первую очередь касается Парижа, воспетого В. Гюго, Ш. Бодлером, Бальзаком, Э. Золя, Г. Аполлинером, Ж. Дюамелем, А. Стриндбергом, Г. Миллером, Р. Ролланом, А. Роб-Грийе, М. Бютором и др.

Париж был описан как писателями – французами, так и иностранцами, для которых «европейская столица» стала временным или постоянным пристанищем. В творчество одних он вошел как «праздник, который всегда с тобой», для других как «зловещий и фантастический Париж, ... этот чужой город далекой и чужой страны» [Газданов, 1990, с. 280]. Среди тех писателей, чья жизнь привела в Париж первых десятилетий века, оказались ровесники века – молодой американец и начинающий писатель Э. Хемингуэй и российский эмигрант из осетинской семьи, выброшенный волной революции и гражданской войны и прибитый к Парижу – Гайто Газданов, также ставший известным писателем. Их объединяли молодость, интерес к жизни, писательский талант, а также Париж, куда они попали одновременно и впечат-

ления от которого воплотились в книгах – «Празднике, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя и «Ночных дорогах» Г. Газданова. Сравнивая эти произведения, можно говорить о двух Парижа – Хемингуэя и Газданова.

Э. Хемингуэй [1982]. вынашивал образ Парижа в течение всей жизни и написал свою книгу на склоне лет как прекрасные воспоминания о молодости, счастье, любви. Он создает образ дневного города – осеннего, зимнего, весеннего, но всегда делового, наполненного жизнью. Это город, стимулирующий творчество, истинная литературная столица мира. Вид Парижа, открывающийся из окна гостиницы, рождал уверенность в своих силах: «не волнуйся, ты писал и прежде, напишешь и теперь».

Для Хемингуэя Париж – город, притягивающий к себе творческих людей со всего света. Потому главные персонажи его книги – писатели, поэты, художники. И хотя все они – иностранцы, но писатель привязывает имена Фицджеральда, Э. Паунда, Г. Стайн, Д. Джойса, Ш. Андерсона, Ф. М. Форда к названиям парижских улиц, площадей, кафе, ресторанов, и эти топонимы как бы принимают этих людей в свое пространство, которое становится пространством творческого общения. Париж Хемингуэя – город музеев, театров, картинных галерей, книжных магазинов и лавок букинистов.

Другой Париж – у Гайто Газданова, который попадает в этот город после бегства из России, через Турцию и Болгарию. Здесь он испытывает горечь изгнания, но и набирает жизненный и литературный опыт, становится зрелым человеком и талантливым писателем. Париж возникает у Г. Газданова во многих романах и рассказах; но лишь в «Ночных дорогах» рождается почти ирреальный, мистический, нередко фантастический облик ночного города, который он, как водитель ночного такси, видит через стекло своего автомобиля. Оно преломляет, искажает действительность, и читатель погружается в этот странный, почти зловещий Париж – город пороков, низменных страстей, преступлений. Обитатели ночного Парижа – люди дна – алкоголики, бродяги, проститутки, сутенеры, воры – словно грешники дантова Ада, заполняют «зримую тьму» городского пространства. Да и сам автор напоминает «великого флорентийца», проходящего по кругам Ада.

Очевидно, будущему писателю, а сейчас ночному таксисту Гайто Газданову, суждено было пройти все круги Ада ночного Парижа, чтобы выбраться к свету если не Рая, то хотя бы Чистилища другого, дневного Парижа, города театров, музеев, библиотек; города писателей, художников, артистов; города который, вкпе со всем предыдущим опытом жизни сделал его большим писателем и замечательным человеком.

Литература

Бютюр М. «Роман как исследование». – М., 2000.

Газданов Г. Вечер у Клер и др. романы. – Владикавказ, 1990.

Хемингуэй Э. «Праздник, который всегда с тобой». Собр. соч.: в 4-х т. Т. 4. – М., 1982.

*Р. Атанасова,
г. Пловдив, Болгария*

КОНЦЕПТ «ДОМ» В КАЛМЫЦКОЙ ПОЭЗИИ: ЛИРИКА РИММЫ ХАНИНОВОЙ

Концепт является предметом изучения лингвистики, философии, культурологии. Существуют разные точки зрения о концепте. Н.Д. Арутюнова утверждает, что концепты взаимодействуют между собой, так как являются результатом национальных традиций, фольклора, религии, жизненного опыта, ценностной системы и т.д. Исследователь полагает, что базой для образования концепта служат лишь те явления реальной действительности, которые становятся объектом оценки, а для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя [Арутюнова, 1999, с.181]. Именно этот момент “пропускания” и оценивания является моментом первичного образования того или иного концепта в сознании носителя культуры. С другой стороны, наличие ценностного элемента отличает концепт от других ментальных единиц (фрейма, сценария, понятийной категории) [Карасик, Слышкин, 2001, с.75–80]. Ю.С. Степанов разграничивает три слоя в структурной организации концепта. Первый слой – наиболее актуальный компонент, или основной признак в содержании концепта. Второй слой составляют его дополнительные признаки, неактуальные компоненты. Третий слой концепта – его внутренняя форма, то, что обычно не осознается в повседневной жизни, его этимология [Степанов, 2004]. З.Д. Попова, И.А. Стернин объясняют концепт тем, что «человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в ходе мышления. Мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного сознания» [Попова, Стернин, 1999, с.3].

Концепт «дом» занимает ключевое место среди концептов. С древних времен дом объединяет в себе все традиции, ценности и опыт поколений. Он является символом семьи, уюта, счастья людей, родины. В нем дети впервые узнают, кто они, кем были их предки. Таким образом, концепт «дом» связывается с национальной идентификацией каждого человека, с языком и бытом.

Концепт «дом» также значим в современной калмыцкой поэзии. Для каждого калмыка и калмычки дом – это прежде всего степь, т.е. место, где можно

чувствовать себя прекрасно. У Михаила Хонинова есть стихотворение, в котором он, размышляя о том, как можно передать эту красоту родной земли, пришел к парадоксальному выводу: любовь невыразима: Однажды степь спросила у меня:— Как русского певца, скажи, понять, / Ты мне слова попробуй объясни: / «Как хороши вы, степи, черт возьми!». Я над вопросом долго думал сам, / Хотел уж обращаться к мудрецам, / Но сердце – вслух: «Понятен Гоголь так. / И он не переводится никак». (Пер. Н. Кондаковой) [Хонинов, 1981, с.196].

Сравним с двестишим Давида Кугультинова в переводе Д. Долинского и В. Стрелкова: Я глядел на зеленую степь, слушал жаворонка в высоте, / *Боюсь, как бы слух мой и взгляд не привыкли к их красоте!* [Кугультинов, 1968, с.52].

Поэтому для поэта степь – мир предстает, как *праздничный / подарок, – / В росе, в лучах... Неотразимо нов* («Смерть сайгака, или Расстрелянное утро») (пер. Ю. Нейман) [Кугультинов, 1968, с.71].

М. Хонинов говорил о своей «постоянной прописке»: / В степи калмыцкой я родился. *Мне Она была конем и колыбелью.* (Пер. Н. Кондаковой) [Хонинов, 1981, с. 60].

Потому «дом калмыка с давних пор / Там, где он разжег костер...» (пер. О. Шестинского) [Хонинов, 1981, с.194]. Дом-степь становился последним домом-могилкой для кочевника: «И здесь покину землю <...> / Но я останусь верен до конца / Земле полынной деда и отца» [Хонинов, 1981, с.60].

Эту любовь к дому-степи М. Хонинов передал своей дочери Римме Ханиновой. Поэтесса проецирует панораму родного дома: это степные колыбельные мотивы, вольный посвист ветренного дня, дождливый шепот замершей земле, «полет» каждого коня в табуна («Степные колыбельные мотивы...») [Ханинова, 1994, с.72]. Перед читателем раскрывается душа калмычки, любящей общий дом, ощущается ее гордость за неповторимость природы, хранящей традиции калмыцкого народа («Дороги пыльные, степные...»): Дороги дедовы, отцовы, / в их памяти кочевий ген. [Ханинова, 1994, с.90].

Концепт «дом» в поэзии Риммы Ханиновой актуализирует не только традиции, но и родной язык. Он помогает народу сохранить свою идентичность с помощью эпоса «Джангар», сказок и песен, передавая поколениям ментальное понимание окружающего мира.

Весьма афористично поэтесса раскрывает глубинную связь между поколениями, преемственность в стихотворении «Калмыцкий язык»: В нем – древности мира, природы и чувства/ рождают бессмертный оазис искусства, / связуя века и народ мой едино, / пространство сближая той магией дивно. [Ханинова, 1994, с. 85].

Язык является хранителем национальных ценностей и сокровищницей речи. В нем есть и «меткость стрелы, породнившейся с целью», и «емкость

души, покорившейся степью», и «слово добра, и любви, и надежды» [Ханинова, 1994, с. 85]. Р. Ханинова гостеприимно приглашает читателя приобщиться к бытию калмыцкого народа, найти в нем волшебное созвучие песен, йерялов, пословиц. Все это богатство речи можно почувствовать в родном доме (поэмы «Час речи», «Все движет Женщина-Любовь», «Солнечный Лев») [Ханинова, 2005].

Концепт «дом» – это прошлое, настоящее, будущее. В нем преемственность между поколениями, традиции, любовь к семье, к народу. Поэтому не удивляет отцовский завет: дерзай, будь стойким до конца, /как куст полыни неприкаян/под жестким прессингом коня/когда его копыта в землю/загнать траву стремятся вниз. [Ханинова, 1994, с. 81].

Полынь – неотъемлемая часть степного ландшафта, согласно интерпретациям, символизирует любовь, неустанность, становится оберегом.

Жизнь каждый день предоставляет возможность соблюдать завет отца, преодолевая трудности. Отец становится примером для своих детей. Поэтесса утверждает: Старалась быть отца я правою рукою, / постичь суть ремесла, представшего судьбою, / понять основу тайн в том сокровенном слове, / дающем жизнь всему, осмысленному внове» [Ханинова, 1994, с. 69].

Именно концепт «дом» ассоциируется с теплыми воспоминаниями о любимых сердцу людях. Дом воспитывает детей. Его называют «домашним очагом», который сохраняет всю любовь и дает силы в трудные минуты. «Плать, дитя, / взрослых тревожа, / страх в кулачках зажди; / несправедливость стреножа, / будем / всегда / людьми!» («Плечет ребенок...») [Ханинова, 1994, с. 138]. В буддийском пантеоне Зеленая Тара –покровительница семьи, счастья домашнего очага, «хранит от бед молитвою порог» («Зеленая Тара») [День влюбленных, 1997, с. 161]; в калмыцкий дом возвратились священные танки (иконы) национальной религии («Окон-Тенгри», «Авалокитешвара») [День влюбленных, 1997, с. 159–160, 165–166]; хранятся они и в семье Хониновых.

Отчий дом становится тихим пристанищем, куда дети всегда могут вернуться и почувствовать близость между поколениями.

Простая пиала превратилась в луну из давнего воспоминания отца («Все мне снится, что ты / Далеко в небеса закатилась, / Что луной над землею / Ты всходишь, моя пиала...») («Вспоминаю тебя, пиала...», пер. Л. Шерешевского) [Хонинов, 1981, с. 97–98]. Теперь дочь печально отождествляет луну с семейной вещью: С тех пор сверху та пиала, /тихонько остывая, /все ждет хозяина: она /о вечности лишь знает... [Ханинова, 1994, с. 74].

Не удивляет факт, что и в калмыцком доме можно найти: подкову над отчим порогом – /приметный знак для добра, /чтоб зло застревало комом/ у самой калитки двора. [Ханинова, 1994, с. 79].

Подкова у многих народов является *символом преемственности и традиций*. Она несет послание степняку – каждому калмыку и калмычке – не забывать своего дома, своей родины, своей национальной идентичности, неразрывно связанной с конем, спутником и другом, когда даже весенний месяц – апрель – назван его именем. Нужно учесть, что собственно дом уномада – юрта / кибитка, которую в разобранном виде перевозили, в том числе и с помощью коня (калмыцкое название – ишкя гер, букв. войлочный дом). М. Хонинов, сравнивая свой день с неустанным конем, а письменный стол – с седлом, утверждал, что *«свой слог / Под копытом волшебным / Нашел»* [Хонинов, 1981, с.54], здесь отсылка и к античному Пегасу.

Ср. переключку Р. Ханиновой: *«Тогда, может, эта подкова / упала с копыта коня / и стала тем символом слова, / что значит тот конь для меня»* [Ханинова, 1994, с.80]; а также человек-всадник должен *«на скаку / взлететь в седло земного бытия»* и удержаться в нем (*«Обычай предков – сдержанность всех чувств...»*) [День влюбленных, с. 175]. В то же время висящей на стенке дома дедовской плети дано стареть без ее владельца, а седлу – рассыхаться без дела: метафорическая память сибирской ссылки (*«Им снилась степь в раздолье ковыля...»*) [Ханинова, 1994, с.108].

Итак, можно утверждать, что концепт “дом” является одним из главных концептов в ментальности каждого народа, в частности в концептосфере поэзии Риммы Ханиновой. В доме есть все: и богатство речи, и традиции, и быт, и родство. Дом – это прошлое, настоящее, будущее. Чтобы не потерять свою идентичность, народ должен знать свои традиции и язык. Именно дом является хранителем этих ценностей – подтверждает калмыцкая лирика.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001.

Степанов Ю.С. Константы. – М., 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999.

Хонинов М.В. Орлица: Стихи и поэмы / Пер. с калм. – М., 1981.

Кугультинов Д. Я твой ровесник: Стихи и поэма / Пер. с калм. – М., 1968.

Ханинова Р. Взлететь над мира суетой: Стихи. – Элиста, 1994.

Ханинова Р.М., Ничипоров И.Б. На перекрестках Софии и Веры...: Стихи, поэмы, эссе. – Элиста, 2005.

День влюбленных: Сборник стихов. – Элиста, 1997.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦАХ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Д. УЛЗЫТУЕВА)

Проблема определения объема и границ фразеологического фонда бурятского языка представляет собой один из самых актуальных вопросов современной фразеологии. Общеизвестно, что существует два основных подхода к обозначенной проблеме: широкое и узкое понимание объема фразеологии. По «расширенному» пониманию, к фразеологии относятся все пословицы, поговорки, изречения, цитаты из литературных произведений, речевые штампы. Эта точка зрения основана на таких признаках фразеологических единиц, как воспроизводимость и устойчивость указанных единиц в готовом виде (Т.А.Бертагаев, Ш.-Н.Р.Цыденжапов). Представители «узкого» понимания фразеологии, как С.И. Ожегов, Г.Ц.Пюрбеев, основными критериями фразеологизмов считают семантическую слитность и структурную неделимость, исходя из которых, объем фразеологии составляют собственно семантически и структурно нечленимые устойчивые словосочетания и фрагменты пословиц, поговорок и крылатых выражений. В докладе будет рассмотрен вопрос правомерности включения ряда эвфемистических выражений в состав бурятской фразеологии.

Эвфемизмы употребляются в речи вместо запрещенных (табуированных). Однокомпонентные эвфемизмы, будучи единицами лексического уровня и обладая всем спектром семантических признаков, присущих слову (цельнооформленность, однокомпонентность, более узкая семантика), не могут быть отнесены к ФЕ. Однако некоторые многокомпонентные эвфемизмы по структуре, семантике и функционированию в предложении находятся в непосредственной близости к ФЕ. Так, эвфемистическое выражение со значением кончины, смерти в произведениях Д. Улзытуева: *хариин хүйтэн дайдада халуун амья орхиһон* «погибший на чужбине» (досл.: оставивший свою горячую жизнь на холодной чужбине) обладает в первую очередь сверхсловностью, а как следствие этого раздельнооформленностью. Эвфемизмы этого рода, подобно ФЕ, обладают своей собственной специфической, более широкой по объему, чем у слов, семантикой, которая характеризуется образностью, эмоциональностью и экспрессивностью: *хада гэртээ харяагүйдөө, харижа ерэхдэм* «когда я вернулся, куда жив» (досл.: «когда я вернулся, пока не вернулся к горному дому своему»). Кроме того, подобные выражения воспроизводимы и устойчивы: *алтан амья алдажа, алдалан унахань магадгүй* «может, падет, погибнув» (досл.: может, падет, упустив свою золотую жизнь). Также как и фразеологические

единицы, фразеологические эвфемизмы образуют одно понятие, расчлененное в плане выражения, но цельное в плане смысловом. Отсюда вытекает синтаксическая неразложимость упомянутых выражений, то есть функционирование в роли одного члена предложения: *зарим нэгэмнай даншье эртүүр цага дүүрээ* «некоторые из нас слишком рано скончались» (досл.: некоторые из нас слишком рано окончили жизнь). Фразеологические эвфемизмы, равно как и ФЕ, полностью или частично состоят из компонентов с переносным, непрямым значением, реализуемом в строго фиксированном лексическом окружении: *хүрмэн хара нодов анижса, хүүдэртэ орохо саг ерэхэл* «придет время отойти в мир теней, закрыв черные глаза» (досл.: придет время войти в тень свою, закрыв настороженные черные глаза). Помимо всего сказанного, и ФЕ, и фразеологические эвфемизмы, являясь в некотором роде пограничными единицами, относятся как к лексикологии, так и к синтаксису.

Таким образом, на основании приведенных нами признаков общих для ФЕ и многокомпонентных эвфемистических выражений мы приходим к выводу о правомерности номинирования указанных эвфемизмов термином эвфемистические фразеологические единицы.

Литература

Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков (На материале монгольского и бурятского языков). М., 1974.

Ожегов С.И. О структуре фразеологии // Лексикографический сборник. Вып.2. М., 1957.

Пюрбеев Г. Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. М.: Наука, 1972.

Цыденжапов Ш.-Н. Р. Фразеологизмы старописьменного монгольского языка. Улан – Удэ, 1990.

Т.П. Бажеева,

Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

ДЕТСКАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

(Публикация подготовлена при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда: грант № 05-04-62401а/Т)

Изучение детского языкового восприятия и языковых способностей представляет очевидный эмпирический интерес. Усложнение условий формирования коммуникативной компетенции и языковой толерантности в этнически

неоднородных социумах настолько же привлекает, настолько и озадачивает исследователей. В самой постановке вопроса о детских языковых способностях и возможностях у каждого ученого есть свой контрапункт. Можно исследовать «болевые» точки: незнание языка своего народа, оскуднение репертуара общественных функций миноритарных языков и т.д. Нам же представляется интересным выявить и описать тот или иной «коммуникативный континуум», сформированный или формирующийся в среде общения с участием детей.

Наблюдая занятия в национальной бурятской школе в сельской местности, мы не ограничиваемся посещением только занятий родного языка, но пытаемся охватить весь учебный процесс и превратить его в объект изучения. Нас интересует: какие «двигающие рычаги» применяются преподавателями для оптимизации усвоения информации детьми, что и как происходит в структуре коммуникации. На уроках родного и русского языков учитель сам придерживается и детей ориентирует на установку «один язык», хотя речевые вкрапления встречаются с обеих сторон коммуникативного процесса на уроке. Например:

Учитель: Сколько мы получаем в результате?

Ученик: Тысяча сто девяносто. Бултадаа. «В итоге, все вместе».

На уроках математики, когда мотивация общения подчинена поиску правильного решения задачи, т.е., логическим операциям, данная установка отступает на задний план. Она не выдерживается: переход с одного языка на другой происходит спонтанно и спорадически. По нашему мнению, вопрос об участии того или иного языка в формировании логического, абстрактного мышления детей-билингвов требует особого внимания. Во время пилотного опроса в ответах на вопрос анкеты «На каком языке Ваши дети усваивают математику?» родители в подавляющем большинстве (82, 245 против 14, 95%) отметили, что это происходит на русском языке. Возможно, что привязка или фиксация основ счета: сложения, вычитания и т.д., на языке обучения в саду или школе, формирует в дальнейшем потребность у детей постоянно апеллировать к русскому языку. Взрослые информанты отмечают, что, усвоив в раннем детстве счет только на бурятском языке, они сохраняют эту способность на протяжении всей жизни.

Ребенок, находясь в окружении стихийных билингвов, даже при условии обучения его в школе нормативному двуязычию, неосознанно будет копировать речь взрослых, некоторые из ярких образцов мы записали в разных ситуациях:

– Какая разница, арбан порошок абахая. Зато польза больше. «...купить десять порошков». (В аптеке).

А: Ши хана ошохошниб? «Куда ты поехала?»

Б: До центра. А ши юу хэрэгтэйбши? « А что ты хотела?» (На автобусной остановке)

Известный онтобилингволог Г. Н. Чиршева считает, что если одна из реплик произнесена на Я1, а вторая на Я2, то здесь имеет место выбор кода. В то же время тип общения она определен не как двуязычный, но как монолингвальный [Чиршева 2000:75]. Мы склонны считать, что в таких ситуациях общение происходит на одном языке, назовем его «скрещенном», как Т. А. Бертагаев[1972:82], или Яmixt. В таком случае схема будет выглядеть иначе:

А: Я1

А: Яmixt

Б: Я2

Б: Яmixt

А: Я1

А: Яmixt

Б: Я2 (по Г. Н. Чиршевой)

Б: Яmixt (наше предположение).

Безусловно, есть настоятельная необходимость искать большого количества примеров, подтверждающих это предположение, что составляет одну из важных задач проекта. Очевидно, что в многонациональных регионах, как и в Бурятии, двуязычным является сам коммуникативный континуум во всей его многогранности и непрерывности. И здесь мы разделяем высказывание Г.Н. Чиршевой о возрастающем двуязычии мира [Там же: 139].

Первое пятилетие XXI века отмечено большим количеством острых конфликтных ситуаций в разных регионах планеты. Это может свидетельствовать о кризисе геополитических концепций стран, берущих на себя ответственность за судьбы миллионов. В таких условиях противостояния мировоззренческих, ценностных систем не может быть вопросов более острых и злободневных, чем воспитание подрастающего поколения в духе реальной, а не декларируемой толерантности, т.е., терпимого, уважительного отношения к иным культурам и языкам. Национально ограниченное, «зашоренное» воспитание несет в себе угрозу ксенофобии, примеров которой мы сегодня имеем предостаточно. Привитие детям таких качеств, как многокультурность, широта восприятия окружающего мира, будет способствовать снижению негативных проявлений в их взрослой жизни и практически умножит число их друзей повсеместно.

Литература

Бертагаев Т. А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.

Чиршева Г. Н. Введение в онтобилингвологию. – Череповец, 2000.

БУРЯД ХЭЛЭНЭЙ ҮГЫН БАЯЛИГЫЕ Х. НАМСАРАЕВАЙ «ҮҮРЭЙ ТОЛОН» ГЭЖЭ РОМАН СОО ХЭРЭГЛЭЛГЭ

(РГНФ-эй грантын мүнгэн туһаламжын дэмжэлгээр энэ статья бэшэгдэбэ)

Буряад литературын үндэһэ нуури табилсагшадай нэгэн болохо Х.Н.Намсараевай зохёолнууд ямаршые сагта өөрынгөө удха шанар гээгээгүй ба гээхэшыегүйнь сохом. Уран хурсаар, арадай хэлэнэй маягаар бүтээгдэһэн, буряад зоной нуудал байдал, зан абари, ёһо заншал харуулан зохёолнуудынь буряад зоной түүхын хуудаһанай таһаршагүй гэршэ болоно гэхэдэ алдуу болохогүй. Энэ дурсагдаһан зүйл тухай Л.Д.Шагдаров «К характеристике языка и стиля произведений Х.Намсараева» гэжэ статья соогоо нигэжэ бэшэһэн байна: «Уран зохёолшо буряад хэлэнэй лексико-фразеологическа баялиг, элдэб уран аргуудые, грамматическа формонууд болон олон янзын хэлбэритэй мэдүүлэл болон үгүүлэлнүүдые гүйсэд дүүрэнээр хэрэглэһэн байна» (оршуулга – Ц.Б.) [Шагдаров, 1979, с. 42]. Тодорхойлон хэлэбэл, урданай нуудал байдал харуулхадаа, тэрэ үсын эд хэрэгсэл тэмдэглэһэн үгэнүүдые тон тааруугаар, зүбөөр хэрэглэһэн, зүүн зүгэй болон ород хэлэнһээ абтаһан хуушанай үгэнүүдые, олон ондоо түхэлэй фразеологизмуудые, элдэб тропнуудые болон арадай сэсэн мэргэн хүмүүжүүлхы удхатай үгэнүүдые Х.Намсараевай бодотоор хэрэглэһыень согсолон тэмдэглэһэн байна. Багахан хэмжүүрэй статья соо зохёол соо хэрэглэгдэһэн бүхы зүйлнүүд дээрэ тогтохонь бэрхэтэй. Гэбэшые Л.Д.Шагдаровай энэ статья уран зохёолые хэлэнэйн ба стилиин талаһаа шэнжэлхэдэ ехэһэн түлхисэ боложо үгэһэн байна.

Х.Намсараевай зохёолнуудые дахин дахин уншахадаа, хэлэнэйн баяниие, уран хурсые гоёшоожо ханахаар бэшэ ба үнэн зүрхэнһөө энээн-дэнь омогорхохоор.

Тус статья бэшэхэ нэдэлгэ хадаа манай талаһаа буряад хэлэнэй тайлбари толи зохёохо хэрэгтэй ехэһэн холбоотой. Хэлэ бэшэгэй таһагта хэдэн олон жэлэй туршада тайлбари толи зохёохын тула нэгэ миллионһоо үлүү картотекэ буряадай элитэ уран зохёолшод: Х.Намсараевай, Ж.Тумуновай, Ж.Балданжабоной, Б.Мунгоновай, Д-Р.Батожабайн, Ш-С.Бадлуевай болон мүн бэшэшые уран зохёолшодой бүтээлнүүдээр байгуулагдаһан юм. Харин Х.Намсараевай зохёолнуудаар нэгэшые үгэ алгадангүй картотекэ табигдаһан байгаа. Мүнөө тайлбари толи зохёожо байхадаа,

Х.Намсараевай зохёолнуудаар байгуулагдаһан картотекэ хэрэглэн хүдэлжэ байхадаа, тэрэнэй буряад хэлэнэйнгээ дундаршагүй баялиг бүрин дүүрэнээр хэрэглэжэ, ухаанда хадуугдама, мартагдашагүй зохёолнуудые бүтээһэндэнь, онсо руан бэлигэйн булаг шэнги бурьялан гарадаг байһые онсо тэмдэглэхэ дуран хүрэнэ.

Энэ статья соо уран зохёолһоо абтаһан бодото жэшээнүүд дээрэ үндэһэлжэ, зарим тэды зүйлнүүдые хаража үзэхэ хүсэлтэйбди.

Х.Н.Намсараев хадаа урда үеын ахамад уран зохёолшодой нэгэн байһан туладаа тэрэ үедэ үргэнөөр хэрэглэдэжэ байһан аад, мһнөөнэй буряад хэлэндэ үсөө хэрэглэгдэдэг болоһон, мүн хэрэглэгдэхэезыше болижо байһан урданай буряадудай нуудал байдалай ойлгосонуудые, эд хэрэгсэл тэмдэглэһэн үгэнүүдые гүйсэд хайнаар мэдэдэг байгаа гээд үшөө дахин дабтаха шухала. Тус статья соо Х.Намсараевай буряад хэлэндэ нягта наринаар хандажа, үгэнүүдые ямар ушарта, яаж зүбөөр, уран гоёор хэрэглэб гэжэ шэнжэлхэ зорилго табигдана.

Л.Д.Шагдаров Х.Намсараевай зохёолнуудай онсо баян, уран хурса үгэтэйень тэмдэглэхэ зуураа, ингэжэ бэшэһэн байдаг: «Х.Намсараев өөрынгөө зохёолнууд соо гүйсэд дүүрэнөөр, шадмар бэрхээр арадай хэлэнэй дарамалые (сокровища), уран хурса үгэнүүд болон обородуудые, хуушан монгол хэлэнэй хэдэн зуун жэлнүүдтэ мүлигдэн ерэһэн бэшэгэй хэлэнэй үгэнүүдые, хуушарһан үгэнүүдые, үсөө хэрэглэгдэдэг болоһон үгэнүүдые, ннитэ-публицистическэ стильдэ шэнээр бии болоһон үгэнүүдые ба калькануудые хэрэглэһэн байна» (оршуулга – Ц.Б.) [Шагдаров, 1974, с. 289].

Саашадаа тодорхой жэшээнүүд дээрэ бүгэдэ монгол хэлэнүдэй үгын санда бии байһан аад, буряад хэлэндэ үсөө хэрэглэгдэдэг болоһон үгэнүүдые Х.Намсараевай зохёолнууд соогоо яаж хэрэглэһыень харуулха хүсэлтэйбди. Автор тэдэ үгэнүүдэй удха хайн мэдэхэ байжа, таараха газартань тон тодо зүбөөр, уран гоёор хэрэглэжэ шадаһан байна.

«Оройгоороо абар-табар нарһан модотой болдог толгойн баруун һэжжүүртэ хэдэн муухан зуһалангууд эндэ тэндэ харагдана»

Энэ мэдүүлэл соо һэжүүр гэжэ үгэ ямар нэгэ юумэнэй заха гэжэ ойлгодоно. Я.Цэвэлэй «Монгол хэлний товч тайлбар толь» соо «Сэжүүр – юумны зах үзүүр» гээд тайлбариллагдана [Цэвэл, 1966]. «Буряад-орд словарь» [Черемисов, 1973] соо энэ үгэ оруулагдангүй орхигдоһон байна. Х.Намсараев роман соогоо энэ үгы болдог толгойн баруун захада, үгышые хаа болдог толгойн баруун тээ гэһэн юрын үгэнүүдээр харуулангүй, үсөө хэрэглэдэдэг болоһон бүгэдэ монгол хэлэнүүдэй үгын сан сооһоо энэ үгэ һэргэжэ зохидоор хэрэглэһэн байна.

Х.Намсараев «Үүрэй толон» гэхэн роман соогоо арадай дунда сэсэн бодолтой, хорон хурса хэлэтэй, баяд ноёдто доромжолуулдаггүй, хэндэшье мүхөөгөө үгтэдэггүй, шнидэнги сэхэ зантай хүнүүдэй байдагые Доржо үбгэнэй образоор харуулхадаа, хэрһүү гэжэ үсөө хэрэглэгдэдэг болон үгөөр Доржо үбгэнэй зан абари элирхэйлхэн байна: «Энэ Доржо үбгэн анханһаа нааша ахирхан шадалтай, аминдаханаа һуудаг хүншье наа, баяд ноёдой гарта ородоггүй, хара бодолтой, хэрһүү зантай, хурса хадхуур яһан шэнги хорон хэлэтэй дээрһээ Бадма абгай мэтын баяшуулай муу муухай ябадалыень олоной нюур дээрэ онгиргожо обооргожо, улайса сайса хуха нуга хэлэжэрхидэг дээрһээ...»

Монгол хэлэндэ хэрсүү гэхэн үгэ иигэжэ тайлбариллагдана: «үйл явдалд хашир хянамгай, болгоомж сэрэмж сайтайгий нь» [Цэвэл, 1966].

Тус ушарта хэрүү гэжэ үгэ нарин нягта, болгоомжотой гэхэн удхатайгаар хэрэглэгдэжэ, тон таараха газартаа байна гээд тэмдэглэхэ ушартайбди. «Буряад-ород словарьта» хэжүүр, хэрһүү гэхэн үгэнүүдэй үгтөөгүйнь харамтай.

«Зунай бүгшэд бүүдэгэр һуни бүри оройхон боложо, нойр хүрээжэ, үнэгэнэй харанхын эхилэн байхада, Галиын гэрэй томогто уяатай улиршэһэн янзатай нэгэ морин хазаарайнгаа амые химэлэн ханхинуулжа...»

Энэ мэдүүлэл соо улиршэһэн гэжэ үнгэрхэн сагай причасти манай анхарал татана. Тус причасти үлиршэ= гэжэ үйлын гансата болоһые харуулһан глаголой түхэлһөө гараһан байна. Үлиршэһэн гэжэ причасти элирхэйлхэн удхатайгаар хэрэглэгдэхэдээ, үйлын түргэн үнгэрһые харуулһан удхаяа гээжэ, шангадхаһан удхатайгаар хэрэглэгдэнэ гээд тэмдэглэе. Энэ үгын удха контекст сооһоо ойлгоходо, уяанда удаан байжа залхууршаһан морин тухай хэлэгдэнэ гээжэ тухайлнабди. Монголшье, буряадшье словарь соо энэ үгэ тайлбариллагдангүй үлэшэһэн байна. Словарь зохёогшодто энэ үгэ шэнжэлэн тайлбарилха зорилго табигдана.

Жэшээ: *«Зүүн хаяада тоһо ишлүүлжэ бүгдэгэиэн байһан набтагар муу хубсаһатай, хэгээрэн татаһан наһанай эхэнэр тээиш ёлогод гэжэ...»*

Энэ дэлгэрэнгы холбуулалай элирхэйлхэн хубинь – хэгээрэн татаһан наһанай гэхэн хубинь бүрин удхатай халашагүй (цельное словосочетание) холбуулалаар гараһан байна. Хэгээрэн гэхэн деепричасти гарбалайнь талаһаа харабал, хэгээрэ= гэжэ глаголой нууриһаа гаража, татаһан гэжэ үнгэрхэн сагай причаститай холболдожо, дутамаг шанар харуулна. Энэ үгэ удхын талаһаа харахада, «Буряад-ород словарь» соо «вянуть, блекнуть, увядать» гэжэ оршуулагдана. Я.Цэвэлэй тайлбари толи соо хэгэрэх гэжэ үгын тайлбари инимээр үгтэнхэй: «юмны өнгөн этгээд дарагдах шүргэгдэх мэтээр холтрох, зулгарах, шалбарах». Манай ханахада, монгол хэлнэй словарь соо энэ үгэ сэхэ удхаараа, зүбөөр тайлбарилгадаа гэхэдэ болохо. Х.Намсараев энэ үгөөр абстрактна удхатай юумэ-

нэй нэрэ элирхэйлхэдээ, зорюута тэрэнэй шэлжээн удха хараадаа абажа хэрэглээн байна. Иймэ наринаар, уран зохидоор тааруулан бэшэхэ гээшэ ахамад уран зохёолшын онсо хурса бэлиг талаан, үндээн үгээс бүхы талаһаань хинажа хэрэглэлгэ болоно бшуу.

Ном

Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. – Улаанбаатар, 1966.

Черемисов К.М. Буряад-оруд словарь. – М., 1973.

Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. – Улан-Удэ, 1974.

• • •

С.Е. Баянова,

Читинский госуниверситет, г. Чита

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ПРОБЛЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИАХРОННОЙ
СОЦИОЛИНГВИСТИКИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОМИССИИ
А.Н. КУЛОМЗИНА, 1897 г.)**

Из традиционно предлагаемых социолингвистических методов сбора материалов (непосредственное наблюдение, анкетирование, интервьюирование, анализ документальных источников) диахроническая социолингвистика может оперировать лишь одним – последним. При решении ряда проблем региональной диахронической социолингвистики, в частности анализа языковой ситуации и осмысления направлений языковой политики на определенных этапах развития общества, такими документальными источниками могут выступать фонды Государственного архива Читинской области (ГАЧО), Агинского Бурятского автономного округа, печатные и письменные источники исследователей Забайкалья XIX в. и др. Одним из таких документов стали материалы комиссии А.Н. Куломзина, проведенной на территории Забайкальской области в 1897 г. для изучения вопроса об юридических основах землевладения и землепользования.

Материалы комиссии свидетельствуют, что общая численность населения Забайкальской области на 1897 г. равнялась 561542 чел., все население области можно подразделить на две большие группы: на туземные, инородческие племена – бурят и тунгусов, и на представителей различных национальностей Европейской России. В составе последних главное по численности место занимают русские, затем идут евреи, татары, поляки и прочие. Авторы [Материалы, 1898, с.79] отмечают, что в силу поставленных целей не пред-

ставляется возможным определить точное число лиц каждой отдельной национальности, входящих в состав второй группы, они определены как представители христианских вероисповеданий и обозначены словом «русский», в виду значительного преобладания в них русских. Им противопоставлены нехристиане, т.е. евреи и татары. Подтверждается вывод, сделанный на основе анализа других источников, исследованных нами, в частности фонда 19 ГАЧО количественное преобладание русского населения над аборигенным (бурятским и эвенкийским) говорит о тенденции изменения языковой ситуации к концу XIX в. с бурятско-русского двуязычия на русско-бурятское.

К концу XIX в. создается ряд школ разного направления и профиля. Увеличивается число миссионерских школ, главной целью которых было обучение детей местного населения русскому языку, приобщение детей коренного нерусского происхождения (бурят, тунгусов, хамниган) к православной вере и утверждению их в ней и правилах христианской нравственности, в 1883 г. в этих школах занималось 104 ученика [Басалаев, 2000, с.49]. Увеличивается и количество обучаемых в учебных заведениях, что находит подтверждения и в материалах комиссии. [Материалы, 1898, с.79].

Ученые комиссии уделили внимание определению уровня грамотности населения, причем, при решении этого вопроса имелось в виду знание не только русского языка, но также монгольского и тибетского языков. Монгольская и тибетская грамотность распространена только среди инородческого населения, тибетская, главным образом, среди лам и монашествующих, так как все богослужебные книги ламаистов составлены на тибетском языке. Преподавание тибетского языка на территории края осуществлялось в одной единственной школе – Гусиноозерской, и, как отмечает комиссия, преподавание производилось механическим способом – заучиванием. Знание языка использовалось в бытовых целях.

Создание сети школ в Забайкалье в XIX в. оказало заметное влияние на изменение языковой ситуации в регионе. Увеличение числа школ, где обучение велось на русском языке и русскому языку, создавало благоприятные условия для функционирования этого языка как языка официального, межнационального общения и медленному забвению бурятского и эвенкийского языков, что практически произошло в советское время, когда образование стало светским.

Литература

Басалаев А.Г. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области (1884–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Чита, 2000.

Материалы Высочайше утвержденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской области. Вып. 6. Население, значение рода у инородцев и ламаизм / Сост. Н. Разумов, И. Сосновский. – СПб, 1898.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ
У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)**

Русский язык в системе коррекционно-развивающего обучения занимает лидирующее положение среди других школьных предметов, так как его роль успешности обучения в целом является основной. При обучении детей с задержкой психического развития русскому языку ставятся те же задачи, что и в массовой школе. Изучение русского языка направлено на формирование у школьников грамотного письма, развитие их речи и мышления, на разностороннее становление их личности. Однако в содержание учебной программы вносятся некоторые изменения. Учащихся с ЗПР крайне затрудняет составление сложного плана, поэтому этот вид работы из раздела «Развитие речи» 6 класса перенесён в 7 класс. Соответствующие темы разделов «Словообразование и орфография», «Морфология и орфография» предваряются практическими упражнениями в словообразовании. Такие изменения делают курс русского языка доступным для усвоения школьниками с ЗПР, позволяют высвободить время для языковой подготовки учащихся к изучению программного материала и работы над трудными темами, составляющими основу грамотности.

Психические особенности детей с трудностями в обучении обуславливают специфику в подходе к отбору содержания учебного материала для уроков русского языка. На первый план выдвигается то содержание, которое обеспечивает формирование положительной мотивации учебной деятельности. Учебная деятельность должна быть богатой по содержанию, требовать от школьников интеллектуального напряжения. В то же время учебные задания необходимо подбирать так, чтобы они были доступны каждому ученику как по темпу, так и по характеру деятельности. Важно, чтобы школьники поверили в свои возможности, испытали успех. Именно успех должен стать сильнейшим мотивом, вызывающим желание учиться. Важнейшее условие эффективного и доступного построения учебного процесса заключается в том, чтобы в каждой теме выделить базовый материал, подлежащий многократному закреплению, а также дифференцировать учебные задания в зависимости от коррекционных задач.

Каждый учитель-предметник уже на самом первом уроке формирует мотивационную сферу изучения данного предмета, говорит о роли изучаемого предмета в жизни общества и человека, о том, как интересен этот предмет

для изучения, насколько он необходим в будущем для получения престижной профессии.

Первые уроки учебного года в каждом классе играют особую роль в развитии интереса в изучении родного языка. Традиционно эти уроки начинаются чтением высказываний деятелей культуры и искусства о русском языке, его значимости. Подобный материал напечатан на первых страницах в учебниках русского языка для каждого класса. Это прекрасная подборка, но «высокий стиль» высказываний, пафос не воздействуют на школьников, не затрагивают чувства детей (особенно учеников с ЗПР), они не в состоянии всё это запомнить, осознать.

Задача учителя – сделать первый урок ярким, запоминающимся, но в то же время материал урока должен быть близким и понятным ученикам с ЗПР. На вопрос учителя: хотели бы, чтобы язык каждого из вас был ТОЧНЫЙ, ЯРКИЙ, МЕЛОДИЧНЫЙ, ЗВУЧНЫЙ, НЕЖНЫЙ, ЛАКОНИЧНЫЙ, БЕЗУПРЕЧНЫЙ, ОСТРЫЙ, СТРАСТНЫЙ, САМЫЙ – САМЫЙ ЯЗЫКАСТЫЙ?

Ученики, конечно же, отвечают положительно. Далее предлагаю назвать несколько определений из только что произнесённой фразы. Ребята называют одно – два. Это очень мало. Рассматриваем лексическое значение слова *лаконичный* – (греч.) краткость и чёткость в изложении мысли. Согласно преданию, этим качеством отличались жители древней Лаконики – спартанцы. *Страстный* – проникнутый сильным чувством, чувством любви.

Работая над тем, чтобы ребята запомнили эти яркие определения, интонируем несколько раз хором фразу, меняя силу звука (получается очень красивый ритмический рисунок), а затем предлагаю воспроизвести по памяти; следующий этап – запись в тетради.

В нашем языке хранится множество фразеологизмов, связанных с понятием «язык». Предлагаю ребятам вспомнить и назвать яркие образные выражения, в которых звучит слово «язык». «Найти общий язык», «язык заплетается», «язык на плече», «прикусить язык», «держат язык на привязи», «как корова языком слизала», «чёрт дёрнул тебя за язык», «типун тебе на язык» (типун – болезнь птиц: хрящеватый нарост на кончике языка; шутивное пожелание говорящему о том, что этого не следует говорить), «язык проглотил», «язык без костей» и т. д. Выясняем лексическое значение отдельных слов и выражений. Фразеологизмы украшают нашу речь, делают её меткой, с их помощью можно коротко сказать о многом. Дома ученики создают иллюстрации к данным выражениям. На следующем уроке рассматриваем оригинальные рисунки (выставка работ). После проделанной работы в памяти учеников остаётся довольно большое количество фраз, которые они воспринимают осознанно и «предметно».

Ученики работали «живо», материал вызвал интерес, они узнали нечто новое о «языке», приблизились к пониманию значения слов. Урок мотивационен по существу, он приближает учеников к пониманию важности изучения языка.

Необходимое профессиональное умение учителя-словесника – это анализ учебного материала с выходом на естественную мотивацию самой грамматикой, сущностью языка. Вопросы мотивации тесно связаны с целями и задачами обучения. Приступая к анализу темы, «даём ей характеристику» с точки зрения её места в языке, роли в развитии речи, преемственности с другими темами, трудностью усвоения.

Изучению темы «Фразеологизмы» в 6 классе отводится 2 часа. Фразеологизмы – богатейшее выразительное средство языка. Фразеологическое богатство любого языка – это достояние его народного национального языкового сознания. Ведь большинство фразеологизмов непереводаемо на другие языки: каждая нация проявляет в них свой характер, свою излюбленную метафоризацию, привычный образный склад речи. Во фразеологии запечатлён огромный исторический опыт народа, в ней отражены трудовая деятельность, быт и культура нации.

Во-первых, эта тема не замыкается в рамках 6 класса, она «проходит» через многие темы морфологии, синтаксиса, лексики, является сквозной. Во-вторых, тема самой сутью своей связана с развитием речи и играет существенную роль в этом процессе. В третьих, фразеологизмы – мировоззренческая тема, она показывает богатство, выразительность языка в его «предметном» проявлении. Цель изучения данной темы: научить употреблять фразеологизмы, в устной и письменной речи, обогащая её. Задачи по отношению к цели являются этапами её достижения.

Задачи изучения темы «Фразеологизмы»: введение понятия «фразеологизмы»; обучение умению раскрывать смысл фразеологизма; обучение умению работать со специальными словарями фразеологизмов, а также находить фразеологизмы в толковых словарях русского языка; обучение конструированию предложений с фразеологическими оборотами; обучение умению пользоваться фразеологизмами в практике устных высказываний и в письменных работах.

На перемене ребята рассматривали выставку рисунков к теме «Фразеологизмы», которые были созданы учениками предшествующих лет, их сёстрами и братьями. У школьников возникает сразу масса вопросов, появляется интерес. Почему эта очаровательная девушка «стреляет глазками», а человек, сидящий на носу, делает зарубки топором? Почему это сердце обливается кровью, а вот это разбилось на мелкие кусочки или сложено из камней? Что это всё обозначает?

Без мотивации трудно представить развитие учебной деятельности. Мотив – это начало, побуждение, рождающее мысль и затем действие.

В учебнике даётся определение понятия «фразеологизмы» – это устойчивые сочетания слов, равные по значению либо одному слову, либо целому предложению.

Данное определение – это точная научная формулировка. Но очень сложно сказать: вызывает ли оно мотивацию.

У любознательных учеников возникает вопрос: «Зачем нужны в нашей речи фразеологизмы?» Такой вопрос создаёт условия для мотивации. История происхождения отдельных фразеологизмов, рассказанная учителем или прочитанная по «Словарю русской фразеологии». [Историко-этимологический справочник. А.К. Бирих, В.М. Мокшенко, Л.И. Степанова, Г. Санкт-Петербург, Фолио-Пресс, 1998г.], просмотр шуточных иллюстраций, созданных самими ребятами – всё это оживляет «сухой» грамматический материал. Что обозначают такие выражения: стрелять глазками, глаза разбегаются, смерить глазами, глаза на мокром месте, глаз набит, не прячьте глаза? Можно ли в них пропустить или заменить какое-нибудь слово, не изменяя значения этих сочетаний слов? Шестиклассники размышляют над значением этих выражений, в какой ситуации можно использовать то или иное выражение. В этом задании очень важен сам процесс поиска слова, размышление над смыслом выражения, обдумывание, сравнение различных вариантов.

Домашнее задание стимулируется возможностью выбора по уровню знаний, умений, интересов

Итак, интерес как один из компонентов мотивации создаётся материалом темы «Фразеологизмы», способом подачи изучаемого материала, эмоциональным поощрением школьников.

*С.П. Васильева,
Якутский госуниверситет, г. Якутск*

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЯКУТСКОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Республика Саха (Якутия) – многонациональный субъект РФ. В ней (по итогам переписи населения 2002 г.) проживает 949 тысяч человек 120 национальностей, в т. ч. якутов – 432290, русских -390671, эвенков – 18232, эвенов – 11657, долган – 1272, юкагиров – 1097, чукчей – 602 и т. д.

Государственными языками в республике являются русский и якутский языки, а эвенкийский, эвенкийский, юкагирский, долганский, чукотский языки – официальные языки в местах компактного проживания малочисленных народов Севера.

Родным язык своей национальности считают 87, 4% саха, 6, 5% эвенков, 20, 7% эвенов, 37, 7% чукчей, и 19, 5% юкагиров. По сравнению с переписью 1989 г. у якутов число лиц, назвавших родным язык своей национальности, сократилось на 2, 4%, по сравнению с 1994 г. – на 4, 5%.

25% населения республики (220 тысяч чел.) проживает в столице республики – городе Якутске. В столице, как и в целом по республике, преобладает якутско – русское двуязычие. Русско – якутское двуязычие почти не развито.

На территории республики функционируют 11 вузов и около 20 филиалов учебных заведений. Главным вузом республики является Якутский госуниверситет.

На 23 подразделениях Якутского госуниверситета, отметившего в 2006 г. 50-летний юбилей, обучается более 21 тысячи студентов по 56 специальностям и 16 направлениям.

В Якутском госуниверситете якутский язык используется: 1) как язык преподавания на факультете якутской филологии и культуры, где по учебным планам основных специальностей «Филология» и «Культурология» родной язык является основным; 2) как язык обучения в некоторых педагогических отделениях, в которых идет подготовка учителей для якутских школ; 3) как предмет обучения на всех подразделениях.

Преподавание якутского языка имеет давние традиции. Методика преподавания якутского языка как родного (для владеющих) разрабатывалась с 20 –ых годов 20 века непосредственно на трудах ведущих языковедов и неразрывно связана с именами таких корифеев якутской филологии, как С. Новгородов, П. Ойунский, Н.С Григорьев, Л.Н.Харитонов, Е.И. Убрятова, Н.К. Антонов и др.

А обучение якутскому языку студентов нефилологических факультетов ведется только с 1996 года. В этом учебном году якутскому языку обучаются 1642 студента на 17 подразделениях: 43% из них занимаются в группах продвинутого обучения, 32% – в группах для продолжающих, 25% – в группах для начинающих. Учебно-методический комплект для трехуровневого обучения студентов неязыковых подразделений разработан преподавателями кафедры стилистики и перевода ФЯФК под научным руководством проф. Т.И.Петровой, в 2004 г. компоненты УМК получили гриф УМО (г. Москва).

Для усиления мотивации в обучении проводится ежегодный конкурс «Знаатоков русского языка», в котором принимают участие более 200 студентов. Победу одерживают команды экономистов, юристов, не отстают от них будущие учителя, биологи, медики.

Часы на предмет «Якутский язык» выделяются из часов (от 18 до 72 ауд.), предусмотренных в учебных планах специальностей на НРК.

Безусловно, в преподавании якутского языка для не владеющих имеется множество нерешенных проблем. Это, в первую очередь, обновление технологии обучения, которая позволила бы добиться необходимого для общения владения языком за короткое время.

Вызывает тревогу сокращение учебного времени, отводимое на НРК. Несомненно, и в период перехода на Болонский процесс должно быть уделено достаточно времени и внимания каждой составляющей диалога и полилога культур и языков, каждому компоненту двуязычия (многоязычия).

Учителям и преподавателям языков народов РФ нужен Центр, где мы могли бы обмениваться приемами, методами, инновационными технологиями, достижениями методики в преподавании родных

Д.Е. Восканяни,
МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА. ПЕРЕВОД И АНАЛИЗ ОБЩИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Перевод и выявление общих лексических элементов с определением конкретных тюркских и монгольских основ предполагает проведение языковых параллелей соответственно определенным критериям. В разных языках мира существует множество различных словоформ, обозначающих один и тот же предмет, действие, свойство и т.д., но в то же время при детальном их рассмотрении и, часто, дословном переводе выявляются формы, корни которых родственны, либо типологически схожи, как считают многие ученые. Обратимся к тюркским и монгольским языкам и рассмотрим некоторые названия частей тела, перевод которых позволяет нам выявить параллели в исследуемых языках.

Слова, обозначающие названия частей тела человека, и какие-либо термины, связанные с ними, это один из наиболее древних пластов в лексике тюрко-монгольских языков. Рассмотрим некоторые названия, имеющие общекорневые основы в данных языках.

Для обозначения внешнего вида, облика человека в киргизском языке употребляется слово *чырай* «черты лица», «красота лица», «образ», параллельное ему слово в монгольском языке *царай* употребляется в этом же значении. Ср.: алт. *чырай*; тув. *шырай*; хак. *сырай*; каз., к.-калп. *шырай*; уйг. *чирай*; узб. *чирой*. Синонимом этого слова в ряде тюркских языков выступает слово *жуз* «лицо», «щеки», параллели которого в этом же значении имеются в монголь-

ском в форме *зус* (вид, внешность). Как показывает пример, общие корневые морфемы в рассматриваемых языках по своей фонетической структуре сходны. Наблюдаются общезакономерные соответствия *ч ~ ш ~ ц, ж ~ з; а ~ ы ~ и*.

Фонетические различия этого слова состоят в том, что в начале слова в монгольском звук *х* соответствует в тюркских языках звукам *к* и *г*.

В киргизском и казахском языках имеется слово *кару* — «часть руки от локтя до плеча». Корневая морфема этого слова в форме *гар* — «руки» имеется в монгольском языке. От именной основы *гар* в монгольском образуется глагол типа *гарда* «делать что-либо руками», «брать в руки». Данное слово, по-видимому, имеет монгольское происхождение. В отличие от монгольского кирг. *кары//кару* обозначает не всю руку, а лишь ее часть — локтевую. По-видимому, от *кары//кару* в тюркских языках образовано слово *карыш* «мера длины расстояние между концами раздвинутых большого и среднего пальцев». Ср.: тур. кирг. *карыш*; уйг. *герич*; туркм. *гарыш*.

Эта корневая основа кроме значения «кровеносный сосуд», «артерия», «вена» в тюркских и монгольских языках имеет более широкое значение, т. е. «пульс», а также обозначает «корень растения и дерева» (тюрк), «сила», «крепость», «здоровье», «энергия», «бодрость» (монг.). От корня *тамир* при помощи аффиксов в монгольском языке образуются новые значения. Например: *тамирч(ин)* «физкультурник», «спортсмен», *тамиртай* «сильный», «мошный» и т.д. В тюркских языках также с помощью различных аффиксов образуются новые семантические значения. Например, кирг. *тамырчы* «лекарь», *тамырлуу* «с корнем», «со множественством корней», *тамырла* «пускать корни» и т.д. Ср.: хак. *тамырла, тамырлан*.

Монг. *цахлай* «лишай», «сухой лишай на лице, на голове», параллель имеется только в киргизском языке *чакалай*. В остальных рассматриваемых языках ему соответствуют другие слова. Например: тув. *дорылга*; хак. *тимірö//тибире*; к.-калп. *темирреу//темиретки*; уйг. *темирэткэ* и т.д. Наряду с *чакалай* в киргизском в этом же значении употребляется слово *темирөткү*. Такие монгольские слова, как: *умай* «утроба», «чрево», *цэцгэй* «зеница», «зрачок», *богино кавырга* — «первое короткое ребро», имеют параллели соответственно с фонетическими различиями в основном в киргизском и частично в алтайском и казахском языках (последнее слово имеет широкие соответствия, ср. тур. *арка* «спина») [Сыдыков, 1983, с. 41].

Результаты перевода и проведенного анализа, соответствующих форм свидетельствуют о том, что общую тюрко-монгольскую лексику можно разделить на две группы. Одна из них, первичная, восходит к глубокой древности, к языку, не засвидетельствованному временем; другая, вторичная, появилась в результате взаимных, политических, экономических и культурных связей между различными монгольскими и тюркскими народами, главным обра-

зом, в средних веках. Реконструкция лексики следует за реконструкцией двух других уровней – фонетики и морфологии и влечет за собой реконструкцию третьего уровня – семантики слова, которая требует тщательного анализа при филологическом исследовании и изучении языков [Тенишев, 2001, с. 41]. Это лишний раз указывает нам на важность перевода лексики в целом и значимости интерпретации иностранных слов.

Литература

Сыдыков С. Монгольско-тюркские языковые параллели. – Фрунзе, 1983.

Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – 2-е изд., доп. – М., 2001.

Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). – СПб., 1997.

Ю.В. Гармаева,

Городской музей, г. Улан-Удэ

ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЯТСКОЙ ПОЭЗИИ

Современная бурятская поэзия, вобравшая в себя опыт восточных и западных традиций, это довольно обширная область. Талантливые, самобытные поэты обращаются к извечным вопросам. Мучительные поиски лирическим героем смысла человеческой судьбы, осознанная тяга к вечным темам рождает философские раздумья, исповедальность бурятской поэзии последних лет. В это время наблюдается существенное расширение круга тем, углубление поэтического мироощущения, усиление личностно – человеческого начала. Именно сегодня, в эпоху духовного разлада в обществе, нам нужны внимательные раздумья, силы гуманизма. В такой ситуации обостряется поиск человеком незыблемых ценностей духовного, смысла бытия, обращение к вечным темам.

Вечные вопросы бытия в творчестве современных поэтов: Д. Улзытуева, Л. Тапхаева, Б. Дугарова и Н. Нимбуева, звучат особенно сильно и глубоко, хотя каждый из художников слова индивидуально своеобразен.

Смысл человеческой жизни, бессмертия души, непостижимые законы Вселенной пытается постичь в своем творчестве Д. Улзытуев, особенно это прослеживается в сборниках его стихов «Ая Ганга», «Напев», «О земном пути». «Жизнь – Сансара» – таков лейтмотив творчества Улзытуева. По-буддийски реально, философски поставлены вопросы жизни и смерти, хотя лирический герой поэта воспринимает жизнь и смерть неоднозначно. Жизнь он воспри-

нимает как «битву, как вечный бесстрашный полёт», ему интересно жить, «петь о вечности». И в то же время разговор о смерти ведётся спокойно, без мучительных переживаний о бренности человеческой жизни. Логическое осмысление мира здесь дается конкретно: утверждается истина «Судьбой предначертано всем живым существам – уйти в мир иной». Лирический герой делает жизнеутверждающий вывод: раз судьбой предначертано, то данную жизнь надо прожить достойно, чтобы после него осталась добрая память: /...А был он парень неплохой, /Буряты скажут «Парень свой»/И помянут добром бродягу/ [Улзытуев, 1983, с. 80].

Но, даже уйдя в космическую бездну, мы возродимся и вернёмся. Таким образом, Улзытуев прослеживает путь человека, который может пережить и познать некий смысл бытия, тем самым подняться на более высокую ступень: «Всё, что пожелаем – возьмём. Всё, что задумано – исполнили». Несомненно и то, что он не приемлет малодушия. Лирический герой Улзытуева понимает, что суета отвлекает, в ней невозможно разрешить сложные вопросы бытия, а потому необходимо отбросить пустые желания и бесцельные дела (цикл стихотворений «Жизнь человека»). /В суете никогда ничего не решить, – /Не успеешь сказать, что открылось тебе, /Мирозданье накроет тебя темнотой.../ [Улзытуев, 1983, с. 110].

Родиться вновь, постигнув суть бытия для претворения своих целей, – это один смысл перевоплощения: /Жизнь прожив короткую, как жизнь подснежника, /моя гибкая светлая сестрёнка/На южном склоне горы/Переродилась, превратившись в подснежник/ [Улзытуев, 1974 с. 110].

Лирика Л. Тапхаева напоминает нам, что человеку суждено служить связующим звеном в смене человеческих поколений. Труд – вот одна из главных непреходящих ценностей на земле: /Труд, вошедший в улигеры, /Оставляет след в веках/ [Тапхаев, 1985, с. 26].

Л. Тапхаев – поэт многоликий, тяготеющий к философскому восприятию жизни. Его лирический герой вопрошает: /Перед воротами/В рай или ад/Мысли какие тебя посетят?/

Для одного смерть означает крах больших замыслов и дел, другой «суетливо оплачет себя». Одним из глубоко философских произведений Тапхаева является стихотворение «О старике, который верит в Верхний мир», высший мир добра и разума. Символично здесь название мира, противопоставленного «низшему» миру людей.

Природа героев Тапхаева – земная, поэт часто обращается к жанру баллады. Так, в «Балладе о коне» совмещена символика конкретного и абстрактного. Образ мирно пасущегося коня наводит на размышления о непредсказуемости человеческой дороги-судьбы: /... и путь человеческий /Будет неведом./И будет дорога его нелегка/ [Тапхаев, 1985, с. 63].

Мотивы гордого бессмертия, вечного, как «неприступных гор гранит» и кратости человеческой жизни, отданной на то, чтобы/Землю всю увидеть разом/И потом пропеть о ней!/ [Тапхаев, 1981, с. 7] звучат в стихотворении «Саянам». В страстном желании обрести вечную жизнь длиной в «тысячи веков», человек готов даже про себя забыть навеки, про свою бытую жизнь при условии «стоять и видеть землю мирной». Но даже в этом случае герой сомневается: понравится ли ему такое аршанное бессмертие, вынесет ли он вековечное равнодушное существование.

Гимном зарождающейся жизни звучат строки стихотворения «Золотой корень» из одноименного сборника. Здесь подтверждается истина – человек жив надеждой. Тапхаев стремится прикинуть суть происходящего, выразить через отношение к природе своё отношение к миру, к жизни. Лирический герой бурятского поэта напоминает нам о том, что в жизни каждого есть /... тот корень чудесный – /Начало начал.../... без корня/ Прекрасных цветов не бывает./

В картине мира поэта Б. Дугарова прослеживается влияние традиционных форм мировоззрения. В единении с природой, в её созерцании открывается единый смысл бытия, роль и значение человека в этом мире:/И проясняет смысл существованья/Простой огонь, гудящий в очаге/[Дугаров, 1980, с. 61].

Истоком для философского осознания жизни становится для поэта устоявшаяся народная философия, тоска по «прародине» («Звезда кочевника»). Герой поэта размышляет:/Что значит мой свет, если нету/Бессмертья?.. /Был смертен мой голос, /Но вечен вопрос [Дугаров, 1989, с. 99].

Тема жизни и смерти осмысливаются в цикле стихотворений «Сюита мгновений». По-японски сдержанно, даже буднично звучат строки о смерти, и тем пронзительно-невыносимей становится от этой неизбежности:/Похоронили / Старого табунщика./А внучке объяснили, /Что дед охотиться ушёл, /Не скоро он вернётся [Дугаров, 1994, с. 224].

Творчество Н. Нимбуева стоит особняком в бурятской поэзии. И дело не столько в раннем уходе талантливейшего поэта, сколько в его удивительном, тонко прочувствованном отношении к бытию, жизни и бренности. Единственный сборник молодого мастера слова «Стреноженные молнии» стал целым явлением в национальной литературе и по праву стоит в ряду великих произведений российской поэзии XX века. Умение увидеть в малом великое, выразить главное ёмкими пронзительными строками характеризует его творчество:/Где мой хур?/Песня сердца/Быть спетой желает/И щекочет уста/[Нимбуев, 2003, с. 55].

Поэт видит мир через призму ощущений, особенно если он пишет на языке ассоциаций:/Кто, кто окликнул меня на моём языке?/В голосисто-хрустальном безлодьё/Изумрудно-зелёные взрывы/Подмосковных берёз. Тень крыла на лице/[Нимбуев, 2003, с. 104].

Мотивы гордого бессмертия, вечного, как «неприступных гор гранит» и кратости человеческой жизни, отданной на то, чтобы/Землю всю увидеть разом/И потом пропеть о ней!/ [Тапхаев, 1981, с. 7] звучат в стихотворении «Саянам». В страстном желании обрести вечную жизнь длиной в «тысячи веков», человек готов даже про себя забыть навеки, про свою бытую жизнь при условии «стоять и видеть землю мирной». Но даже в этом случае герой сомневается: понравится ли ему такое аршанное бессмертие, вынесет ли он вековечное равнодушное существование.

Гимном зарождающейся жизни звучат строки стихотворения «Золотой корень» из одноименного сборника. Здесь подтверждается истина – человек жив надеждой. Тапхаев стремится прикинуть суть происходящего, выразить через отношение к природе своё отношение к миру, к жизни. Лирический герой бурятского поэта напоминает нам о том, что в жизни каждого есть /... тот корень чудесный – /Начало начал.../... без корня/Прекрасных цветов не бывает./

В картине мира поэта Б. Дугарова прослеживается влияние традиционных форм мировоззрения. В единении с природой, в её созерцании открывается единый смысл бытия, роль и значение человека в этом мире:/И проясняет смысл существованья/Простой огонь, гудящий в очаге/[Дугаров, 1980, с. 61].

Истоком для философского осознания жизни становится для поэта устоявшаяся народная философия, тоска по «прародине» («Звезда кочевника»). Герой поэта размышляет:/Что значит мой свет, если нету/Бессмертья?../«Был смертен мой голос, /Но вечен вопрос [Дугаров, 1989, с. 99].

Тема жизни и смерти осмысливаются в цикле стихотворений «Сюита мгновений». По-японски сдержанно, даже буднично звучат строки о смерти, и тем пронзительно-невыносимей становится от этой неизбежности:/Похоронили / Старого табунщика./А внучке объяснили, /Что дед охотиться ушёл, /Не скоро он вернётся [Дугаров, 1994, с. 224].

Творчество Н. Нимбуева стоит особняком в бурятской поэзии. И дело не столько в раннем уходе талантливейшего поэта, сколько в его удивительном, тонко прочувствованном отношении к бытию, жизни и бренности. Единственный сборник молодого мастера слова «Стреноженные молнии» стал целым явлением в национальной литературе и по праву стоит в ряду великих произведений российской поэзии XX века. Умение увидеть в малом великое, выразить главное ёмкими пронзительными строками характеризует его творчество:/Где мой хур?/Песня сердца/Быть спетой желает/И щекочет уста/[Нимбуев, 2003, с. 55].

Поэт видит мир через призму ощущений, особенно если он пишет на языке ассоциаций:/Кто, кто окликнул меня на моём языке?/В голосисто-хрустальном безлодьё/Изумрудно-зелёные взрывы/Подмосковных берёз. Тень крыла на лице/[Нимбуев, 2003, с. 104].

Чувствуется недосказанность, предложение читателю самому досказать, додумать. Это одна из особенностей лирики Н. Нимбуева.

Проблема войны является сегодня, пожалуй, едва ли не самой главной. Освещая гуманистические идеи в творчестве поэтов, нельзя обойти стороной и «военную» тему. Четыре столь разных поэта в присущей им творческой манере – эпически-былинно Д. Улзытуев, сурово-неторопливо Л. Тапхаев, скорбно-раздумчиво Б. Дугаров, импрессионистски-эскизно Н. Нимбуев, – пишут о войне. В наше время, когда война становится не только страшным опытом прошлого, но и трагической реальностью настоящего, особенно актуальны художественные произведения о необходимости мира на Земле, о праве человека на жизнь.

Литература

- Дугаров Б.С. Дикая акация. – М., 1980
Дугаров Б.С. Всадник: стихотворения. – М., 1989
Дугаров Б.С. Звезда кочевника: стихотворения. – М., 1994
Нимбуев Н.Ш. Стреноженные молнии. – М., 2003
Тапхаев Л. Золотой корень. – Улан-Удэ, 1981
Тапхаев Л. Наследство. – Улан-Удэ, 1985
Улзытуев Д. Ая гангын орон (на бур.яз.). – М., 1974
Улзытуев Д. Напев. – М., 1983

В.Н. Голодная,

Невинномысский ин-т экономики, управления и права, г. Невинномысск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАКА ЛЕКСЕМ С БАЗИСНОЙ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКОЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПТА «СВОЙ – ЧУЖОЙ» (НА ПРИМЕРЕ ПЕЙОРАТИВА «BASTARD»)

Система оценочных значений основана на двух основных признаках – «хорошо» и «плохо», которые представляются неразрывно связанными. Противопоставленность этих признаков кажется сама собой разумеющейся: good weather- bad weather; a good student- a bad student.

Такого рода парных сочетаний и целых высказываний достаточно много. Однако есть случаи, когда способы обозначения хорошего и плохого в языке неизоморфны, а употребление соответствующих единиц не обнаруживает симметрии [Вольф, 1986, с. 98]. На эту особенность оценки указывают и другие исследователи:

• «Оценочные семы лексического значения слова представляют собой положительную или отрицательную характеристики, относящиеся к полярным языковым категориям. Однако эту полярность следует понимать диалектически, учитывая относительный характер положительного и отрицательного полюсов» [Пазыч, 1984, с. 24].

• «...При более точном исследовании мы находим также, – писал Ф. Энгельс, – что оба полюса какой-нибудь противоположности – например, положительное и отрицательное – столь же неотделимы один от другого, как и противоположны, и что они несмотря на всю противоположность между ними, взаимно проникают друг в друга». [Маркс, Энгельс, 1975, с. 22].

• «Характерно, что в некоторых речевых ситуациях имена с пейоративной оценкой оказываются формами дружелюбного обращения к собеседнику» [Силинский, 1985, с. 107 – 108].

Это позволяет заключить, что несимметричность по оценке представляет собой достаточно распространенное явление, заслуживающее серьезного и подробного исследования.

Исследование оценочных категорий традиционно открывается вычленением структурных компонентов оценки. Общеизвестным фактом является наличие в структуре оценки равноуровневых составляющих, таких, как субъект, предмет, характер, основание, модальная рамка, аксиологический предикат. Кроме того, обязательным условием аксиологической коммуникативной ситуации является наличие, помимо субъекта (адресата) и предмета (объекта) оценки, еще одного ее участника: реципиента, выступающего одновременно как получатель и «толкователь» или трактовщик сообщения.

Несимметричность оценки возникает в случае противоречия между тем, что хорошо/плохо для данного социума и тем, что хорошо/плохо для конкретного индивида. Данное противоречие проявляется с помощью вербальных и невербальных средств (остенсивных стимулов). Рассмотрим данное явление на примере слова «bastard», употребляемого в двух разных контекстах.

К данной лексеме обращались такие исследователи, как Силинский и Азнаурова, анализируя механизм трансформации оценочного знака пейоративов. Так, С. В. Силинский пишет, что «для того, чтобы грубое слово не было воспринято буквально, как оскорбление, необходимо, чтобы его собственная семантика была подавлена соответствующей модальностью высказывания» [Силинский, 1985, с. 108]. Далее автор рассматривает диалог между двумя адвокатами, которые обсуждают жалобу жены на неверного мужа:

Hudson: I do not think he is such a bad chap./Bill: Poor bastard. (Os. 2, 38).

С. В. Силинский приходит к выводу, что в репликах юристов выражается ясное сочувствие к ответчику. «Здесь bastard утрачивает содержание, которое составляет основу его языкового значения (nasty person), или, во всяком случае,

это значение, подавляемое контекстом, точнее говоря, контекстными единицами, с мелиоративной коннотацией, явно ослабевает» (Силинский, 1985, с. 108).

Подобные случаи рассматривает Э. С. Азнаурова. В частности, о слове «bastard», употребленном в следующем контексте: «Do not die, you bastard», he said. «I love you» (Hemingway), она пишет, что «словарное стилистическое значение «bastard» определяется пометами term of abuse, разг. – грубое, грубое, vulgar и т. д. Уже в рамках микроконтекста оно вступает в противоречие с семантикой глаголов «love» и «do not die», что сигнализирует о необычном употреблении реализуемых единиц. Если же привлечь подтекстную ситуацию, то становится очевидным, что отрицательно-эмоциональный потенциал слова сохраняется, но используется в противоположной функции для выражения положительных эмоций персонажа, а необычная форма их выражения создает дополнительные экстралингвистические характеристики отправителя речи» [Азнаурова, 1973, с. 262].

По мнению С. В. Силинского, в подобных ситуациях выражаются смешанные эмоции, а не одно какое-то чувство: любовь и злость, раздражение и нежность и т. п. [Силинский, 1985, с. 108].

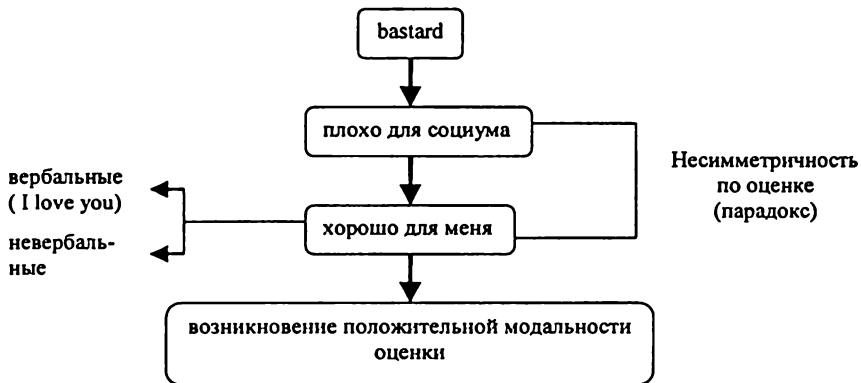
На наш взгляд, оба исследователя игнорируют тот факт, что в описанных ими ситуациях лексема «bastard» и другие слова и выражения с базисной отрицательной семантикой не всегда будут восприниматься как положительно окрашенные. Поэтому необходимо учитывать такие средства интерпретации модуса как социальный статус собеседников, степень их знакомства, психологические особенности, которые определяют принадлежность говорящего к категории «своих» или «чужих». Если говорящий плохо знаком с собеседником, занимает более высокое социальное положение или в силу индивидуально-психологических причин не приемлет употребления данного пласта лексики, т. е. собеседник для него – «чужой», трансформации оценочного знака слова «bastard» и других лексем с базисной отрицательной семантикой не произойдет даже при наличии контекстных единиц с мелиоративной коннотацией, которые могут выражаться как вербальными, так и невербальными средствами. Рассмотрим примеры высказываний, содержащих данный вид контекстных единиц.

I am not one these *noble bastards*, Mike told himself [The Angry Hills, p. 116].

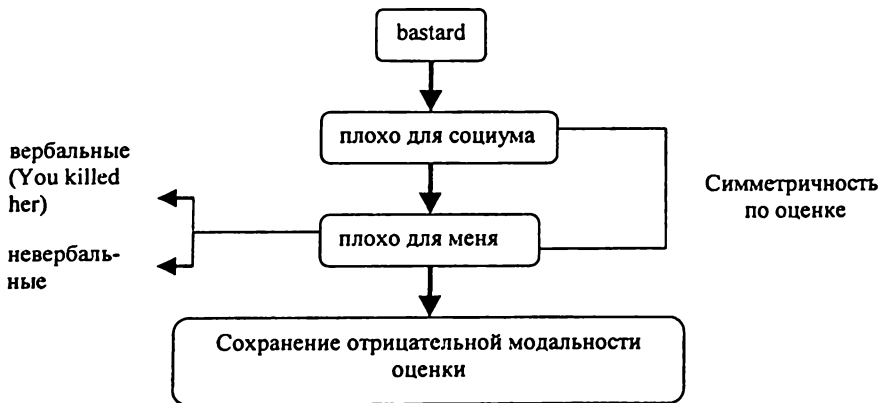
В данном примере пейоратив «bastard» сочетается с прилагательным мелиоративной семантики «noble». Однако несмотря на наличие контекстной единицы с положительной эмоционально-оценочной окраской, общая модальность высказывания остается отрицательной. Предуказанный контекст демонстрирует, что говорящий противопоставляет себя и характеризуемых лиц по линии «I – they» (these noble bastards), тем самым относя последних к категории «чужих». Наличие у данных людей положительных качеств, передаваемые прилагательным «noble», не представляет для говорящего ценности, по-

этому в результате оценочного парадокса между мелиоративом «noble» и пейоративом «bastard», в пейоративе сохраняется доминантный отрицательный модуль, а в мелиоративе «noble» реализуется рецессивный отрицательный, и аргументация высказывания сводится к речевому акту осуждения. Высказывания сводится к речевому акту угрозы.

1. Характеризуемый человек – «свой»: Bastard. I love you [Amanda, p. 311].

2. Характеризуемый человек – «чужой»: You bastard! You killed her! (Master of the Game, p.305).

Таким образом, при интерпретации поведения с позиции «своего» в лексеме с базисной отрицательной семантикой реализуется скрытый (рецессив-

ный) положительный оценочный модуль, который виден только говорящему и представляет ценность только для него. В случае интерпретации поведения с позиции «чужого» в лексеме с базисной отрицательной семантикой сохраняется доминантный отрицательный оценочный модуль.

Литература

Азнаурова Э. С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент, 1973.

Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо»/«плохо» // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5.

Ивин А. А. Основания логики оценок. – М., 1970.

Маркс К., Энгельс Ф. Анти – Дюринг // Соч. 2-е изд. Т. 20.

Пазыч Н. В. О категории оценки в современном английском языке // Семантика и прагматика языковых единиц. – Киев, 1984.

Силинский С. В. Речевая вариативность слова (На материале английских имен лица). – СПб, 1985.

Б.Б. Горяева,

Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, г. Элиста

ФУНКЦИИ ЗАГАДОК В КАЛМЫЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ О МУДРОЙ ДЕВУШКЕ

В сказках о мудрой девушке определяющее значение в развитии сюжета имеют иносказательная речь, прием загадывания и отгадывания. Основной конфликт всех вариантов данного сюжета в калмыцкой сказочной традиции также строится на загадывании ханом загадок и отгадывании их мудрой девушкой.

Сюжет 875 «Семилетка» («Мудрая девушка») [Сравнительный указатель сюжетов], широко известный в мировом фольклоре, распространенный и в восточнославянской сказочной традиции, бытует также и в калмыцкой. При этом отметим, что полное совпадение сюжета отмечается лишь в одной сказке четырехтомного сборника «Хальмг туульс» (далее по тексту – ХТ, с указанием года издания и соответствующими страницами).

В сказке «Хойр өргэллһн» («Две свадьбы (хана)») хан узнает о мудрости девушки косвенно (через ответы ее брата на вопросы о том, что быстрее и красивее всего) и лично убедившись в ее находчивости, жениться на ней. Далее хан, вынужденный признать перед хозяином кобылы собственную неправоту в решении спора (последний добивается этого благодаря совету ханши) и за это разгневанный на свою супругу, прогоняет ее, позволяя взять все, что она пожелает. Мудрая женщина забирает с собой сонного хана. После чего следует повторная женитьба хана [ХТ 1961, с. 111-113].

На бурятском материале С.С. Бардахановой в сказках о мудрой девушке выделены загадки-задачи, которые «предполагают разгадку метафористического смысла загаданного» и загадки-задания, которые «ставят целью реальное осуществление разгаданного» [Бардаханова 1992, с.163]. Данное разделение может быть применимо к загадкам, встречаемым в калмыцких сказках о мудрой девушке. К «загадкам-заданиям» можно отнести следующие поручения хана: девушке нужно сесть так, чтобы находиться ни внутри, ни снаружи кибитки; старику, отцу героини, – приготовить тарак/кумыс из молока быка; ханскому сыну – поймать оленя за рога, сварить мясо в деревянном котле, поймать лошадь о двух головах [ХТ 1974, с. 213-215; Калмыцкие сказки 1978, с. 27-28; Калян, с. 104-112]. В двух последних случаях ответ на загадки-задания находится не сразу, а спустя некоторое время, и предполагает включение третьего лица – мудрой девушки, подсказывающей правильные ответы своему отцу или мужу – глупому ханскому сыну. Включение в анализируемые сказочные сюжеты таких эпизодов подчинено единой цели – испытать мудрость девушки, которая должна стать женой хана (ханского сына).

Иногда в сказке имеется эпизод, когда невестка хана проявляет свою мудрость, верно определив корень и верхушку рукояти плети; из двух совершенно одинаковых и ростом, и мастью, и другими приметам кобылиц – мать и жеребенка; из двух змей похожих и цветом, и размером – особь мужского и особь женского пола [Калмыцкие сказки 1978, с. 27-28].

В калмыцких сказках о мудрой невестке хана, как и в бурятских, бывает включен эпизод получения письма от хана, уехавшего в гости и попавшего в плен. Этот момент не отмечается в сказках восточнославянской традиции, но присущ, по всей видимости, сказочной традиции монголоязычных народов. Разгадка иносказательного послания доступна только мудрой невестке хана, что и отмечается следующим: «Помните: ты, моя старушка, – доверчива; в табуне моем несчастный пегий жеребенок, но что отраднo, в сундуке моем имеется кусочек ароматного масла...» [Калмыцкие сказки 1978, с. 30].

Таким образом, в сказки о мудрой девушке включаются загадки и трудные задания на смекалку, без которых невозможно представить развитие сюжетной линии.

Литература

- Бардаханова С.С. Система жанров бурятского фольклора. – Новосибирск, 1992.
Калмыцкие народные сказки. – Элиста, 1978.
Калян А. Кел өргжүүлһнэ дегтр. – Элст, 1994.
Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. – Л., 1976.
Хальмг туульс. – Элст, 1961.
Хальмг туульс. – Элст, 1974.

МИФОЦЕНТРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В МОНГОЛЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

Литература монгольязычных народов достаточно исследована в сравнительном плане во взаимосвязи с культурами и литературами других народов, но почти отсутствует сравнительно-типологический анализ родственных связей между ними. При исследовании этнокультур в сравнительном плане актуальным видится изучение не только историко-функциональных, историко-генетических связей, но и процесс современной художественной эволюции.

В данной статье, выявляя этнокультурный компонент в монгольязычной поэзии XX века, мы рассматриваем творчество двух значимых поэтов Российской Федерации: калмыцкого поэта Д. Кугультинова, бурятского – Д. Улзытуева, сумевших гармонично сочетать художественно-эстетические традиции мифа, эпоса и народной песни с современными литературными процессами. В их творчестве не только использование древнейших поэтических традиций, культурного и эстетического топоса Центральной Азии создает особый лирический универсум, но и многосторонняя связь с мировоззрением и художественными принципами русской и мировой литературы.

Несомненно, без обращения к мифологическим и фольклорным традициям, неполноценно восприятие национального поэта. Этнокультурный компонент литературного наследия монгольязычных поэтов во многом исходит из древних языческих представлений их общих далеких предков. В своих поэмах Д. Кугультинов от лица народа, оказавшегося далеко за пределами исторической родины, показал, как они сохранили этническую идентичность, берегли фольклор, лучшие традиции и обычаи своего народа. Например, в мифоцентрической поэме «Сар-Герел», восходящей к традиционным восточным этиологическим мифам о творении космоса, автор использует мифическую версию о том, что Луна с Солнцем никогда не встречается, когда восходит Солнце, исчезает бледная Луна, как структурообразующий принцип. В сказочной основе поэмы мифологический генезис присутствует явно шире, поэма структурно и по смыслу ориентирована на миф. Мифологический синкретизм и красочная иносказательная близость к народным творениям в поэме сочетается с тонким психологическим анализом, с философскими обобщениями. Безвременный мир мифа определяет художественный замысел и содержание поэмы: устная поэтическая стихия калмыцкой легенды органично вплетается в художественный мир поэзии.

Д. Улзытуев в фольклорных традициях обозначил самые востребованные символы своего народа. Реминисценции из фольклорных текстов, мотивы

народных поверий, песен, заклинаний, молитв естественно входят в его художественную стихию. Текст, выступая как «аккумулятор открытого и текущего континуума культурного опыта и культурной памяти» (Гаспаров), разворачивает множество ассоциативных связей. У каждого поэта обращение к мифам имеет разные истоки. Следующее стихотворение является ярким примером, где текст отсылает непосредственно к традиции. «Глубинная композиция», восходящая к мифологическим архетипам, имеет символическое значение: *Дурна холын зуун зугтэ / Дулаан амин туруо гэнэл. / Дунда замбиин сэнгэлигтэ / Дуунай эхин зэнгээ гэнэл* ‘На дальней восточной стороне / Теплая жизнь появилась, говорят. / В садах срединной земли / Истоки песни утвердились, говорят’ [Улзытуев, 1966, с. 36]. Восток как сторона восхода солнца символизирует начало жизни, и жизнь на срединной земле начинается с песни. Специфика текста обусловлена его организующими элементами (ритм, лексика, интонация, словесный образ), его композиционными константами. Стихотворение построено по традиционным фольклорным канонам, эстетика которого и определяет его композиционный тип. Используется традиционный улигерный зачин «гэнэл» (говорят), создавая атмосферу эпического мира. Повествование в замедленном темпе ведется от лица сказителя в «высоком стиле» улигерной поэтики, где соблюдается эпический ритм, эпическая симметрия.

Все вышеизложенное позволяет отметить, что мифологическое и фольклорное в современной монголоязычной поэзии тесно переплетаются с современными мотивами и темами, создавая единый поэтический текст. Д. Кугультинов и Д. Улзытуев, трансформировав мифологические структуры, сохраняют в современной поэзии национально самобытную преемственность поэтических традиций.

Литература

Улзытуев Д. Сагай суурияан. – Улан-Удэ. 1966.

Ж.Ц. Дондокова,

Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМУ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Имя существительное занимает важнейшее место в составе морфологических ресурсов бурятского языка. Это обусловлено его семантическими свойствами, количественным преобладанием над другими частями речи и потенциальными изобразительно – выразительными возможностями. Существи-

тельные заключают в себе предметные значения, без которых невозможно выражение мысли. В бурятском языке существительные определяются, как «слова, обозначающие предмет в широком смысле этого слова, характеризующиеся наличием своих словообразовательных суффиксов, наличием системы склонения, категории числа, притяжательности и выполняющие в предложении различные синтаксические функции (подлежащего, дополнения, определения, сказуемого, обстоятельства)» [Грамматика бур. языка, 1962, с.49].

В отличие от научной грамматики школьная грамматика в определении имени существительного выделяет три его стороны: смысловую (обозначает предмет и отвечает на вопрос хэн? кто? или юун? что?), морфологическую (обладает признаками, числа и падежа, притяжания) и синтаксическую (в предложении в основном выполняет функцию подлежащего, дополнения).

В зависимости от значения и грамматических особенностей имени существительные делятся на группы, именуемые обычно лексико-грамматическими разрядами. К ним относятся: 1) собственные и нарицательные существительные, 2) собирательные, вещественные, отвлеченные. 3) личные и неличные. Поскольку принципы выделения разрядов различны, получающиеся группы пересекаются. Таким образом, одно существительное принадлежит одновременно нескольким разрядам (например, *багашуул* – *детвора* — это существительное нарицательное, собирательное, личное).

Собирательные существительные обозначают неопределенное множество однородных предметов или лиц как одно неделимое целое. Имя существительное, имеющее значение собирательной множественности, употребляются в форме своей основы без показателей множественности. Например: *мал*, *᠊ᠢᠷᠭᠡᠭ*, *адуун*.

В бурятском языке для образования собирательных существительных могут применяться аффиксы:

1. –*тан* (-*тон*; – *тэн*) обозначают людей и животных: *арьяатан* «хищники, звери», *етэн* «ровесники».
2. – *шуул* (- *ш==л*), – *шууд* (-*ш==д*) при помощи этих суффиксов обозначают группу людей или животных: *баяшуул* «богачи», *багашуул* «детвора».
3. – *аархин* (- *оорхин*, – *ээрхин*, – *рхин*) этот суффикс состоит из окончания орудного падежа и суффикса – *хин*, обозначает группу лиц, объединяемых одним происхождением, отношением к какому – либо месту, предмету, принадлежностью к какой – либо организации, группе и т.д., например, *нутагаархин* «земляки» и т.д. Однако в отношении 2 группы собирательных существительных в грамматике бурятского языка существуют некоторые разногласия. Одни ученые придерживаются мнения, что это собирательные существительные, употребляемые только в форме единственного числа, и суффиксы – *шуул*, – *шууд* являются суффиксами образования собиратель-

ных имен, например, *багашуул* «детвора, малыши» и т.д. Другие считают, что *шуул* (-ш==л) – это суффиксы множественного числа. Д.А. Алексеев считает, что «в большинстве диалектов бурят-монгольского языка, в особенности западно-бурятском, он уже переосмыслен и превратился в формант множественного числа» [Алексеев, 1948], например, *баян-богач* – *баяшуул* «богачи».

В школьной грамматике эти аффиксы даны как собирательные существительные, которые не принимают окончания множественного числа. Но по нашим наблюдениям в разговорной речи детей можно встретить такое выражение типа *багашуулнууд* – *детвора, эрэш==лн==д* «мужчины».

При изучении этой темы школьники сталкиваются с такой трудностью как, определение собирательных существительных выраженных в форме своей основы, в отличие от собирательных существительных которые образуются при помощи различных аффиксов.

*Р.П. Дондокова,
Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ*

ПОВЫШЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ КОЛЛЕКТИВНУЮ ТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ученые (И.С.Кон, А.В. Мудрик, А.А. Бодалев и др.) доказали, что для подросткового возраста наиболее характерно стремление к деятельности. Это социальное качество возраста требует социальной шлифовки, которая достигается целенаправленным обучением и воспитанием. Методика воспитания в коллективе И.П. Иванова (коммунарская методика, методика творческих дел), разработанная на базе глубоких знаний педагогической психологии, является уникальным комплексом психолого-педагогических механизмов влияния на развитие общения подростков.

Методика коллективной творческой деятельности имеет большой потенциал: участники выявляют в себе доселе неизведанные творческие способности, учатся проявлять самые добрые чувства к своим товарищам, учатся работать, и, делаясь успехами и ответственностью с другими, узнавая друг о друге много нового – развивают свою коммуникативную культуру. Кроме того, интенсивная социализация в группе «своих» (*insiders*) становится позитивной силой, притягивающей детей в школу, обеспечивая их широкую внутреннюю занятость. Осознание организующего воздействия методики тем более важно для каждого, кто имеет дело с подростками.

Как известно, общение рассматривается на 3 уровнях: перцептивном, интерактивном и коммуникативном. Психолого-педагогический опыт позволяет проанализировать и обобщить то, как методика И.П. Иванова меняет, пре-

образовывает каждую из трёх сторон общения, при этом недоразвитие одной из них ведёт за собой отклонения на уровне общения, в частности, и на уровне развития личности вообще.

Перцептивная сторона общения характеризует процесс восприятия учащимися своих товарищей, процесс познания их индивидуальных свойств и качеств [Абульханова-Славская, 1980]. Основными механизмами восприятия и познания друг друга в процессе общения является идентификация, рефлексия, стереотипизация. Коллективная творческая деятельность является источником предметного общения. А принципы, на которых эта деятельность строится, способствуют безусловному принятию подростком каждого из своих товарищей. Дух веры в любого члена коллектива также способствует формированию у подростков положительных стереотипов восприятия окружающих людей. Декларируемая методикой и осуществляемая на практике забота о близких и далёких формирует у учащихся стереотипы альтруистического поведения. Разговоры на родном языке «по солнышку», смена творческих поручений и другие формы работы дают возможность учащимся лучше понять друг друга, проникнуть в мир другого человека. Без рефлексии рядом находящегося невозможен успех ни одного дела, либо её уровень входит в критерии оценки результативности.

Второй стороной общения является его *интерактивная* сторона, которая служит практическому взаимодействию сверстников между собой в процессе совместной деятельности. Здесь проявляется их способность сотрудничать, помогать друг другу, координировать свои действия, согласовывать их. Суммарно интерактивная сторона общения всех членов классного коллектива проявляется в организованности класса. Очень важной для общения подростков является *коммуникативная* сторона, связанная с обменом информацией, обогащением друг друга за счёт накопленного каждым из сверстников запаса знаний. Высокий потенциал мотивации и стимулирования общения учащихся, заложенный в разнообразных коллективных творческих делах, помогает даже незнакомым друг с другом подросткам избавиться от скованности, неуверенности в себе, негативных эмоций и выйти на свободный контакт со сверстниками.

Итак, проанализировав механизм общения с трёх сторон (перцептивной, интерактивной и коммуникативной), связав данный анализ с практикой применения психолого-педагогической методики И.П. Иванова в работе с подростками, мы пришли к выводу о больших учебно-воспитательных возможностях данной методики.

Литература

- Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – М., 1980.
Тумунов Ж. Т. Этнопедагогика агинских бурят. – Чита, 1998.

ДИАХРОННО-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ АСПЕКТ ПОЭТИЧЕСКОГО ИДИОЛЕКТА Г. ГЕЙНЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Современный этап развития филологического знания характеризуется проведением исследований под знаком укрупнения анализируемого объекта и расширения границ его изучения. В связи с этим все заметней становится тенденция, характеризующая сегодня стиль научного познания вообще и выражающаяся в нейтрализации границ между отдельными отраслями в сфере филологического и гуманитарного знания.

Данный процесс находит свое отражение не только в разработке и использовании общей терминологии, но и в появлении новых междисциплинарных областей знания. Такой новой, трансдисциплинарной областью знаний явилась синергетика, теория самоорганизации, или наука о сложном, ориентированная «на поиск неких универсальных образцов эволюции и самоорганизации сложноорганизованных систем».

Совершенно очевидно, что синергетический подход с его мультипарадигмальной природой имеет широкие возможности применения в разных направлениях современного научного знания, в том числе и языкознания. Любое языковое явление, изучаемое в рамках антропологической/антропоцентрической парадигмы, обнаруживает синергетические признаки, присущие ему в той или иной степени, причем, как подчеркивают исследователи, термин синергетика в современной лингвистике и психолингвистике используют не только для обозначения теории воздействия, исходя из его основного значения, но и для обозначения теории самоорганизации.

Поскольку взаимодействие энергий элементов, образующих систему, неизбежно приводит к их самоорганизации в гармонические или, напротив, разбалансированные, хаотичные структуры, то “взаимодействие” и “самоорганизацию” можно считать взаимокоррелирующими понятиями Общеизвестно, что поэтический текст является сложнейшей, иерархически организованной системой, все элементы которой подчинены авторской интенции – посредством синтезирования и трансформирования в словесные и синтаксические формы переживаемых автором эмоций вызывать в душе читателя ответные чувства и построения. Применение нового синергетического подхода в области лингвопоэтики позволяет расширить представления о природе поэтического текста как открытой нелинейной саморазвивающейся системе и тем самым дает возможность выработать новый целостный взгляд на закономерности функционирования языка в сфере эстетической коммуникации.

Одним из ключевых понятий синергетики является структура-аттрактор. Под аттрактором в синергетике понимается относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает (лат. *atrahere* – «притягивать») к себе все множество траекторий ее развития, независимо от начальных условий. Свойственный данной системе спектр структур-аттракторов возникает на развитых стадиях процессов. Он образует поле путей развития системы и по своей природе не является материальной структурой самой системы, а представляет собой ее идеальный образ.

Применительно к поэтическому творчеству под структурой-аттрактором на уровне семантической организации поэтического текста следует, очевидно, понимать ту сквозную, инвариантную тему, которая может быть выявлена в качестве таковой при всем широком диапазоне разнообразных тем и мотивов, характерных для данного автора. Инвариантная тема – это то, про что художник говорит во всех своих текстах, про что он не может не сказать.

Так, при анализе творчества Б.Пастернака, О. Мандельштама, М.Цветаевой исследователи не раз обращали внимание на то, что в их поэтических системах можно выделить в разных текстах группы слов, между которыми прослеживается отношение семантической эквивалентности по разным текстовым параметрам: структуре описываемой ситуации, единству концепции, композиционных принципов, подобию звуковой и ритмико-синтаксической организации.

Если явление цитатности представляет “внешнюю” память элементов системы (оно имеет своим источником творчество других писателей данной национальной или других литератур, современников или предшественников, а также сферу других знаковых систем искусства – музыки или живописи, мифологию, религию, философию, науку), то память ключевых слов, индивидуально-авторских символов в творчестве художника можно определить как “внутреннюю” относительно системы данного поэтического идиолекта. Она эксплицирует диахронно-эволюционный аспект развития системы: содержательное варьирование и семантическая инвариантность ключевых слов выступают внутренним интегративным фактором системы поэтического идиолекта, определяют индивидуально-неповторимый рисунок стиля писателя.

Ключевые слова, в роли которых выступают обычно наиболее важные с точки зрения выражения авторской художественной концепции, наиболее информативно насыщенные лексемы, являются опорными, стратегическими точками как в рамках отдельного произведения, так и во всем творчестве писателя.

Ключевое слово может нести в себе “зерно” будущего развития. Как в зародыше, в нем может быть заложена программа дальнейшей эволюции всей художественной системы или ее отдельных, важных с точки зрения становления “единого комплекса поэтической мысли” фрагментов. Как внутренний

источник саморазвития, оно дает импульс дальнейшему самодостраиванию художественного целого.

Ключевые слова объединяют в своей глубинной семантике память о прошлом состоянии системы (память ретроспективную) и информацию о потенциальных путях дальнейшей эволюции (память, так сказать, проспективную). С одной стороны, ключевые слова входят в образные парадигмы в идиолекте писателя, выявляя диахронно-эволюционный и результативный аспекты формирования сложности содержания, с другой – могут содержать ростки будущего развития образной системы, нести свернутую информацию о структурах-аттракторах дальнейшей эволюции. Во всех видах памяти ключевых слов: внешней (связанной с явлением цитатности) и внутренней (внутри данного поэтического идиолекта), а в рамках последней – памяти ретроспективной и проспективной – имеет место феномен стеснения, компрессии информации, вследствие чего ключевые слова приобретают способность нести конденсированную информацию о системе поэтического идиолекта в целом.

В ходе анализа лирических стихотворений Г.Гейне, включенных в его первые поэтические сборники и объединенных темой безответной, отверженной любви, пронизанных грезами о любимой и постепенным осознанием невозможности счастья с ней, становится очевидным, что в роли ключевых слов, несущих спрессованную информацию о структурах-аттракторах, определяющих потенциальные пути дальнейшей эволюции поэтической системы, выступают лексемы *Liebe, lieben, Traum, traumen, Traumbild, Jugendtraume*.

При этом важно отметить, что статус ключевого слова лексемы “Traum” обеспечивается наличием в ее семантике двух основных значений: 1. Сновидение, сон и 2. Мечта, греза, иллюзия, поскольку характерными признаками ключевых слов являются не только повышенная частотность употребления, но и богатство семантических оттенков, способствующее повышению активности подобных лексем в установлении ассоциативных смысловых связей с другими словами в тексте (с этим связана, кстати, их особая роль в достижении изотопии, семантической связности текста).

Привлечение к анализу более поздних поэтических произведений Г.Гейне, входящих в циклы “Новые стихотворения” (“*Neue Gedichte*” 1831) и “Романсеро” (“*Romanzero*”. 2-es und 3-es Buch. Nach 1848) подтверждает основные положения синергетики о механизмах эволюции открытой неравновесной системы, которую в данном случае представляет идиолект писателя. Дальнейшая эволюция художественной системы Г.Гейне подчиняется внутренней памяти (ретроспективной и проспективной) о ключевых словах и управляется на уровне семантической организации структурой-аттрактором “утрата иллюзии сновидения”, что находит языковую манифестацию в словах: “traumt”, “Traumgestalten”:

Таким образом, структуры-аттракторы, несущие в себе спрессованную информацию о прошлом, являются в то же время “указателями” будущего пути развития художественной системы писателя. Образуя основу автоинтертекстуальности поэтической системы и выступая в роли своеобразных “поэтических интеграторов”, они связывают фрагменты поэтического идиолекта между собой.

Разные виды памяти ключевых слов раскрывают нелинейную зависимость процессов смыслообразования как от имевших место в прошлом состояний системы (память ретроспективная), так и от будущих ее состояний (память проспективная). Анализ творчества поэта подтверждает универсальность синергетических закономерностей эволюции сложных самоорганизующихся систем.

♦ ♦ ♦

*Т.М. Дугаржапова, И. Ачитуева,
Забайкальский госуниверситет, г. Чита*

ABOUT THE NATURE OF THE BURYAT VERSE

Poetic diction in contrast with prosaic one is considered to be rhythmical art. Its difference from prose is in rhythm. Rhythm in poetry is achieved due to repetition of definite elements, parts in similar intervals of time. That is why verse being a rhythmical basis of poetic diction is characterized by more expressive peculiarities of national originality.

Monograph research of L.K. Gerasimovich «Mongolian versification» (Leningrad, 1975); D. Tserensodnom «Some questions of Mongolian versification theory» (Ulan-Bator, 1977); A.M. Khamgashalov «Research experience of Buryat-Mongolian versification» (Ulan-Ude, 1940); G.O. Tudenov «Buryat versification» (Ulan-Ude, 1958); S.Sh. Chagdurov «Geseriada versification» (Ulan-Ude, 1984); V.I. Zolkhoev's dissertation «Means of rhythmical organization of the Buryat-Mongolian language» (Abstract of dissertation, L., 1957) and his paper «About Buryat-Mongolian versification» (1957); I.A. Kim's paper «About rhythm in Buryat poetry» (Ulan-Ude, 1961) are devoted to rhythmical nature of verse of Mongolian – speaking peoples.

It should be said that in the works of L.K. Gerasimovich, D. Tserensodnom, G.O. Tudenov, S.Sh. Chagdurov much attention is rightly paid to the research of G.K. Gabelenz, A.M. Pozdneevev, B.Ya. Vladimirtsov, etc. Exactly in these works first in the rhythm forming system of poetry of Mongolian peoples the role of such devices, as «parallelism» and «alliteration» were mentioned.

The monograph of a famous Russian orientalist A.M. Pozdneevev «Samples of folk literature of Mongolian tribes» (St. Pet., 1880) is devoted to analysis of Mongolian peoples folklore.

Determining rhythm nature, based on unified metrical device A.M.Pozdneev didn't find rhythmical organization in poetic diction of Mongols. Among metrical devices he called alliteration to be basic one.

Further studying poetics of the Mongolian peoples G.I. Ramsted and A.D. Rudnev pointed out 3 variants of various systems: tonic, syllabic – tonic, syllabic in versification system.

Academician B.Ya. Vladimirtsov stressed the tonic system in the Mongolian languages in his work «Comparative grammar of the Mongolian written language and Khalkhas dialect».

Investigating the problems of Buryat folklore versification G.O. Tudenov pays much attention to rhythmical devices of uliger verse – more expressive form of folk poetry. He notes that folklore rhythm is the basis of contemporary Buryat versification. He concludes it to consist of 5 metrical devices: alliteration, syntactical articulation, relative equicomplexity, rhythm and strophics.

An idea of the researcher G.B. Khusainov about the role of rhythm or end consonance in poetic text is important. He believes that rhythm is not only repetition and consonance of separate sounds, but a syllabic phenomenon, i.e. it is based on syllables consonance in various combinations of vowels and consonants, with vowels playing a great role. It is owing to internal regularities of the Bashkir, the Tatar and the Buryat languages, namely synharmonism and agglutination.

Then the researcher on the examples of poets of famous poems of Bashkiria considers peculiarities of intonation verse.

It is in poetic text that community of internal system of the Bashkir and the Buryat languages is stressed, for both synharmonism and agglutination are peculiar. It demands deep research of poetry in the Turkic and the Mongolian languages.

*Б.С. Дугаров,
Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ*

ХАН ХОРМУСТА В ЭПОСЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Хан Хормуста тэнгри считается верховным божеством в мифологии монгольских народов. Его образ нашел отражение в эпосе, в том числе в Гэсэриаде. Мы не останавливаемся на бурятском эпосе «Абай Гэсэр», где Хормуста представлен полноправным эпическим персонажем, особенно в унгинской версии. В данной статье преследуется цель проследить интерпретацию образа Хормусты в эпической традиции монгольских народов.

Безусловно, общемонгольская мифологическая основа пролога бурятской Гэсэриады проявляется в мифах о тэнгриях Хормусте, Атай Улане, Белодон-

ном (*Оёр Саган*) и Белошовном (*Оёдол Саган*) небожителях [Абай Гэсэр, 1960, с. 4]. Не случайно первым упоминается Хормуста, так как именно это божество является знаковым персонажем в монгольской Гэсэриаде. В ее прологе упоминаются тридцать три тэнгрия во главе с Хормустой. Последний пребывает в своем небесном дворце, возглавляет совет богов, принимающий решение отправить Гэсэра на землю для уничтожения сил Зла в мире людей.

В целом следы народной мифологии настолько затушеваны при буддийской редакции пекинского ксилографа, что нет возможности реконструировать первоначальный персонажный ряд монгольского пролога, который сохранился в бурятской Гэсэриаде с ее дуалистическим противопоставлением западных и восточных божеств. Под влиянием индо-буддийской мифологии вместо прежних 99 божеств появляются 33 тэнгрия во главе с Хормустой, функционально соответствующим верховному божеству севернобуддийского пантеона – Индре [Гэсэр, 1986, с. 217].

Тем не менее, по верному замечанию Козина [Козин, 1935, с. 224], в содержании текста отразилось прежнее религиозное сознание монгольских кочевников, проявившееся “в интимнейших и глубоких симпатиях творцов этого эпического цикла к шаманской натурфилософии” [Там же, с. 227]. Так, например, наряду с Хормустой упоминаются небесная прародительница Абса-Хурце (аналог Манзан Гурмэ) и горный владыка Оа-Гунчид, которым как своим гениям-хранителям Гэсэр совершает обряд жертвоприношения. Знаковым представляется упоминание и древнемонгольской диады божеств – Вечного Синего неба (*Хүхэ Муиэхэ тэнгри*) и Матери-земли (*Этугэн Эхэ*), свидетельствующее о мифологической архаике в содержании монгольской Гэсэриады.

Но в контексте небесного пролога Хормуста занимает подчиненное по отношению к Будде место, который завещает первому отправить на землю своего сына для спасения человеческого рода. В этом проявляется ламаистская редакция текста, согласно которой Гэсэру приписывается опосредованно исполнение воли Шакьямуни. Подобная мотивация, характерная для наиболее известных монгольских версий Гэсэриады – пекинской и заинской, является, безусловно, более поздним явлением в эпической интерпретации образа Хан Хормусты, как следствие дискредитации шаманистских божеств в монгольской мифологии.

Иную ситуацию в иерархии небесных божеств показывает хорчинское «Сказание о кальпе» (*Галвын улгэр*). Этот самобытный нарративный памятник, имеющий ряд принципиальных сюжетно-тематических совпадений с бурятской Гэсэриадой и ее прологом, иллюстрирует значимость тэнгристского фактора в эпической традиции монгольских народов. Пожалуй, «Сказание о кальпе» – единственное произведение у монголов, в котором пред-

ставлен мифологический пантеон, сохранивший добуддийскую аксиологическую основу.

Здесь в качестве верховного небожителя фигурирует Хан Хурмаст. Он именуется *дээд тэнгэр* 'высший или всевышний тэнгри', что сливается с понятием главного бога неба. Именно к нему обращена просьба жителей земли помочь им избавиться от злокознейных монстров-мангусов. Но, как выясняется, Хан Хормуст недостаточно полноправный глава Верхнего мира, так как старейшие тэнгрии не подчиняются его приказу помочь человеческому роду. Это факт свидетельствует об еще не утвердившемся иерархическом верховенстве Хормусты в сонме небожителей и о его стадийно позднем появлении в монгольском пантеоне. Бурятский аналог этому видится в образе Ханхан Хёрмоса в эхирит-булагатской Гэсэриаде, в которой последний представлен лишь как номинальный глава западных пятидесяти пяти тэнгриев.

С другой стороны, представляет интерес отношения между Хан Хормустом и Шагжамуни (одно из имен Будды). Оба они показаны как божества-покровители, причем последний в ряде случаев подменяет первого с очевидной буддийской тенденциозностью. Но в отличие от пролога монгольской Гэсэриады отмечается приоритет главы тэнгриев перед буддийским персонажем.

Следует подчеркнуть, что Хан Хормуста упоминается в роли отца-небожителя и покровителя эпического героя в ряде других монгольских эпических произведений («Тушибалту багатур», «Песнь о рождении Гилбан Шар», Сказание об Ирин-Сайн-Гунын-Настай-Мекеле и др.).

В целом для монгольской фольклорно-мифологической традиции характерен концепт героя – сына неба, который реализуется в особом цикле сказаний, включая Гэсэриаду. В них Хормуста является олицетворением Неба и его персонификацией. Соответственно он представлен «довольно хорошо очерченной фигурой» и в мифологии монгольского шаманизма [Владимирцов, 1927, с. 22], что нашло свою эпическую интерпретацию в вышерассмотренных произведениях.

Литература

Абай Гэсэр. – Улан-Удэ. 1960.

Владимирцов Б.Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах. – Л. 1927.

Гэсэр. – Улаанбаатар, 1986.

Козин С.А. Гесериада. – М.-Л., . 1935.

БЭЛГЭ ДЭМБЭРЛИЙН ҮГС

Монгол аман зохиолын төрөл зүйлүүд зан аалийн болон бэлгэдэлт шинжтэй байдгийг тодорхойёо харуулах нэгэн зүйл нь бэлгэ дэмбэрлийн үгс юм. Юуны өмнө монгол хэлний үгсийн санд нэгэн ижил дуудлагатай ондоон ондоон утгатай гурван ижил нэр (омоним) байдгийн нэг нь хүнээс хүнд дотнолон өгч дурасхадаг “бэлэг” (beleg), оюун ухаан, авъяас эрдмийг тэмдэглэх түрэг гаралтай “билиг” (bilig) [Сүхбаатар 1999, 45a], “хэргийн урьд урьдаас сэрэгдэх сайн муу ёрыг” [qorin nigety tayilburi toli. 1979] хэлдэг “бэлгэ” (belge) гэдгийн чухам аль нь вэ гэвэл сүүлийнх нь буюу сайн муу ёрын “бэлгэ” болно. Монгол хүний хэлдэг уламжлалт бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь “амны бэлгээс ашдын бэлгэ” (хувилбар: амны бэлгээр ашдын жаргал ирэх), “амны алдуурснаас ашдын бэлгэ хазайх” хэмээн үздэг бэлгэдлийн сэтгэлгээнээс нь үүдэлтэй аман зохиолын онцлог зүйл болно. Энэ бол монгол хүний оюун сэтгэлгээний салгаж болшгүй өвөрмөц онцлог, монгол утга соёлыг бусад соёлоос ялгаруулах шинж гэдгийг дараах цэцэн үг гэрчилж байна. /Монгол хүн амны бэлгээр/ Хятад хүн бэнчингээр/ Төвд хүн шидээр/ хэмээн хэлэлцдэг нь Ази дахины гурван их соёлт үндэстний оюун сэтгэлгээний өвөрмөц онцлогийг илэрхийлж байна. Өөрөөр хэлбэл, монгол хүн бол аливаа зүйлийг хийхдээ, алимад үгийг хэлэхдээ, ер хөдлөж аяглах тоолондоо бэлгэ, бэлгэдлийг урьдаас бодолцож үйлдэж хөдөлдөг, үг хэлдэг зан датхалтай явж иржээ.

Бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь эртний хүний нийлэг сэтгэлгээтэй холбоотой анх үүссэн хийгээд үгийн хүч нөлөөг ажил, амьдрал, үйл ажиллагаандаа тус нэмэр болгох гэсэн эрмэлзэл, үгийн ид шидэнд итгэх үзэл эндээс тод харагдана. Хэлбэр зохиомжийн хувьд гол төлөв нэг, хоёр, гурав, дөрвөн...мөрт бадаг шүлгийн бүтэцтэй тул “ерөөлийн богино хэлбэр” [Содном, 1968] гэж үзэх нь ч буй. Зарим монгол угсаатан, тухайлбал, буриадуд бэлгэ дэмбэрлийн үгс гэж тусгай төрөл зүйлийн ялгаагүй бүх ерөөлийг хамтатгаад “үрээл”, “юрөөл” гэхчлэн нэрлэх бөгөөд найман зуу гаруй “үрээл” эмхтгэсэн түүврээс [Бабуев, 1990, 158] үзэхэд ихэнх нь манай бэлгэ дэмбэрлийн үгстэй адил товч богино зүйл байна. Харин “үрээл”, “юрөөл” хоёроо дотор нь ялгахыг оролдож, хоёр ондоо утгатай, хэллэг-авиагаараа адилархуу үгнүүд юм. Буриад утга зохиолын хэлний үндэс болсон хорь буриадуудын хэлэнд хүмүүст сайн сайхныг хүсч хэлэх үгийг “үрээл” гэж, харин “юрөөл” гэдэг үгээр дацан хийдэд очиж уншуулдаг шашин мөргөлийн номыг хэлдэг аж [Үрээл тогтохо болтогой 1990, 5]. Тэгвэл халх, дөрвөд, баяд, өөлд, үзэмчин зэ-

рэг бусад ястанд бэлгэ дэмбэрлийн үгс, жинхэнэ ерөөл хоёрын аль аль нь их тархжээ [Сампилдэндэв, 1981, 57].

Бидний хувьд ерөөл болон бэлгэ дэмбэрлийн үгс бол ирээдүйн сайн сайхныг зөгнөн бэлгэдсэн адил утга, агуулгатай боловч хэлбэр хэмжээ, үүрэг зориулалтын хувьд ондоон ондоон зүйлс гэж үзүүштэй. Нэгд, ерөөлийг өдөр тутам хаа сайгүй хэлдэг биш томоохон чухал хүндэтгэлт баяр хурим, зан үйл, ёслолын үед хэлдэг бол бэлгэ дэмбэрлийн үгсийг хаа сайгүй өдөр тутмын ажил, амьдралын дунд хэлж болдог. Тиймээс ерөөл нь зан үйлийн шинжтэй бол бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь зан аалийн шинжтэй гэсэн үг. Хоёрт, ерөөлийг тусгай мэргэшсэн дэг ёстой, аялга дуудлагатай ерөөлч хүн хэн нэгний дуртган хүссэнээр хадаг, мөнгөн аягатай сүү, хултай айраг мэтийн зан үйлийн эдлэл хэрэглэлтэй хэлдэг бол бэлгэ дэмбэрлийн үгсийг мэргэшлийн бус ерийн хүн болгон тухайн аж амьдрал, ажил үйлийн учир тохиолд нийцүүлэн ерийн байдлаар өөрийн хүсэл зоргоороо өгөөлдэг. Гуравт, ерөөл нь эхлэл, өрнөл, төгсгөл болон бусад олон хэсгүүдтэй урт дэлгэрэнг үй аялгуулан хэлэх зүйл байдаг бол бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь олон бүтэц хэсэггүй, аль болох товч хураангуй, үл аялгуулан хэлэх зүйл байдаг юм. Дөрөвт, ерөөл нь тухайн хэлж буй орчин ахуйдаа нийцүүлэн мэргэшлийн авъяаслаг ерөөлчөөс бэлэн сэцлэж, уртасгаж богиносгож, нэмж хасч, өөрчилж засч болдог тогтмол бус агуулга, бүтэцтэй байдаг бол бэлгэ дэмбэрлийн үгс нэг л ягшмал тогтсон хайрцаг шүлэг юмуу өгөөлбэр бөгөөд түүнийг хэн ч хувирган өөрчилдөггүй тогтмол агуулга, бүтэцтэй. Чухам энэ дөрвөн үндсэн ялгааны улмаас болоод бид бэлгэ дэмбэрлийн үгсийг ерөөлөөс тусад нь зүйл болгон авч үзэж байна.

Ер нь ерөөл, бэлгэ дэмбэрлийн үгсийн гарал үүслийг дом шившлэгтэй холбон үздэг. Бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь хэлбэр зохиомжийн хувьд дом шившлэгтэй төстэй боловч үүрэг зориулалтын хувьд тодорхой ялгаатай байна. Нэгд, шившлэг ихэвчлэн байгалийн элдэв юм үзэгдэл, далдын хүчинд ханддаг бол бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь ямагт хүнээс хүн, мал амьтанд ханддаг. Хоёрт, шившлэгийг тухайн ажил үйлдэл, зан үйлийг гүйцэтгэж буй хүн өөрөө хэлдэг бол бэлгэ дэмбэрлийн үгсийг ажил үйл хийж буй хүнд зориулан өөр бусад хүмүүсээс хэлдэг. Гуравт, шившлэг нь ажил үйлс бүтэмжтэй байх, аюул зовлонгоос гэтэлгэх утгаас гадна бусдад хор хөнөөл хүргэх утгатай байж болдог бол бэлгэ дэмбэрлийн үгс хэзээ ч бусдад хор хөнөөл учруулахад бус, харин ямагт сайн сайхныг ерөөх утгатай байдаг. Дөрөвт, шившлэгийг мэндчилэх зориулалтаар хэлэх нь огт үгүй бол олонхи бэлгэ дэмбэрлийн үгсийг мэндчилэх зориулалтаар хэлдэг. Эдгээр зааг ялгаа нь энэ төрөл зүйлсийн үүсэл хөгжлийн эхний шатанд төдийлөн ялгараагүй байснаа хожим нэлээд тод ялгарчээ. Энэ нь аман зохиолын төрөл зүйлс хөгжлийн эртний шатандаа өөр хоорондоо зааглан салаагүй нийлэг урлагийн шинжтэй оршиж байсныг харуулж буй юм.

Зарим бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь бүр эрт балар цагийн ажил үйл, аж ахуйн хэвшлийг тусгасан байх нь үзэгдэнэ. Эрт цагаас өдгөө болтол анчин загасчин отог омгууд явж ирсэн Байгал нуурын дундахь Ойхон олтригийн буриад зоны дунд: /Шулуу баллаха балтатай байгаарай/ Шоно үлдэхэ хүлэгтэй байгаарай/ [Үрээл тогтохо болтогой! 1990, 4/] гэсэн бэлгэ дэмбэрлийн үг байдаг нь ан гөрөө хийж, багаж зэмсгээ боловсруулан сайжруулж ирсэн “түүхийг” хүүрнэн буй гэлтэй. Энэ үгийн халх хувилбар: /Шувуу гүйцэх хүлгээ унан ир/ Чулуу цавчих сүхээ аван ир/ [МАЗ-ҮАЗ, 1987, 81/] гэж өгүүлдэг нь харь овгоос гэрлэх ёс үүссэн тэр үед гэрлэлт бол овог хоорондын хөдөлмөрийн арга туршлага, багаж зэвсгийнхээ шилдгийг солилцох нэгэн зан ёслол болж байсныг илтгэж байна [Сампилдэндэв 1981, 64]. Бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь бэлгэдлийн утгатайгаас гадна захиа сургамжийн утгатай ч байна. Хуримлах ёслолын үед хэлэх бэлгэ дэмбэрлийн үгст: /Хун цагаан хонио туун ир/ Хусан цагаан уургаа чирэн ир/ [ЗҮАЗ, 1987, 81/] гэж гардаг нь бэрд сайн сайхныг хүсэхээс гадна худгуйн талынхны буян хишгийг өөрийн талд дагуулан авчрахыг бэлгэдсэн утгатай юм. /Чулуутай газар гэрээ барьж/ Чонотой газар малаа өсгөж яваарай/ [МАЗДБ, 1967, 114/] гэсэн үгс нь зовлон бэрхшээлтэй амьдарч яв гэсэн үг бус, харин аливаа саад тотгорыг даван гэтэлж чадахыг [Сампилдэндэв 1981, 65] захисан захиас болно. Энэ мэт зарим бэлгэ дэмбэрлийн үгс нь бэлгэшээн ерөөсөн утгын зэрэгцээ захин сургамжилсан утгатай байна. Зарим бэлгэ дэмбэрлийн үг нь урамшуулах утгатай, дом шившлэгтэй ойр төстэй шившлэг бүхүй байх нь бий. Мянгад ардын хүүхэд хөлд оруулахад хэлэх үгэнд хүүхэд яг хөлд орох үед нь биенээсээ хөндий зогсоон гараа тосож: / Хэцүү, хэцүү, хэцүү, / Аягачин шанагачин/ Бөөлөө бөөлөө/ Алтан мөнгөн/ Бөөлөө бөөлөө/ Хэцүү, хэцүү, хэцүү.../ [Лхам 1991, 30] гэж хэлж урамшуулахад хүүхэд баацаганан явсаар тоссон гарт хүрч ирнэ. Энэ үгс бас өөрийн гэсэн утгатай бөгөөд хүмүүний амьдралын анхны алхам гишгэм бүр нь “хэцүү” гэдгийг сэнхрүүлж, эхлээд аяга шанагандаа хүрчихвэл цаашаа алт мөнгөнд ч хүрнэ гэсэн бэлгэдэлт санаа мөн. Энэ заншил нь хүүхдийг амархан хөлд оруулах дасгалын маягтай уламжлалт арга ажээ.

Бэлгэ дэмбэрлийн аман зохиолыг утга, сэдвийн хувьд: 1. Зан үйлийн холбогдолтой бэлгэ дэмбэрлийн үгс; 2. Мал амьтны тухайт бэлгэ дэмбэрлийн үгс; 3. Ажил үйлийг ерөөх бэлгэ дэмбэрлийн үгс гэж үндсэнд нь гурав ялгаж болно.

Ном зүй

Лхам Д. Мянгад ардын зан үйл, аман зохиол. – УБ., 1991.

Сампилдэндэв Х. Монгол хуримын яруу найргийн төрөл зүйл. – УБ., 1981.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ТОПОНИМИИ

Информативность топонима естественна и бесспорна. В любом языке имеется развитая лексическая система, способная отобразить и передать информацию о некоторых (чаще, особенных) характеристиках географического объекта. Понятно, что из громадного числа составляющих любой национальный язык слов-знаков, топонимика использует только те, которые способны отразить и передать информацию адресату об особенностях рельефа (относительную высоту или глубину; характер течения реки; величину объекта; место расположения объекта и т.д.). В этом случае топоним подобно знаку в семиотике используется для выражения некоей идеи, где отражена одна из сторон связей языка с мышлением.

Нас заинтересовала другая, не менее важная особенность знака в топонимике – его способность вызывать у человека представление (умозаключения, основанные на наблюдении) о характере (качестве и свойстве) обозначаемого ономастическим знаком определенного географического объекта. Кстати, одним из важных аспектов синтагматических отношений в семиотике, как известно, является взаимодействие смыслов, порождаемых внутри «текста» (например, топонимического текста – «река N»). В этом случае уместно заявить о «глубинном», коннотативном значении топонима-знака.

Согласно сенсуалистической теории познания Дж. Локка, Э. Кондильяка, сенситивное восприятие окружающего мира основано на ощущениях, полученных человеком в результате жизненного опыта. В работе, посвященной исследованию языка и мышления «Опыт о человеческом разуме» Дж. Локк писал, что слова есть «не что иное, как символы наших идей. Они вовсе не отражают естественных связей между специфическими звуками и определенными идеями, ибо тогда был бы один язык для всех; они – произвольно выбранные обозначения идей. Их используют как понятные символы для выражения идей, а идеи, ими выражаемые, и есть их подлинное и непосредственное наполнение» [Локк, 1960].

Известно, что человеческое мышление способно создавать некий образ, возникающий у человека в его сознании, когда он слышит или произносит слово. Выбор лексики в языке опосредован психо-сенситивными особенностями человеческого мышления и проявляется в нормах отбора определенной лексики. Иллюстрацией данного предположения могут послужить топоними-

ческие ряды системы отдельного региона. Так, например, в региональной топонимической системе можно составить целый топонимический ряд, где в качестве топоосновы использованы лексемы *хавчгар* (монг.) 'сплюснутый', 'сжатый с двух сторон' [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, 1975]: р. *Хапшигур* (пр.р. Жергей), р. *Хапшугур*, р. *Капчагар*; т.-маньч. *капчу* 'тесный'; 'теснина' [Бурятско-русский словарь, 1973]: р. *Капцегайтуй*, с. *Капцегайтуй*. Также в этот ряд возможно отнести и многочисленные названия забайкальских рек – *Сыпчегур*, две реки, стекающие с хребта Черского, *Западный Сыпчегур* (пр.р. Новый Улутуй), *Восточный Сыпчегур* (пр.р. Оленгуй), р. *Сабшилур*.

Лексико-семантический анализ топонимических названий с основой на *хапи-/хаби-/капч-/сыпч-/саби-* позволяет предполагать, что в основе гидронимов лежит не географический термин, а имя нарицательное – т.-маньч. *капчу*; монг. *хавчгар*; бурят. *хабшагар* [Шипицын, 2004.] с одной и той же семантикой 'притиснутый; придавленный'. Забайкальские географы, исследователи краеведы подтверждают наличие сложного рельефа мест, где текут *Хапшигур(ы)/Сыпчегур(ы)* «...ниже устья *Хапшигур* река Жергей резко поворачивает вправо, огибая вставшую поперек долины довольно высокую сопку. Сделав петлю, река вновь выходит на просторы широкой долины, река изобилует перекатами и порогами. Прижим Жергея – «местный *Хапшигур*» – связан с новейшим тектоническим подъемом поперечного блока земной коры, выраженного в рельефе сопкой, перегородившей жергейскую долину. У обоих *Сыпчегуров* (по течению ниже верховий долины расширены, затем они на короткий отрезок несколько сжимаются (как бы схватываются) горными отрогами (например, *Сыпчегур Оленгуйский* ниже устья Тыксыки) [Толстой, 1997, с. 113-114].

Изложенные наблюдения географических реалий гидронимов согласуются с наблюдениями лингвистов в области способов номинации в гидронимии. Описанный Н.И. Толстым «семантический регистр» в апеллятивной и гидронимической лексике на примере славянской топонимии [Очир-Гаряев, 1983, с. 397], позволяет обнаружить подобное лингвистическое явление в способах номинации и забайкальской гидронимии.

Представляется возможным обозначить особенность тунгусо-маньчжурской, монгольской топонимии, характеризующейся двумя различными семантическими регистрами: а) антропометрическим; б) географическим. В качестве топооснов в забайкальской гидронимии, орографии используются группы слов, в основном, отглагольного происхождения, которые позволяют выявить «глубинное» значение, внутреннюю форму топонима. Так, например, в забайкальской топонимии множество географических названий типа 1-й Бул-

дуруй, 2-й Булдуруй (Приаргун. р-он), р. Булдарак (л.пр.р.Кия), р. Булдуруны (Акшин. р-он), г.Болдурик, р.Болдурик (пр.пр.р.Бол.Энгорок) от монг. булдуруу 'шишка, волдырь; бугор, холмик' [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, 1975].

С точки зрения семасиологии определенный интерес вызывает лексема булдуруу, элемент которой (бул(д)-) может быть обнаружен в гидронимическом термине тюрк.\т.-маньч.\монг. языков булак/булаг 'родник; ключ; источник'. Заметим, что данный термин стал продуктивным при образовании множества топонимических названий – Булак, Булактуй, Верх.Булокта, Хада-Булак и т.д.

Наблюдения местных реалий служат подтверждением этого мнения. По рассказам жителей села Хада-Булак в окрестностях села есть места, где внезапно из-под земли начинают бить родники. Земля в этом месте вспучивается и растрескивается, вода бьет вверх фонтаном. Причем это случается в любое время года – и летом, и зимой. Этимология топонима Хада-Булак – «источник, родник, бьющий вверх из-под горы» (хада от бурят. 'гора'). Источник, родник, бьющий из-под земли в монгольских, тунгусо-маньчжурских языках называется 'булак/булаг'.

Представим лексический ряд с корневым бул-/бул(д)- в бурятском языке: булсагар 'пухлый (о руках)', булсуу 'наконечник, головка (стрелы); набалдашник; шишка', бултайха 'высовываться, выпячиваться; торчать, выдаваться', булхаганаха 'надуваться (о человеке)'.

Интересным представляется семантический ряд с основой на хабн-: хабшаг 'шипшы', хабшаганаха 'поджиматься; пожимать (плечами)', хабшагар 'притиснутый, придавленный'. Как утверждает Толстой Н.И. «базовый регистр для определенной группы лексем будет, как правило, отличаться от последующих, небазовых регистров значительно большим числом слов-терминов, входящих в лексический ряд, в лексическую парадигму» [Очир-Гаряев, 1983, с. 398-399]. Для монгольской топонимии базовым семантическим регистром будет являться лексика антропологического характера, описывающая особенности человеческого тела/вида/состояния. Перенесение человеческих свойств и антропологических характеристик на географический объект – явление довольно распространенное в забайкальской топонимике.

Выбор лексического запаса в забайкальской топонимии позволяет утверждать осенситивной избирательности лексем при номинировании географических объектов. Топоним в качестве знака «сигналит» и передает смысловую информацию о некоем географическом объекте, формируя в сознании носителя языка определенную картину, отражающую специфические географические особенности рельефа. При этом используется не обычная апелля-

тивная лексика терминологического характера, а определенный «семиотический» лексикон. Впечатление, ощущение от увиденной особенности географического рельефа может быть передано не только через метафорическое восприятие (ср. топонимы г. *Топак*, г. *Танка* и т.д. от монг. *тобойх* ‘выдаваться, выступать над поверхностью бугром, выситься’; г. *Годзогор-Хада*, г. *Годой* от монг., бурят. *гозойх(о)/гозогор* ‘торчащий; поднимающийся вверх’ и т.д.), но и через выбор лексем, заключающих в себе информацию антропометрического характера.

На наш взгляд, перспективным является представление топонима как знака в аспекте когнитивной лингвистики, которая явилась результатом интеграции знаний о языке с другими науками, как, например, семиотика, культурология, социальная и культурная антропология, психолингвистика. Представляя топоним как интегрированную лингвокультурологическую единицу ономастикона отдельного региона, включающую лингвистическую и культурологический аспекты семантики, обусловленный этнопсихоментальным выбором способа номинации, исследователь выходит за рамки топонимики, ономастики. Топоним как знаковая действительность должен восприниматься и изучаться в плане этнической действительности и языковой действительности народа – носителя языка, т.к. географическое имя собственное прежде всего «национально».

Литература

Локк Дж. Избранные философские произведения. – М., 1960.

Саяхова Л.Г. Концепт как единица когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингводидактики // Русский язык в межкультурном коммуникативном пространстве: Материалы международной научно-практич. конф. – Иркутск, 2005

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1975

Шипицын А.А. О топониме Сыпчегур // История языка – история народа. – Чита, 2004

Толстой Н.И. Из наблюдений над способом номинации в гидронимии («Семантический регистр» в апеллятивной и гидронимической лексике) // Изб. труды. Т.1. Славянская лексикология и семасиология. – М., 1997.

Очир-Гаряев В.Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках // Ономастика Калмыкии. – Элиста, 1983.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

В современном мире возрастает значимость практического владения иностранным языком. При работе по специальности возникает необходимая и обязательная потребность в чтении литературы по специальности, в установлении устных контактов с зарубежными коллегами по вопросам специфики профессии. Постоянное расширение и укрепление экономических, научных культурных связей Российской Федерации с Германией является следствием глобализации в современном мире. Особенно устойчивы многолетние экономические отношения между Ростовской областью и землей Северный Рейн-Вестфалия. Постоянно увеличивается в Ростовской области число предприятий с участием немецкого капитала, совершенствуются экономические проекты, развиваются экономические отношения с другими немецко-говорящими странами, такими как Австрия и Швейцария. В области науки и образования расширяется обмен между преподавателями, студентами и аспирантами. Для желающих учиться и повышать свою квалификацию в Германии существует ряд стипендий ДААД (Немецкая служба академических обменов) и различных фондов. Большинство студентов осознают необходимость практического использования иностранного языка в своей профессиональной деятельности, что является показателем профессионализма. Уровень сформированности навыков иноязычного общения влияет на успешность деловых контактов с зарубежными партнерами. В этом свете существенное значение играет подготовка к иноязычному общению будущего специалиста, студента неязыкового факультета вуза. Несмотря на постоянно расширяющееся сотрудничество Ростовской области с ФРГ немецкий язык как учебная дисциплина сокращается, уменьшается количество школ с углубленным преподаванием немецкого языка как иностранного, существенно сокращается количество учебных часов в вузах. Это противоречит европейской и российской языковой политике в условиях глобализации. Языковая политика рекомендует многоязычие. Однако в последнее время принцип многоязычия значительно нарушается во многих регионах России, в том числе и в Ростовской области. В Европейском Союзе немецкий язык занимает второе место после английского языка, а также второе место в глобальной сети Интернет. Этой проблеме была посвящена международная конференция «Немецкий язык как иностран-

ный в современном глобальном мире» прошедшая осенью текущего года в г. Ростове-на-Дону. На повестке дня обсуждались вопросы роли немецкого языка в ЕС, международной, государственной и региональной языковой политики, вопросы теории и практики преподавания.

Возвращаясь к вопросу сокращения учебной дисциплины, хочется заметить, что низкая эффективность преподавания иностранных языков в ряде неязыковых вузов связана с ограничением часов, отводимых на изучение языка. В большинстве вуз за два года обучения не более 240 часов. Если прибавить к этому уровень подготовки с которым студенты поступают в неязыковой вуз, картина получается красноречивой. Следовательно, чтобы получать хотя бы небольшие практические результаты, необходим квалифицированный преподаватель, в совершенстве владеющий методикой и свободно владеющий языком. Дисциплину необходимо преподавать на иностранном языке, т.е. искусственно вводить студентов в языковую среду. Пусть искусственно, но общение на иностранном языке мобилизует речемыслительную деятельность, повышает мотивацию в достижении цели. Самому преподавателю постоянно необходимо повышать свою квалификацию. И это не только чтение периодики в оригинале, переписка с носителями языка, но и участие в различных проектах по линии Немецкого культурного центра им. Гете (в Москве и Санкт-Петербурге), сотрудничество с посольством ФРГ в России (заказ и пересылка по почте бесплатных изданий для практического использования на занятиях), систематическое самообразование при помощи выполнения тестов на сайтах по изучению немецкого языка. (www.deutsch-uni.com, www.testdaf.de и т.д.)

При такой постановке вопроса преподаватель способен грамотно организовать взаимодействие и такая совместная деятельность позволит извлечь максимум пользы. Чем отличается данная дисциплина от других? Иностраный язык невозможно изучать лишь внимательно слушая преподавателя и конспектируя услышанное. Большая часть аудиторных занятий носит практическое значение, преподаватель побуждает студентов к высказываниям, обращается лично к каждому студенту. Такая тесная совместная работа позволяет найти ключик к каждому обучаемому, создается непринужденная атмосфера и желание участия в коммуникативной деятельности.

Значение роли преподавателя огромно: преподаватель иностранного языка должен быть эмоциональным. Ибо невербальные элементы общения в преподавании несут огромное значение, способствуют акцентированию внимания на том, что плохо усваивается. Часто именно жесты способствуют пониманию смысла в процессе коммуникации.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ В МАЛЫХ ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР)

Важной составляющей человеческого общества как такового являются мораль и нравственность, и в связи с глобальными проблемами и информационно-техногенным процессом одной из главных задач современного общества является сохранение и обогащение духовно-нравственных отношений, особенно у молодого поколения. В эпоху глобализации и массовой культуры человечество претерпевает ряд существенных изменений, которые наблюдаются в повседневной жизни общества. Обращая внимание на взаимоотношения, общение и поведение людей, невозможно не заметить нравственное падение общества. Люди стали агрессивными и недоброжелательными, особенно это заметно в поведении молодого поколения. «Наша жизнь перенасыщена насилием», – утверждает современный философ В.Н. Порус [Порус, 2005. №11, с. 27]. Таким образом, тема нравственности особенно актуальна на сегодняшний день.

Как изменяется общество, так и изменяется его сознание и нравы людей. Следует отметить, что сознание определяет не только поведение людей в обществе, но также как и мышление находит выражение и закрепляется в фактах языка. Языковое сознание отражает жизнь определенной нации. И самыми яркими проявлениями культурного наследия, которые дают представление о духе и строе языка и об особенностях менталитета – его носителя, являются пословицы и поговорки.

Представляется интересным показать, насколько важны духовно-нравственные отношения в человеческом обществе, рассмотреть мировосприятие русских и англичан на примере пословиц и поговорок, и в частности обратить особое внимание на нравственные аспекты. В чем же состоит их отличие, и вообще, имеет ли оно место в данной проблематике. Задачами, решаемыми в рамках данной публикации, являются раскрытие сущности понятий «пословица» и «поговорка», анализ пословиц и поговорок, касаемых нравственных ценностей русских и англичан, а также выявление их тождества и различий. Материалом, используемым для написания статьи, послужили различные словари и справочники на русском и на английском языках [Ожегов, 1995], а также научные публикации и разные издания по данной проблематике.

В рамках данной темы рассмотрим объяснение понятий «пословица» и «поговорка». Пословица-это сгусток народной мудрости, концентрат духов-

ного и физического опыта народа, выраженный лаконично, ярко и образно. Например «Век живи – век учись», «О вкусах не спорят» и т.д. Что касается поговорок, то они, в отличие от пословиц, больше пригодны для выражения эмоций и оживления речи. И если пословицы существуют в виде устойчивых фраз, то поговорки допускают определенные варианты своего состава и не всегда «выражают законченное суждение»: «Мал да удал»; «На безрыбье и рак рыба» и т.д. Условно пословицы и поговорки можно разделить по их тематической направленности на несколько групп, например, 1) о быте; 2) о времяпрепровождении; 3) о кухне; 4) об окружающей среде и т.д. Почти в каждой из этих групп при сопоставлении русской и английской пословицы или поговорки наблюдается ряд отличий. Например, *Jam tomorrow and jam yesterday but never jam today* «досл.: Джем завтра, джем вчера, но отнюдь не сегодня» соответствует русской поговорке «Завтраками сыт не будешь». Если русская пословица просто призывает к деликатности, то английская отражает известную «закрытость» английского дома для гостей. Англичанин скорее позовет вас посидеть где-нибудь в пабе, ресторане, в гости же позовет в исключительном случае.

При сравнении пословиц и поговорок, касаемых жизненных ценностей и нравственных аспектов, явных различий не наблюдается. Так, в качестве примера рассмотрим пословицу о правде. В словаре С.И. Ожегова эта лексема толкуется следующим образом: «правда – это то, что основано на справедливости и честности, то, что соответствует действительности и истинности». В рамках лингвокультуры рассмотрим пословицу *Truth filters through stone* (досл.: правда проходит сквозь камень). Ее русский эквивалент «Правда в огне не горит и в воде не тонет». Правда всегда «откроется» как бы тщательно не старался человек ее «скрывать». Это то, от чего не уйдешь. Правдивые отношения – это уважительные отношения.

Следует также отметить, что наряду с пословицами и поговорками нравственному отношению между людьми учат и другие фольклорные жанры, например различные сказки. Как правило, в итоге в сказках побеждают всегда правдивые и добрые герои. А правдивый человек, по-нашему убеждению, это человек духовно-нравственный. Поэтому в данной русской пословице выражение « в огне не горит и в воде не тонет» заимствованно из народной русской волшебной сказки. Таким образом, понятие «правда» для этих двух народов интерпретируется одинаково, т.е. жизненные установки русских и англичан идентичны.

В сравнении с концептом «правда» рассмотрим концепт «ложь». *He that one deceives is ever suspected* (досл.: Тот, кто однажды солгал, навсегда под подозрением) «Раз солгал, навек лгуном стал». В этой пословице критикуется неправда, обман, которые недопустимы в человеческом обществе, которые

мешают выстраивать духовно-нравственные отношения среди людей. И тому, кто хоть раз сказал неправду, никогда уже не поверят. Ему никогда не доверят ответственное и важное дело, он никогда не будет пользоваться уважением среди окружающих его людей. Следовательно, такие понятия, как правда и ложь являются основополагающими в нравственном отношении среди людей.

В качестве примера рассмотрим еще одну пословицу о воровстве *Once a thief, always a thief* (досл.: Однажды украл – навсегда вор) соответствует русской поговорке «Раз украл – навек вором стал». В данной пословице воровство выступает как безнравственное понятие, недопустимое в человеческом общежитии. Только морально падший человек способен на такой поступок как воровство. Такого человека не только не уважают, с ним не желают иметь никаких отношений вообще. Как с точки зрения русских, так и с точки зрения англичан это понятие интерпретируется одинаково.

Нами приведены примеры лишь нескольких духовно-нравственных понятий, являющихся неотъемлемой частью взаимоотношений между людьми, но если взять любую пословицу и поговорку с подобными понятиями, значительных различий наблюдаться не будет. Поэтому на основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что в духовно-нравственных отношениях между людьми, какой бы он не был национальности, различий не существует.

Литература

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1995
Порус В.Н. //Вопросы философии. – 2005. – №11.

*Е.Ю. Казакова,
Читинский госуниверситет, г. Чита*

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ «МОЛЧАНИЕ»

Глубокие прозрения Эдуарда Сепира, как считает А.Вежбицкая, и мы это мнение полностью разделяем, остались справедливыми и важными по сей день. Это такие идеи, как: «язык является символическим руководством к пониманию культуры» [Sapir 1949, с. 162]; «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа»; относительно языкознания «имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» [Вежбицкая, 2001]. Представляется, что подход вышеназванных ученых, возможно, применить и при изучении невербальной коммуникации, т.е. «несловесный язык» является одним из ключей к пониманию культуры.

Особый интерес для нас представляет категория «молчания» как наименее изученная единица невербальной семиотики. В данном докладе представлены некоторые значения категории «молчания» в восточной и западной культурах (на материале фразеологизмов, поговорок, афоризмов).

«Молчание» – категория, значение которой невозможно определить однозначно, т.к. это явление необходимо рассматривать лишь в его контексте (культуры, коммуникативной ситуации).

«Молчание», будучи одним из компонентов человеческого общения, имеет свою коммуникативную значимость, это более тонкая категория, которая выражает информацию ментального мира, информацию, которую невозможно подвергнуть кодировки. Как замечает Корнилова Н.Б. в статье «Слово и молчание: аспекты взаимодействия» в определенной степени человеческое мировосприятие обусловлено языком, и поэтому невербальная часть сознания, соединяясь с языковыми компонентами, образует структуру, совершенно отличную от аналогичных структур в других языках. Следуя вышесказанному, исследователь полагает, что в разных культурах не только возможно, но и объективно существует разное отношение к самому слову. Например, восточные культуры тяготеют к интимному, интуитивному постижению (не – рациональному) постижению смыслов, поэтому и молчанье в таких культурах может являться не столько эмоциональной заменой вербального общения, показателем близости людей друг другу (по мнению Корниловой, как это есть, для западного человека), а коммуникативной нормой (отсутствие пустословия или словопроизнесения, суетного, беспрестанного говорения). «Молчание» в условиях диалогического или полилогического общения здесь тесно сопряжено как с этическими нормами и правилами жизни, так и с наличествующей религией, например, *Тот, кто знает, не говорит. Тот, кто говорит, не знает.*

Необходимо заметить, что значение категории молчания, как впрочем, и любой другой категории меняется с изменением менталитета народа. Так, для русского народа в Древней Руси «слово серебро, молчание золото» или «молчание – золотое словечко». Категория «молчания» в этот момент очень значима, для людей важно глубокое осмысление мира. Меняется время, и данная категория уже сравнивается с ворчаньем: «доброе молчание лучше худого ворчанья» или «тихое молчание ничем не ответ». Таким образом, преобразовавшееся мировосприятие человека изменило отношение к слову, а затем и его значение, молчание теперь никакой ценной информации не представляет. Молчание применительно к ситуации межличностного общения людей, принадлежащих к одной культуре, может приобретать разные смыслы.

«Молчание» и в западной, и в восточной культурах часто интерпретируется как знак уважения, смирения. Так, ученик должен молчать в присутствии учителя, ребенок ребенку – в компании взрослых (пока ему не задали вопроса),

подчиненному – в присутствии начальника, если этот последний не вступает в диалог сам. «Молчание» в этом случае ассоциируется с почитательностью, признанием своей меньшей значимости по сравнению с партнером по общению. Нарушение этого правила расценивается как несоблюдение этических правил поведения.

В христианской религии наедине с Богом, человек прибывает в особенном состоянии, он прислушивается к внутренней речи, только так возможно услышать истину. Бог, по некоторым суждениям, в каждом человеке. Золотухина-Аболина Е.В. в работе «Смыслы молчания» анализирует онтологические смыслы молчания. Автор замечает, что такие смыслы молчания рассматриваются в религиозных и эзотерических учениях, принадлежащих как Востоку, так и Западу. «Молчание» выступает здесь как первоначальное состояние Бытия, как характеристика мира в его потенциальности и непроявленности, как безмолвие творческого Духа, который лишь во второе мгновение порождает Слово — сына Божьего, Логос. Бог в его самостийности и изначальности, потенциальности и самодостаточности сам есть молчание, то богатое следствиями молчание, из которого рождаются все вещи и все разговоры.

Слово неотделимо от наличия конкретных форм, оно Сын, в то время как Отец — бесформенность и молчание.

Для бытийного приобщения к изначальному «Молчанию» Бога, для постижения идентификации с ним во всех религиях мира, в особенности в среде монашества, были изобретены духовные техники — медитации и молитвы, призванные остановить неумолчный поток человеческой речи, освободить дух от вербальной темницы. Они присутствуют и практикуются во всех мистических религиозных направлениях: брахманизме и даосизме, духовной йоге, тантризме, Каббале, суфизме, ваджраяне, христианском герметизме, а также в исихазме — направлении православия, которое, собственно, так и называется по-русски «молчальничество».

Очень интересное значение приобретает молчание в следующем контексте: «с этим человеком и молчать приятно» или «дружба - это умение молчать вдвоем», здесь, на наш взгляд, молчание отражает отношение полной гармонии между людьми, когда слова только мешают понимать друг друга.

Таким образом, молчание является одним из ключей для понимания той или иной культуры: культурно-исторической эпохи, отдельного этноса и конкретной личности.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д.Шмелева. – М., 2001.

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ОДНО ИЗ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ КАЛМЫЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Существуют лингвистические термины, выражающие феномен звукоподражания: ономотопея, изобразительные слова, подражательные, мимесис, мимемы, имитативы, звукоизобразительные слова, и т. д. Звукоподражательные слова – это слова, при помощи которых передаются различные звуки, слышимые в окружающем нас мире: шелест, бульканье, стук, свист, звон, хруст, скрип и т. п., а также подражания крикам животных и птиц. Каждое звукоподражательное слово связано с определённой интонацией, дополняющей его эмоциональное содержание.

В любом языке можно найти достаточное количество изобразительных слов, представляющих интерес с этой точки зрения. Речь, обладающая такой спецификой, придает ей особую выразительность звучания, поддерживает внимание и интерес у читателя или слушателя. Еще в древних мифах отражены первые представления людей о происхождении языка и его сущности. Для древних индийцев была характерна убежденность в существовании изначальной связи между самой вещью и ее наименованием.

В языкознании к изобразительным словам относились с подобным же интересом. Одни исследователи пытались в каждом слове найти естественную связь формы с содержанием, другие, отрицая возможность мотивации значения слова его формой, происхождение языка объясняли договоренностью членов древнейшего общества. В России на связь звука с содержанием слова обращал внимание еще М.В. Ломоносов.

Позднее этому вопросу были посвящены работы Г.В.Лейбница, И.Г.Гердера, Г.Штейнталя, В.Вундта и Г. Пауля.

Подражательные слова глубоко изучены в тюркских, финно-угорских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках. Предметом всестороннего изучения этой лексической группы в монголистике явились труды бурятских ученых, впервые выдвинувших проблему звукоподражательных и образных слов в языках монгольской группы (Л.Д. Шагдаров. Изобразительные слова в современном бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1962).

Изобразительные слова в калмыцком языке охватывают группу подражательных и группу образных слов. В грамматике калмыцкого и монгольского языков дореволюционного и советского периода (А. Попов, А.Бобровников, Б.Бадмаев, Г.Санжеев, Б.Х. Тодаева) изобразительные слова рассматривались

в разделе «Междометие», не находя исчерпывающего и систематического материала. Междометия – это неизменяемые и лишённые грамматических показателей слова, при помощи которых говорящий средствами родного языка выражает различные чувства, эмоции, волеизъявления и т.п.

Междометия являются по сути дела очень древнейшей группой слов, которые не называют чувства, а лишь непосредственно выражают их путём эмоциональных возгласов. Междометия не обладают в отличие от назывных слов грамматическими категориями и формами, не имеют синтаксических связей с другими словами, у них нет функции выступать в роли предложения в отличие от знаменательных слов, а в предложении они имеют статус вводных слов. По своей внешней форме междометия чаще всего являются короткими словами, например, о! ах! эй! ух! ха-ха-ха!

Б.Б. Манджикова же выделила изобразительные слова в особую категорию слов, отличающихся от междометий своеобразием структуры благодаря их фонетическим, морфологическим и семантическим особенностям калмыцкого языка.

Звуки в калмыцком языке как и в других языках воспроизводят звуковые явления, при этом обладая определенной фонетико-морфологической структурой. Звукоподражание как факт речи зависит от характера и навыков произношения на данном языке, от особенностей восприятия различных явлений носителями языка.

Калмыцкие звукоподражательные слова используются как в устной речи, так и в произведениях калмыцких писателей. Они позволяют говорящим и пишущим ярче выразить образность родного языка и используются в качестве одного из мощных языковых изобразительных средств. Б.Б. Манджикова, исследовав класс звукоподражательных слов, указывает, что они представляют собой главным образом односложные основы, передающие различного рода звучания, имитирующие различные звуковые образы, воспринимаемые человеком извне. В речь они вводятся в сочетании с глаголом гих, который принимает различные необходимые по ситуации высказывания грамматической формы, например, пулд гих «булькнуть, хлопнуть»; таш-таш гиж инэв «он звонко рассмеялся». Такие глаголы образуются аналитическим способом, где гих выполняет служебную функцию. Само же звукоподражательное слово, например, таш является подражанием резкому сухому звуку, выстрела, удара плетью, сильному хлопку, громкому хохоту и т.п. Основами таких слов являются, как правило, односложные слова с конечным закрытым слогом, их структурными типами являются СГС, СГСС.

Следует отметить, что помимо аналитического способа образования глаголов от звукоподражательных слов при помощи служебного глагола гих калмыцкий язык использует и синтетический способ образования глаголов от

звукоподражательных слов при помощи присоединения к ним глаголообразующих аффиксов, например, от слова жң – подражания звону, звяканью и т.п. образуются глагол жиңнх, означающий «звенеть, гудеть».

В тюркских языках звукоподражание подробно изучил Н.И.Ашмарин. Он считает, что изобразительные слова являются древнейшими словами, что «...эти-то слова и должны дать исследователю материал для суждения о более ранней эпохе интересующих нас языков», и что «...как дитя невольно усваивает слова матери или кормилицы, так и первобытный человек создавал свою, правда несложную, однако живописную и дышащую свежестью непосредственной изобразительности речь, будучи руководим впечатлениями от звуков и других разнообразных явлений окружающего его мира».

По Ашмарину, изобразительные слова в зависимости от характера подражания явления делятся на пять групп: 1) звукоподражания; 2) подражания явлениям движения и, в частности, световым; 3) отпечаточные слова гортанного ряда; 4) подражания явлениям, происходящим в человеческом организме; 5) детские слова отпечаточного типа.

Н.И.Ашмарин подчеркивает особую роль звука л, встречающегося в световых обозначениях и в мимемах движения во многих языках, не только «ура-ло-алтайского семейства». Автор объясняет это тем, что звуки этого типа возникают как бы сами собою при свободном движении языка, что можно наблюдать у маленьких детей. По этой причине, говорит автор, звук л входит у многих народов в название наиболее деятельного органа речи – языка.

Н.И.Ашмарин полагает при этом, что тюркский л, например, йал, йалт, йьлт – подражание переливающемуся блеску струи, возник именно вследствие симпатического движения языка, когда первобытный наблюдатель бесознательно двигал языком, подражая движению.

Если взять, к примеру, английский язык, звук l в сочетании с английским s ассоциируется со скольжением: slalom, sledge, sleigh, slide, slip, sloop, slope.

Проблемы, возникающие при исследовании материала конкретных языков, могут быть прослежены и на примере изучения английской звукоизобразительности, так как они актуальны как для родственных, так и неродственных языков. Как отмечает С.В. Воронин, что звукоизобразительность английского языка изучена еще весьма слабо. Ранние исследования носят чисто описательный характер. Но интерес представляет приводимый в них обширный языковой материал. Таковы работы Г.Веджвуда, Й.Райниуса, М.Мюллера, Г.Шписа.

Изобразительная система языка обусловлена его особенностями, вследствие чего один и тот же естественный звук в разных языках имеет разное смысловое наполнение. Говоря о богатстве звуко-символической системы того или иного языка, можно судить по количеству энциклопедий, словарей или справочников по ономапоен.

В качестве иллюстрации этого, приведем несколько отрывков из произведений английских и русских поэтов, наглядно демонстрирующих использования ономастопен в качестве яркого стилистического приема, например, *Does a rooster always crow/Cock-a-doodle-do?/To me it does – and maybe//To you too./ But to Spaniards roosters cry KEE-KEE-REE-REE!/Now how, can you tell me, just how can, just how can that be?/RobinsonM. Cock-A Doodle Doo!/*

Разумеется, сфера распространения ономастопэтических или изобразительных слов не ограничивается детской поэзией. Языковые явления ономастопеи уникальны и национальны, поскольку обусловлены фонетическими особенностями конкретного языка. В настоящее время сфера употребления звукоподражательных слов имеет свои ограничения: они чаще встречаются в разговорной речи, художественных произведениях, а также в фольклорных произведениях: песнях, сказках в и гораздо реже и вовсе не встречаются в публицистике, официальных документах и научных текстах.

В разговорной речи звукоподражательные слова вместе со всеми другими словами несут обычную коммуникативную функцию. В процессе общения эти слова не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в уже установившейся, сложившейся форме в соответствии с фонетическими особенностями конкретного языка и его типологическими закономерностями, связанными с рядом акустических, психических и других аспектов.

Н.О. Кокшаева

Калмыцкий госуниверситет, г.Элиста

ЛЕКСИКА, ОТРАЖАЮЩАЯ ВЕРОВАНИЯ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ. БУДДИЙСКАЯ ЛЕКСИКА

(Исследование проведено в рамках гранта РГНФ, проект № 07-04-36402а/Ю)

В лексической системе рассматриваемых нами авторских деловых бумагах особо рассматривается общемонгольская лексика, исконно калмыцкая и несколько обще приведена заимствованная лексика из других языков. По определению В.И. Рассадина, что слова можно распределить на несколько пластов. Во-первых, это «пласт общемонгольских слов». Во-вторых, «пласт специфической лексики, которая присуща только этому языку». В-третьих, «заимствования в составе пластов специфической лексик».

В целом же авторские документы, каковыми являются письма калмыцких ханов представляют собой благодатный источник для исторических, культурологических, лингвистических, ономастических исследований, поскольку они

содержат богатый материал, относящийся к ареальной истории, ареальной лингвистике, которые могут быть использованы в лексикографических и лексикологических работах. Исследования по лексике старописьменных памятников помогут воссоздать объективную картину состояния калмыцкого языка XVIII в. Изучение лексики калмыцкого языка XVIII в. в настоящее время требует расширения текстовой исследовательской базы, а огромные рукописные фонды на ойратской письменности до сих пор остаются в полной мере невостребованными.

Исходя из вышесказанного, в данной статье приводим особый тип лексики, выявленный из архивных документальных материалов XVIII века. Эти материалы интересны и по содержанию, и по объему.

Процесс образования новых слов и терминов в старокалмыцком языке указанного периода протекал по-разному в зависимости от внешних, социально-исторических условий и от внутренних, чисто языковых особенностей развития калмыцкого языка. Одним из внешних – это частные, экстралингвистические факторы, оказывающие локальное влияние. Внутрilingвистические факторы основаны на особенностях лексико-семантического порядка. Буддийская лексика в калмыцком языке занимает особое место.

Анализ лексического материала по определенной тематике позволяет заключить, что на рубеже XVIII века в старописьменном калмыцком языке основной лексический фонд составляла общемонгольская лексика, а также в этот период интенсивно поступали из русского и через русский язык большое количество заимствований, как устным, так и письменным путем.

Литература

Национальный архив Республики Калмыкия. Фонд 36 «Состоящий при калмыцких делах» опись 1. ед. хр. 319, л. 1360.

Архив Древних актов. Фонд 110 опись 2 (216/1А) ед. хр. 11, 6, 2.

• • •

*О.М. Кочеткова,
Читинский госуниверситет, г. Чита*

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА ИЗОЛИРУЮЩЕГО ТИПА (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

К языкам изолирующего типа традиционно относится китайский язык. Прежде чем говорить о выделении лексических единиц в китайском языке, необходимо охарактеризовать типологические свойства данного языка.

Основные типологические особенности языка наиболее полно проявляются на уровне слова. Одной из основных черт языка данного типа является моносиллабизм. Моносиллаб представляет собой один слог или односложное слово, способное к самостоятельному синтаксическому употреблению (исключение составляют однослоги со значением словообразовательных суффиксов и грамматические показатели). В китайском языке только звуки, организованные в слоги, являются носителями смысла и составляют лексическую базу языка. Однослог или корневая морфема одновременно является односложным, корневым, неизменяемым словом, характеризующимся грамматической законченностью и обладающей синтаксической самостоятельностью. Язык изолирующего типа отличается от флективных языков, прежде всего тем, что корневая морфема не извлекается из слова, она есть само слово. Из этих слов образуются сложные и производные слова. В настоящий момент китайский язык является полисиллабичным. Несмотря на этот факт, в китайском языке функционируют две формы слов: односложные и двусложные. Односложные слова функционируют самостоятельно и в качестве морфем, входящих в состав двусложных слов. Неизменяемость формы китайского слова является следствием фонетического строения слога.

Для того чтобы подробно рассмотреть этот вопрос, возьмем для примера лексические единицы, относящиеся к группе глаголов речевого действия.

Лексико-семантические парадигматические отношения, в которые вступают лексические единицы данной группы с представителями других групп в китайском языке на словарном уровне, образуют следующую парадигму по интегральному признаку: речевое действие / не речевое действие. Речевое действие – это действие, производимое только органами речи. Например: «рассказывать». Не речевое действие – это действие, которое может быть произведено не только органами речи, а также при помощи других средств. Например: «обманывать». Данная парадигма проводит четкую границу, необходимую для отбора и выделения лексических единиц.

Односложная лексическая единица, вследствие возможности самостоятельного употребления является многозначной. Ее актантная структура, т.е. однозначность лексического значения, определяется только на синтаксическом уровне. На словарном уровне она является открытой, семантические валентности многозначного слова остаются не заполненными.

Двусложная лексическая единица на словарном уровне обладает жесткой актантной структурой, которая и обуславливает однозначность ее употребления. На уровне двусложной лексической единицы есть возможность по дифференциальному признаку классифицировать речевое действие.

Для того чтобы на практике выделить лексические единицы в китайском языке, рассмотрим группу глаголов речевого действия. При выделении лексических единиц на словарном уровне необходимо отметить следующий факт:

не все односложные лексические единицы с речевым значением обладают одинаковой синтаксической самостоятельностью. Это значит, что не всякое односложное слово может реализовать свое значение в моносиллабичном виде. Чаще всего однослоги, только сочетаясь друг с другом, дают значение речевого действия. Лексическое значение в полном объеме позволяет также определить модель управления глаголов данной группы.

Таким образом, выделение лексических единиц в языке изолирующего типа полностью зависит от типологических свойств данного языка и определяется ими.

*О.С. Кравчук,
Северо-Осетинский госуниверситет, г. Владикавказ*

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И МИРОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В соответствии с современными требованиями школьная программа по литературе включает темы, связанные с изучением национально-регионального компонента. Развитие национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей было выделено в качестве одного из приоритетных направлений в системе мероприятий, направленных на развитие образования [см. раздел VI Закона «Об утверждении федеральной программы развития образования» от 10.04.2000 № 51-ФЗ]. В этой связи чрезвычайно важным стало учитывание национально-регионального компонента в профессиональной подготовке педагогических кадров.

С этой целью студентам факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, получающим дополнительную специализацию «История и теория художественной культуры», читается курс «Литература и культура народов Кавказа». Он включает в себя как сведения о литературе, так и о специфике развития, закономерностях функционирования, базисных ценностях культур кавказских народов. Литературы и культуры народов Кавказа рассматриваются в общемировом историческом и культурном контексте.

На занятиях студент не только знакомится с теми или иными художественными произведениями, но и выполняет ряд заданий, отсылающих к смежным гуманитарным дисциплинам: истории, этнографии, фольклористике, религиоведению, искусствоведению. Внимание уделяется анализу иллюстраций тех или иных произведений, интерпретациям мифологических образов в художественных текстах, влиянию религиозных воззрений на творчество писателя,

особенностям национальной картины мира, сравнению вариантов перевода стихотворения на русский язык и т.п. В результате изучения названного курса студенты-филологи оказываются подготовленными к реализации тех задач, которые призвано решать введение национально-регионального компонента: повышение мотивации к учению и рост самосознания личности в связи с воспроизводством ее национально-культурных и национально-исторических корней, возрождение и развитие национальной культуры, формирование национального самосознания и в то же время развитие толерантного отношения к миру, актуализация «способности воспринимать свою национальную культуру как неотъемлемую составляющую культуры мировой и в результате более качественно оценивать ее уникальность и неповторимость» [Методическое письмо о преподавании учебного предмета «Мировая художественная культура» в условиях введения федерального компонента государственного стандарта общего образования].

Введение национально-регионального компонента в изучении истории литературы и культуры создает предпосылки для развертывания творческих возможностей будущих учителей, так как предполагает большую самостоятельность, широту эрудиции при подготовке соответствующих уроков. Необходимость наличия именно этих качеств демонстрирует педагогическая практика в школе. Так, студенты, дающие уроки в 10-11х классах гимназии, должны рассмотреть на занятиях поэму К.Хетагурова «Фатима» и стихотворения А.Токаева. Ознакомление с различными проявлениями художественной деятельности национальных писателей происходит параллельно с изучением произведений русской словесности и имеет иные цели, чем на уроках осетинской литературы. Весьма существенным становится обнаружение аналогий с литературой и культурой русской, показывается то общечеловеческое, универсальное, что присутствует в текстах и делает их составной частью мирового художественного наследия. В результате уроки оказываются «мостиками» между литературами: осетинской и русской (сходство образов Фатимы и Татьяны Лариной, стихи А.Токаева и произведения русского символизма), осетинской и мировой (жанр сонета в истории европейских литератур и «Бусина желаний» А.Токаева).

Национально-региональный компонент на уроке литературы (равно как и МХК) предполагает соотнесение различных способов построения мира и построения знания. Представляя собой междисциплинарное поле деятельности, он придает процессу обучения более живой и осмысленный характер. Таким образом, подготовка педагогических кадров, способных к реализации национально-регионального компонента как одной из составляющих в изучении литературы (и шире культуры), способствует развитию образования как целостной системы.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

Лингвисты, фольклористы, этнографы, культурологи XXI века активно разрабатывают направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто как форма коммуникации и познания мира. Одним из таких направлений, рассматривающих язык сквозь призму культуры, истории и этимологии, стала этнолингвистика, которая изучает взаимоотношение между этносом и языком во всем его проявлении.

Одним из источников для изучения этнолингвистических проблем выступают диалектные словари. А.С. Герд отмечал, «любой диалектный словарь, заключая в себе сотни и сотни местных народных слов и выражений, представляет собой подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа» [Герд, 2005, с.11]. Диалектная лексика – «живая история, проецированная в пространство» [Аванесов, 1974, с. 122], в которой отражается кусочек какой-то реальности, но в сфере диалектной лексики до сих пор на первом месте стоит описание знаний об особенностях внутрисистемных отношений между словами. Это происходит потому, что практически все диалектные словари строятся по алфавитному принципу, с учетом строгих фонетических, словообразовательных, морфологических особенностей, описывающих лексические единицы. На современном этапе развития этнолингвистики, при лексикографическом описании диалектной лексики разумнее применять идеографическую классификацию. В связи с постоянно возрастающим вниманием к народной культуре, в том числе и региональной трудно переоценить значимость данной классификации, в которой отражается реальное единство, и разнообразие предметов реальной действительности по отдельным логико-понятийным группам. Ценность таких словарей в том, что в них отражены как лингвистические, так и этнографические материалы, взаимно дополняющие и уточняющие друг друга.

Примером для описания диалектной лексики с учетом сведений об этнолингвистических данных может выступать любой тип регионального словаря: исторический, диалектный, топонимический, терминологический и т.д., в том числе построенный и по алфавитному принципу: «Словарь говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова таковым и является. В словаре отражены лексемы характеризующие материальную и духовную культуры региона, формы речевого поведения забайкальцев.. Наблюдения показали, что словарь, содержит богатый языковой материал, который подвергается идеографической рубри-

кации, например к тематической группе «Блюда» относятся 178 диалектных единиц, к «Наименованию напитков» – 50, к «Наименованию ягод» – 18 диалектных единиц [Элиасов, 1989].

Каждому слову можно попытаться дать этнокультурный комментарий. Например, в группе «Блюда» рассмотрим диалектную единицу *куку'ра*, что обозначает «мясо, завяленное на солнце. Контекстный материал дает информацию о том, что данный продукт готовили тунгусы: *«Богатые беловодские тунгусы себе помногу кукуры приготавливали. Летом свеженины мало, так они кукуру только и ели. Кукуру уметь надо делать, а то все зачервивает мясо-то»*, а также лексикограф поясняет, что у данного слова есть второе значение, где речь идет о «старом человеке». Лингвистическая информация понятна, но этнографические факты скрыты. Подобные факты можно попытаться установить из «Этимологического словаря русских диалектов Сибири» А.Е. Аникина «нарезанное полосками, кусочками, вяленое слегка прокопченное мясо диких животных» в восточно-сибирских говорах, «запас мяса на черный день» и «вяленое (сушеное) мясо дикого зверя» в говорах амурских // Из эвенкийского *кукурэ* «вяленое мясо». В эвенкийских словах выделяется омертвевший суффикс – *рэ*, но корень его не ясен, возможно от эвенкийского «строгать», если обратим внимание на слово *куку'я*, то это обозначает «осенняя шкура (обычно с шеи) лося, изюбра, гурана, с прочной толстой кожей, идущая на обувь, ремни, конскую сбрую» в забайкальском и восточно-сибирском говорах [Аникин, 1997, с.155]. Таким образом, удастся понаблюдать за распространением географией слова, выявить его этимологию, установить культурно-историческую информацию, связав слово с той или иной промысловой деятельностью человека. В данном случае нам становится понятно, что жители отдельного района занимались охотничеством и заготавливали мясо впрок, которое делали сами и по своей особой технологии, суть которой неизвестна.

Полученная информация требует этнолингвистического комментария, так как в каждом слове «лежит работа мысли, творческий акт, связывающий звучание слова и его значение» [Савельева, 1997, с.17].

Литература

Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. – М., 1974.
Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. – Новосибирск, 1997.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб., 2005.

Элиасов Л.Е. Словарь говоров Забайкалья. – М., 1989.

КАРТИНА МИРА В НОВОМ РОМАНЕ Д. ЭРДЫНЕЕВА «УЙЛЫН УРИ» («РАСПЛАТА»)

Само время и те требования, которые оно выдвигает, заставляет писателя все настойчивее продолжать тему ответственности человека перед прошлым, настоящим и будущим. Вопросы отношения к человеку как части Вселенной, его взаимосвязи с окружающей природой, а также сохранения духовных начал и ценностей всегда были важны писателю, ищущему всё новые и новые возможности для философского осмысления жизни. Вот почему автору в его новых произведениях интересен излюбленный прием – поставить героя в ситуацию прозрения. Именно в этой ситуации герой его нового романа «Расплата», пытаясь выйти к себе самому, обрести собственную идентичность, оказывается перед осознанием пустоты прожитой жизни – и эта ситуация окажется точкой отсчета, началом новой полнокровной, осмысленной жизни.

Мотив осквернения природы («бузарлаха»), насильственное вторжение в естественный природный цикл звучит в романе наряду с другой – темой богатства и нищеты человеческой души. Вызывает восхищение стремление автора обратиться к своим соплеменникам, сказать о том, что сам народ, являясь хозяином своей судьбы, родной земли, не может позволить управлять собой, другими людьми, богатствами своей земли, противостоять современным манкуртам. Людей, духовно нищих, занимают только их личные, корыстные цели, поскольку основная философия жизни таких людей – равнодушие ко всему, кроме себя самого.

По мере духовного роста Далая авторские размышления, вложенные в уста матери, высказанные ему ещё в молодости, приобретают истинную ценность, значимость и понимание. В этом случае автор исходит из понятия «частное и целое», через судьбу Далая предостерегает молодого, только начинающего жить человека. Материнский наказ – беречь свою землю, защищать ее от осквернения – духовного и материального становится для Далая как бы отправным пунктом его нового осознанного жизненного пути: «Представители твоего рода всегда испокон веков трудились во благо своему народу, вели праведный образ жизни и верили Бурхану, выбирали созидательный путь в жизни. Ты должен следовать их пути, тогда твои дела, твоя судьба не потеряет смысла. Старайся быть настоящим человеком, стремись к совершенству, облагораживай свое человеческое достоинство, соблюдай и живи по традициям предков!» [Д.Эрдынеев, 2006, с. 142. Перевод наш].

Конфликт, противостояние разных представителей одной семьи: с одной стороны, матери и сына, с другой – невестки и ее родных, для которых важнее всего материальные блага – помогают автору наглядно показать истинные ценности. Духовное наставление матери помогает герою по-настоящему прозреть и стать независимым не только в своих мыслях, но и в конкретных делах и поступках. Свобода мысли, ответственность за свои дела и поступки не только в этой жизни, но и в будущем – вот что волнует автора в этом романе. В монологах Далая о судьбе Байкала, об обычаях и традициях монголо-язычных народов, о призыве стать настоящими хозяевами своей земли, о возрождении национального самосознания, о принятии закона по защите Байкала, об избавлении от временщиков на разных уровнях власти, о поддержке истинных патриотов родной земли угадывается авторское размышление о настоящем и будущем не только бурятского народа в целом, но и всего человечества.

Планетарное мышление автора берет свое начало уже в ранних его произведениях, в циклах рассказов, повестях и романах: мотив тоонто, начинается с его родного села Удаганта («Половодье»), где живут внуки Тубэргэнов, далее орбита расширяется в романе «Большая родословная» до городской жизни, а в романе «Расплата»- это мышление уже затрагивает ойкумену Байкала, в целом бурятского народа, живущего вокруг священного озера, уникального детища Вселенного. Глубоко символично название романа «Уйлын үри» («Расплата»), в котором вложены сокровенные мысли автора об ответственности всех и каждого за прошлое, настоящее и будущее, за все содеянное на Земле.

Литература

Эрдынеев Д. «Уйлын үри». Улан-Удэ, 2006.

Т.Х. Очур,

Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ

**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МИФОДЕРЕВА
В РАССКАЗ-СКАЗКЕ С. САРЫГ-ООЛА «АГАР-САНДАН БЯШ»
(«ДЕРЕВО АГАР-САНДАН»)**

Первое повествовательное произведение С. Сарыг-оола [1980, с. 17], Народного писателя Республики Тыва, – рассказ-сказка «Агар-Сандан бяш» («Дерево Агар-Сандан») (1937) написана на основе сказочного сюжета. В ней рассказывается о том, что на краях, где зарождается Енисей, в верховье, где крутые горы, могучие леса и цветущие луга, выросло чудесное дерево Агар-Сандан. «Это его ветви дали живительную влагу всем гибнущим существам,

это его ветви дали обездоленным кров и пристанище. Звери и птицы – все живое неудержимым потоком спешат под его сень» Из-за чудесного дара дерева произошла борьба между мирными и хищными зверями. Так традиционный фольклорный приём контраста создаёт фабулу сюжета произведения. Как и в фольклоре, в рассказ-сказке С.Сарыг-оола добро превосходит над злом. Автор показывает, что правдивые и великодушные герои победили коварство, несправедливость. Через художественное восприятие в рассказе аллегорично обрисовано неравенство социальных пластов в обществе. «Агар-Сандан ыяш» явился своеобразным отражением первоначального понимания писателем особенностей художественной прозы. Художественный образ им воспринимается как аллегория. Нет сомнения, что сказ был написан под непосредственным влиянием фольклора. Число сказочных зачинов, образ Чуда-дерева, образы животных указывают на то, что за образец была взята последняя глава сказания «Ачыты-Кезер-Мерген, где повествуется о чудо-дереве Кангыр-Баазын», – пишет Д.С. Куулар [2003, с. 124-125].

Стержневой, неиссякаемой художественной силой рассказ-сказки «Дерево Агар-Сандан» является образ Агар-Сандан. Архетипический образ дерева является одним из универсалий мировой культуры. Образ мирового дерева в сказке привлекает читательское внимание, выступает как ключ к пониманию глубинного авторского воображения. Дерево здесь – главный герой произведения, оно живое, независимое. Дерево в произведении С.Сарыг-оола [1980, с. 18]. способно говорить, чувствовать, реагировать: «Далеко слышна ласковая речь Чуда-дерева. Услышали её и хищники: волк, барс и медведь – да и стали крадучись подползать к нему поближе. Нахмурилось Чудо-дерево. Но те лежат, притаились, уходить не собираются. Тогда Чудо-дерево как закачалось, да как швырнуло градом шишек, словно гранатам, в головы этих жадюг, что пожирали бессильную, безобидную мелкоту. И изгнал беспощадно всех тиранов, насыщавших утробу своим мясом и кровью меньших»

Мифообраз дерева отражает многовековую историю жизни народов Центральной Азии, периоды отчаяния, борьбы за выживание, возрождение. Дерево произрастает из матери земли и обладает силой и крепостью, оно способно рожать и плодоносить с каждым восходом солнца. В сказке-рассказе дерево Агар-Сандан всё крепнет, всё хорошеет, всё мужает. Все ветви его до самой кроны густо усыпаны тучными шишками со зрелыми орехами. Груды плодов вокруг его ствола не уменьшаются, а всё растут. Приветливо и щедро чудо-дерево ко всему трудовому зверью и птицам. Человеческим голодом держит оно речь, щедро одаривает тех, кто раньше голодал и дрожал от страха. С.Сарыг-оол мечтает, что подобно дереву, новая власть Тувинской Народной Республики будет плодоносить людям радость, счастье. Так, дерево у С.Сарыг-оола – средоточие жизни, оно выступает как колодец счастья, убежище от насилия.

Кстати, существует множество преданий народов мира, в которых говорится, что люди произошли от деревьев или какой-нибудь части его ствола. Это объясняется анимистическими представлениями, поскольку любое явление природы воспринималось как живое начало. Кроме того, здесь высказывается и древние тотемические связи человека и растения. Дерево Агар-Сандан в произведении полностью ассоциируется с живым существом, человеком.

По этнопоэтическим художественно-временным категориям образ Агар-Сандан носит ярко выраженный сакральный характер. Агар-Сандан интерпретируется символом связи трех мифологических временных пластов. Оно имеет как наружное пространство, так и внутреннее – корень. Ведь корень, имея место под землей, где покоятся кости предков, соотносится с категорией прошлого. Радеющие своей красотой, живительной влагой, воздухом и плодами его ствол, ветви ассоциируются с настоящим временем. А стремительно растущий в небо верх дерева в сознании народов мыслится символом будущего. Таким образом, архетип дерева Агар-Сандан имеет веками сложившиеся глубинные истоки, осуществляя связь наружного пространства с внутренним.

Деревья – тайники коллективной памяти. Не случайно героиня первенца тувинской драматургии Кара исповедует свою душу именно лиственнице. Неудивительно, образ дерева в литературных произведениях трактуется философично, чем описательно.

Итак, вышеизложенное позволяет нам подтвердить, что С. Сарыг-оол апеллирует к глубоким пластам сознания народа. Символичным нам кажется и тот факт, что С. Сарыг-оол открыл свой путь в прозу именно с рассказа-сказки «Агар-Сандан ыяш», впитавший духовное сокровище народного творчества.

Литература

- Сарыг-оол С.А. Чудесное дерево Агар-Сандан //Сарыг-оол С. – М., 1980.
Куулар Д.С. С. Сарыг-оол //Повелитель слов. – Кызыл, 2003.

*В.И. Рассадин, С.М. Трофимова,
Калмыцкий госуниверситет, г. Элиста*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ АНТОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ

В исследовании фразеологической единицы данный аспект имеет принципиально важное значение. Изучение антонимических связей в кругу фразеологизмов даёт возможность более глубоко раскрыть их основные системно-организующие свойства как единиц языка, позволяет уточнить представле-

ния об устойчивости структуры фразеологизмов. Анализ фразеологических антонимов способствует лучшему усвоению значений фразеологических оборотов и помогает обстоятельнее охарактеризовать их с точки зрения лексической сочетаемости и стилистических возможностей.

Фразеологизмы-антонимы – это обороты с противоположным значением. Однако антонимия во фразеологической системе далеко уступает аналогичному явлению в лексике. Антонимические свойства фразеологизмов ярко обнаруживаются в тех случаях, когда в составе оборотов присутствует какой-либо формальный показатель – антонимическое слово, послелог или частица отрицания. Антонимия может быть выражена:

– противопоставлением определяющего слова, например, *нудэнд хуйтэн* (досл. «холод в глазах») «выглядеть неприятным в чьих-либо глазах» – *нудэнд дулаан* (досл. «тепло в глазах») «казаться милым, приятным»;

– противопоставлением глагольного компонента, например, *амь орох* «оживать, возвращаться к жизни» – *амь гарах* «умереть, лишиться жизни»; здесь противопоставляются глаголы *орох* «входить» и *гарах* «выходить»;

– противопоставлением наречного компонента, например, *цааш харах* (досл. «туда смотреть») «умереть» – *нааш харах* (досл. «сюда смотреть») «идти на поправку»;

– употреблением при фразеологизмах отрицательных постпозитивных частиц *-гуй, биш*, препозитивных – *ул, эс*, например, *нүүр өгөх* «быть приветливым» – *нүүр өгөхгүй* «быть недружелюбным», *толгой өвдөх* «думать о чем-то непристанно» – *толгой өвдөхгүй* «не думать ни о чём», *гар хумих* «ничего не делать» – *гар хумихгүй* «не покладая рук».

Фразеологическая антонимия может осуществляться и противопоставлением слов, не являющихся антонимами в свободном употреблении, например: *урам орох* «приободриться» – *урам хугарах* «падать духом».

Антонимичность фразеологических оборотов может осуществляться и на семантической основе, если в их составе отсутствуют четко контрастирующие элементы, . Например, *өр нимгэн* «добрая душа» (досл. «нутро тонкое»), *хонь чоно хоёр шиг* «как кошка с собакой» (досл. «словно овца и волк»), *толгой цахих* «быть первым» (досл. «бить голову»), *тэмээ ямаа шиг* «как небо и земля» (досл. «словно верблюд и коза»), *усны дусал шиг* «как две капли воды» (досл. «словно капля воды»).

Антонимия во фразеологических единицах монгольского языка имеет место в трёх случаях: 1) при создании противоположных по значению фразеологических единиц; 2) при создании абсолютно несопоставимых по значению фразеологизмов; 3) при более сложной структурно-грамматической организации членов фразеологического оборота.

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Современное восстановление и развитие культуры подразумевает восстановление воспроизводства социальной структуры ценностей общества, знаний и информации, в первую очередь национальных языков, носителей всех перечисленных социальных признаков, которые являются неотъемлемой частью характеристики общества. В условиях создания социальности, социальной природы данных целей и деятельности приводит к разным изменениям в обществе, обуславливая общие тенденции его развития. Важная роль в данном направлении развития отводится языковой ситуации в национальной политике в государстве принадлежит институту образования, который способствует приобщению людей к социальным ценностям, социальным нормам и принципам эффективного взаимодействия в процессе общественно значимой деятельности.

Начало 90-х гг. отразил новый период изменения языковой среды, сложившейся в регионах РФ. Так, Закон о языках в Калмыкии принят Верховным Советом КССР 30 января 1991г., впервые установив законодательно статус калмыцкого и русского языков в республике как государственных (ст. 3). Закон гарантирует всемерное развитие языков Калмыцкой ССР-Хальмг-Тангч всей территории и стимулирует их изучение (ст. 5), предусматривает свободный выбор языка (ст. 6), обеспечивает свободное и равноправное использование калмыцкого, русского и других языков в сфере культуры и науки, в государственной сфере, в средствах массовой информации, фактически положил начало новой национальной политики возрождения правительства РФ к народам ее населяющим. В XX в. наряду с возникновением интереса к феномену мировой культуры, целостно охватывающему явления искусства, философского мышления, нравственности, усиливается интерес к национальным аспектам развития культуры. Поэтому в последнее время все более актуальным становится культурологический подход к анализу накопленного человечеством духовного и художественного наследия, позволяющий рассмотреть «дух нации», воспроизвести в психологических структурах сознания через культурные образцы, стереотипы, которые обусловлены геополитическими традициями, ментальностью народов и складом мышления. Язык является средством восприятия и проникновения в другие национальные культуры, изучение свойств их национального менталитета, народных традиций.

Как правило, у многих народов философия экзистенции человека, его культуры выражена в неразрывной связи с животным и растительным миром,

природой, олицетворяющей одухотворенность космосом и ассоциирующаяся с различными человеческими настроениями, понятиями, воссоздавая в произведениях народного творчества штрих за штрихом, звук за звуком национальную образную картину мира, отражая гармонию человека с природой, его психологический склад, эмоциональный настрой, закономерности художественного времени. Таким образом, систему ценностей, социально-политические, эстетические, этнологические условия определили традиции современного развития этнопедагогтики, рассматривая во взаимосвязи национальные и общечеловеческие ценности, отражая синтезирующее осмысление оценок настоящего и его представление о будущем. Идеал – важнейшая категория в системе ценностных ориентаций личности. В нем осуществляется «предвосхищение» того, чем может стать человек, мечта как приближение к заветной цели.

*И.В. Собакина,
Якутский госуниверситет, г. Якутск*

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СРАВНЕНИЙ ОЛОНХО «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ» С ЯКУТСКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК

В последнее время международный культурный обмен поставил перед исследователями различных научных направлений, в том числе переводоведения, конкретные задачи, от решения которых зависит успех и расширение диалога культур.

Одно из ключевых мест в теории и практике перевода занимает вопрос о переводческих трансформациях. И он приобретает особую значимость при переводе на иностранные языки такого своеобразного жанра якутского фольклора, как героический эпос – олонхо, который в 2005 году провозглашен ЮНЕСКО Шедевром устного и нематериального наследия человечества. Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» занимает одно из первых мест среди памятников якутского фольклора, и поражает художественным совершенством, красотой поэтики, гармоничностью построения, лексическим богатством и стилистическим разнообразием.

Материалом данного исследования послужили сравнения якутского олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в варианте К.Г. Оросина и его французского перевода, выполненного Ж. Карро. Посредством образных сравнений, как наиболее естественного и древнего способа выражения, в эпическом произведении передаются национальная специфика народа, его историческое про-

шное, материальная и духовная культура, система ценностей, особенности членения действительности и познания мира.

При переводе сравнений олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в зависимости от характера единиц исходного языка выделены грамматические, лексические и стилистические трансформации.

К грамматическим трансформациям относятся:

– перестановки, т.е. изменение расположения языковых элементов в тексте перевода по отношению к тексту оригинала, обусловленные различием в системе языков, а именно фиксированным порядком слов «определяемое + определяющее» во французском языке и «определяющее + определяемое» в якутском языке. Следуя этому правилу, в якутском языке эталон ставится перед темой, а в языке перевода тема стоит в препозиции к эталону;

– замены форм слова, частей речи, членов предложения вызваны различием в строе языка (при выражении обладания данным предметом), отсутствием артикля в якутском языке, а также попыткой более полной передачи прилагательных;

– добавления лексических элементов, эксплицитно раскрывающих то, что выражено в оригинале грамматически, происходят, в основном, в связи с различиями в структуре предложения, необходимостью более развернутого выражения мысли, отсутствием аффиксальных падежных форм во французском языке;

– опущения семантически избыточных слов обусловлены чрезмерной детализацией в олонхо.

В результате грамматических трансформаций в некоторых случаях теряется выразительность оригинала, что компенсируется попыткой усилить образность: создаются более сильные образы, направленные на французского читателя.

Лексические трансформации, а именно приемы генерализации, конкретизации, транскрипции, уподобления и описательный перевод, обусловлены жанровой спецификой якутского эпоса, необходимостью сжатого описания, созданием более сильной выразительности, образности, наглядности, усилением значения слова, попыткой сохранения национального колорита, а также направленностью на французского читателя.

При передаче стилистического значения переводчик руководствуется принципом воссоздания в переводе того же эффекта, то есть стремится вызвать у читателя аналогичную реакцию, хотя часто ему приходится достигать этого, прибегая к совершенно иным языковым средствам. Стилистические трансформации при переводе сравнений были вызваны попыткой воспроизведения аллитерации и усилением значения слова. При стилистических трансформациях в некоторых случаях сравнения теряют свою сравнительную функцию, обозначая действие и процесс, при этом часто снижается образность.

В ходе анализа образных сравнений олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» обнаружено несколько случаев искажения смысла вследствие неправильного перевода слов. Эти случаи рассматриваются нами как нарушения, которые обусловлены влиянием контекста и, возможно, ассоциациями, вызванными влиянием русских народных сказок.

*Д.Б. Сундуева,
Читинский госуниверситет, г. Чита*

БУРЯТСКО-РУССКОЕ ДВУАЗЫЧИЕ В АСПЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Интеграционная роль двуязычия в забайкальском регионе заключена в функциональном взаимодействии бурятского и русского языков. Современные политические, социокультурные процессы, происходящие в регионе, диктуют необходимость прогнозирования общих интеграционных вопросов, касающихся языкового образования. Языковое образование, являясь частью языковой политики, определяется действиями государства в сфере образования, а также правовыми актами системы, которые отражают значимость государственного и других языков в области образования. Современное языковое образование призвано обеспечивать социализацию подрастающего поколения, находя в этом оптимальное решение для отдельных групп населения. В настоящее время в различных регионах России разрабатываются модели инновационных учебных заведений, в которых учитывается национальная и региональная специфика в обучении. Как отмечается в тексте Соглашения [Соглашение «Об особом статусе административно-территориальной единицы в составе нового субъекта Российской Федерации, образованного в результате объединения Агинского Бурятского автономного округа и Читинской области» // Агинская правда от 17 февраля 2007 года, №21], органы государственной власти нового субъекта Российской Федерации будут способствовать *развитию национальных языков*. В данной статье рассматривается состояние преподавания бурятского языка в регионах компактного проживания бурят на территории Восточного Забайкалья в контексте языковой ситуации.

Как показывают результаты проведённого в 2004 году социолингвистического обследования в Агинском Бурятском автономном округе, для жителей округа характерно массовое бурятско – русское двуязычие. Среди выделяемых типов билингвизма для жителей АБАО характерно активное владение бурятским и русским языками с соблюдением норм обоих языков с незначительной интерференцией или использование преимущественно русского или

бурятского языка со вторым языком на уровне репродуктивного билингвизма. Обследование общественных функций родного и русского языков показало, что родной язык занимает достаточно прочные позиции в сфере межличностных отношений бурят. Основной сферой сохранения и использования языка является семейно-бытовая сфера. Бурятский язык доминирует в религиозно-культурной жизни бурятского населения региона. В последнее время наблюдается увеличение объёма общественных функций родного языка в сфере образования и духовной культуры. В сфере средств массовой коммуникации также отмечается расширение информационного поля на бурятском языке.

Известно, что с точки зрения поддержания функционирования языка в обществе сфера образования является наиболее значимой. Сегодня в 30 национальных школах округа родной язык как предмет изучается с 1 по 11 классы. У детей, не изучавших ранее родной язык по разным причинам, есть возможность изучать его в рамках факультатива. В школах округа реализуется 14 программ факультативов и спецкурсов по изучению родного языка и литературы, в том числе: «Ёно заншал», «Бурятведение», «Литература народов Востока», «Хун болохо багаһаа» и другие. С 2004 года предусмотрено введение занятий по изучению родного языка и культуры для детей-бурят, не знающих родного языка, в учреждениях дополнительного образования АБАО. В условиях сложившейся ситуации это нововведение является одной из эффективных форм по разрешению назревших проблем. В частности, в популярном среди молодежи эстетическом центре воспитания детей «Залуу наһан» с января 2004 года реализуется авторская программа «Язык и культура бурятского народа», которая предусматривает изучение родного языка в контексте культуры своего народа.

По данным Читинской региональной общественной организации бурят, проживающих вне автономных образований, представители бурятского этноса компактно проживают в Забайкальском, Краснокаменском, Оловянинском, Борзинском, Петровск-Забайкальском, Хилокском, Читинском сельском районах. Исследование характера бурятско-русского двуязычия вне автономии, в регионах компактного проживания бурят, позволяет утверждать, что 19, 8% этнических бурят на территории Читинской области не владеет родным языком. Как известно, право миноритарного этноса на использование родного языка может быть реализовано в системе образования. В связи со сказанным представляет интерес состояние преподавания бурятского языка в Читинском районе. Известно, что в с. Угдан, Иргень, Арахлей, Сохондо, Авдей, Колочное Читинского района более 60% составляет бурятское население. В настоящее время бурятский язык преподается только в Угдане, а в Иргени, Арахлее – в рамках факультативных занятий. Как показывают результаты социолингвистического анкетирования в Читинском районе, с детьми на родном

бурятском языке общаются 30% родителей. Как отмечают сами учащиеся, «большинство наших родителей не умеют читать и писать на родном языке». Очевидно, сложившаяся ситуация является следствием того, что в 1959 году было отменено изучение предметов на бурятском языке. В общении со сверстниками отдают предпочтение родному языку только 15% школьников, тогда как в кругу семьи общаются на бурятском языке 30% детей.

Законом Читинской области «Об образовании» п.2 ст.14 и Положением о Комитете образования, науки и молодежной политики Читинской области, утвержденном Постановлением Администрации Читинской области № 154 А/п от 09.06.2006 г. к полномочиям Комитета образования науки и молодежной политики Читинской области отнесено установление содержания регионального компонента Государственного стандарта образования. В Концепции регионального компонента государственного образовательного стандарта общего образования Читинской области нормативно закреплён обязательный минимум содержания образовательных программ, раскрывающих социокультурную специфику региона. Как сказано в Концепции, региональный компонент призван способствовать «возрождению самосознания забайкальца как важнейшего фактора формирования духовных и нравственных основ личности». В настоящее время в рамках школьного варианта регионального компонента содержания образования в школах Читинской области разрабатываются и внедряются элективные учебные курсы по отдельным образовательным областям: «Искусство родного края», «Природа Забайкалья», «Забайкальский фольклор», «Традиционные забайкальские промыслы», «Религии на карте Забайкалья», «Региональная топонимика», «Быт и культура пародов Забайкалья».

• • •

*И.Б. Толасова,
Северо-Осетинский госуниверситет, г. Владикавказ*

РУССКАЯ И ОСЕТИНСКАЯ СУДЬБА ПОЭЗИИ АРТЮРА РЕМБО (СОНЕТ “ГЛАСНЫЕ”)

Российская судьба поэзии Франции с полным правом может быть названа счастливой: она обладает большой культурной и художественной насыщенностью. Цель настоящего доклада – показать содержание одного из увлекательных поворотов этой судьбы, связанного с родоначальником французского символизма А. Рембо (1854 – 1891). Ключевое стихотворение Рембо – сонет “Гласные” (1871) принадлежит к тем произведениям мировой литературы, которые породили целые тома комментариев и интерпретаций [Bonnefof Y.1970, Eigeldinger M.1987, Barrere J. 1997, Степанов Ю.С. 1984].

Одной из форм культурного диалога является художественный перевод. Мы рассмотрим русские переводы сонета, а также попытаемся проанализировать перевод “Гласных” на осетинский язык. Что собственно французского (западноевропейского) в сонете “Гласные”? Сохраняется ли это смысловое ядро в русском и осетинском вариантах? Если нет, то какова система замен и в чем ее смысл? Возможно, мы затруднили поиск ответа на эти вопросы, выбрав для анализа очень сложно организованный в своем оригинальном языке текст. Данная черта, обусловленная и спецификой символизма, составляет притягательность французского стихотворения, его читательскую и научную неуязвимость.

В многочисленных толкованиях стихотворения можно выделить несколько основных линий. Первая восходит к высказыванию П. Верлена и заключается в том, что “Гласные” – это шутка, не имеющая большого значения. Другая трактовка, близкая вышеназванной, состоит в следующем: стихотворение передает произвольные ассоциации между звуком и цветом, что характерно для декадентского физиологического психологизма. Рембо становится приверженцем литературного импрессионизма с его установкой показать человека воспринимающего мир преимущественно через ощущения и впечатления [Андреев, 1988]. Мы предлагаем иное толкование, опирающееся на логику творческой эволюции Рембо, на законы его художественного мира.

Центральной задачей творчества Рембо являлось радикальное изменение отношений человека и природы. Рембо притязал на роль демиурга преображенного по законам красоты мира. В “Гласных” это проявляется особенно отчетливо. Все стихотворение являет собой целеустремленное развитие темы восхождения – от начал неодухотворенной стихии и низменных страстей, через их преодоление в познании – к высокой гармонии мироздания. Вершина пути, его “Омега” определена на языке и в образах Апокалипсиса – как пророчество о последних судьбах мира. Идее восхождения соответствует и ряд перечисленных звуков/букв – от А до О (Альфа и Омега, начало и конец пути) и цветовой ряд, связанный с алхимической символикой. Своеобразие интерпретации платоновской идеи подобия “вещей” и “имен” заключается у Рембо в том, что в звене “звук-цвет идея” решающее значение отведено цвету, то есть зрительному облику мира. Творимый художником-магом мир обращен к зрению, и это свойство образности передает не столько многообразие чувственно воспринимаемого мира, но его сокровенную тайну, его всеобъемлющую идею. Таким образом понятая тема соответствий заложена уже в названии сонета. Звуковая форма слова *voyelles* содержит в себе мысль о связи звука (*voix* -голос), зрительных образов (*voir* – видеть) и идеи восхождения (*voie* – дорога, путь). Последнее, ключевое слово в сонете – глаза (*Ses Yeux*).

История русских переводов “Гласных” начинается в 1894 году, когда появился перевод, приписываемый А.А. Кублицкой-Пиоттух. В следующем столетии к стихотворению обращались переводчики В. Дмитриев, М. Кудинов, В. Микушевич, И. Тхоржевский, М. Миримская. Можно сказать, что в русской языковой картине мира труднее воссоздается скрытая, но очень твердая логика сонета (идея восхождения); снимается образ творца-демиурга; значительно глуше звучат мотивы Апокалипсиса и нарушается алхимическая символика, становится не столь очевидной мысль об устремленности мира к зрительному восприятию. В результате в переводах несколько стирается та грандиозная картина “человек – природа”, которая завораживает французского читателя “Гласных”.

Если французский текст показывает интеллектуализацию ощущений, а в русских переводах можно проследить обратное – мыслительные абстракции наполняются сенсорным содержанием, то осетинский вариант (перевод Ш. Джигкаева) дает нам сугубо чувственный мир природы, наполненный земными подробностями жизни людей. Это в высшей степени антропоморфный мир, обладающий изначальной целостностью, в восприятии которой не выделены предпочтения каких-либо отдельных ощущений.

Литература

Bonnefoy Y. 1970, Eigeldinger M. 1987, Barrere J. 1997, Степанов Ю.С. 1984. Андреев Л.Г. 1988.С.29.

Д.Ю. Топалова,

Ин-т мировой литературы РАН, г. Москва

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В АСПЕКТЕ БУДДИЗМА В ПОЭМЕ РИММЫ ХАНИНОВОЙ «ЧАС РЕЧИ»

Поэтическое творчество Риммы Ханиновой своеобразно. Русскоязычные произведения современного автора отличаются масштабностью мышления, исследовательским взглядом на различные области традиционного миропонимания, сохранением элементов национальной специфики культуры, знанием уклада жизни, традиций родного народа. Характерной чертой этого творчества является теснейшая связь художнического начала с началом философским. Поэтому Р. Ханинову можно с полным основанием назвать поэтом-мыслителем, поэтом-философом, по-своему продолжающим традиции философского направления калмыцкой поэзии XX – начале XXI века, представленной прежде всего художественным наследием Давида Кугультинова.

Существенную сторону поэзии Риммы Ханиновой являет обращение к истокам буддийского знания, к одной из основных конфессий мировой религии. Буддийская тема представлена многожанрово: стихотворения «Монах тибетский пред собой метет...» (1993), цикл буддийских басен (1994), а также поэмы «Час речи» (1998).

Поэма «Час речи», написанная по мотивам малоизвестной народной калмыцкой сказки «Капли счастья», привлекала внимание многих исследователей творчества Ханиновой – И. Ничипорова, В. Колчанова, И. Козловой, Б. Бюрчиева и др. По мнению А. Бурыкина, «эта поэма по-своему продолжает цикл стихов по буддийским мотивам, связанных единой темой и единым стилистическим решением, той формой, которую в совершенстве освоила поэтесса и которой широко пользуется в новых произведениях». Произведение наполнено философскими размышлениями автора о смысле жизни при всей бренности человеческого бытия. В этой связи неслучайно даны эпиграфы из стихотворений Ф.И. Тютчева и И. Бродского, в которых превалирует мысль о перспективе человеческой судьбы, завершаемой смертью. Для поэта в особенности это могут быть *Мысль*, *Слово* – непреходящие, вечные ценности, составляющие бессмертное творение («...От всего человека вам остается часть речи. Часть речи вообще. Часть речи»).

Структура «Часа речи» основана на диалоге, что является характерным для поэтического стиля автора. Завязкой общего сюжета становится смерть ребенка: «...дитя, не зная, умирает, // без прегрешений, без обид, // лишь плоть, слабая, замирает, // душа плутает в ней, болит...» [Там же, с. 26].

Образ умершего младенца в «Часе речи» наделен большой художественной силой. Будучи уже «в раю» (так, в поэме, в сказке местом действия определяется «горная обитель»), дитя кровно связано с обстановкой дома и семьи. Ребенок в традиционных представлениях калмыков является частью поколения, которое есть связующее звено в родовом клане, он – часть потомков, ведущих начало от общего предка. Потому в поэме, как и в сказке, закономерно появляется мотив заботы и беспокойства о родителях, оставшихся без первенца, попытка помощи им: «– Пусть будут счастливы родные. // Я так мечтаю об одном – // чтоб не погас очаг отныне, // чтоб теплым был всегда мой дом». Младенец все еще связан с землей, срединным миром: «...теперь // в раю блажен я, лучезарный, // но лучше на земле, поверь» [Там же, с. 28].

Помимо того, что ребенок – это носитель всего чистого, нравственного, что заложено в человеке с детства, он, как чистое зеркало, фокусирует все пороки духовной сферы человеческой жизни, символизирует и само страдающее человечество, и веру в будущую гармонию: «– Душа твоя, дитя, бессмертна. // О чем жалеть? Там на земле, // все люди бrenны, они – смертны: // беспомощны они во зле»

Ребенок в традиционных религиозно-мифологических представлениях калмыков представляется существом, взаимосвязанным с человеческим и иным мирами. Его появлению на свет предшествует период внутриутробного развития, включаемый в возрастную хронологию. И, тем не менее, он является «чистым существом», подобным «чистому листу». В данных воззрениях философские взгляды буддизма на новорожденного и народные представления смыкаются, что объясняется общими закономерностями.

Согласно сюжету народной сказки, в поэме основные действия связаны с действиями, совершаемыми ребенком с «волшебными каплями», содержащимися в подаренном небожителем кубке. Через ниспослание первых трех божественных «частиц счастья» близким ребенка, оставшимся в срединном (земном) мире, проверяется истинность таких категорий, как богатство, слава, любовь. Четвертая капля несет за собой «забвение», «покой и плоти и души». В сказке небожитель уточняет его словом «нирвана», вступающим в некоторое противоречие со значением первого слова: слово «забвение» означает «утрату памяти о чем-нибудь, пренебрежение чем-нибудь, о чем нужно помнить» [Ожегов, 2005, с.251]. Р. Ханинова выявляет истинные ценности, которые заключаются не в благополучии человека, не в обилии денег и не в высоте положения. Материальный достаток и мирскую славу постепенно сменяют «тоска, измены, ссоры», «брань, побои»: «Текут так дни, как в лунном свете// журчат ручьи вдали, в степи.// Уже пресытились всем этим// родители, как старики» [Там же, с.31]. Третья волшебная капля, несущая любовь, также не приносит радости и счастья. Это чувство оказывается, увы, недолговечным: «Любовь лишь молодость питает, // страсть мало ею дорожит, // как снег на солнце она тает// и от забот всегда бежит» [Там же, с.36]. Что же касается «любви родителей», то «...что же, // песок лишь в тягость – не родня.// Но для детей всего дороже –// чуть вырасти – весь мир тогда» [Там же, с.37], – так рассуждает мудрый Хормуста. Условно «важные» критерии человеческого существования – не источники истинного мира, стабильности и счастья, они преходящи. На смену богатству, славе, привязанностям со временем приходят *страдания*. Это поясняет мальчику властитель Тенгриев: «– Ты убедился, что страданья, / на кончике желаний всех.// На том стоит все мирозданье// и счастье ваше, человек» [Там же, с.39]. Так, размышляя над вековыми загадками земного бытия, автор постепенно переходит к основам буддийского вероучения.

Согласно основным принципам буддизма, чтобы прожить жизнь со смыслом и при этом освободиться от страданий, человеку необходимо породить в себе Бодхичитту и тем самым устремленность к Пробуждению, основанную на любви, милосердии и сострадании. Причины *страданий* заключаются в том, что человека реполняют неисчислимые желания.

«Чтобы избавиться от страданий и обрести счастье, – утверждает Его Святейшество Далай-лама XIV Тензин Гьятсо, – нет иного пути, кроме как устранить в потоках сознания живых существ причины, порождающие страдание, и создать в этих потоках причины счастья». Иными словами, чтобы быть счастливым, нужно жить как можно проще. Иметь как можно меньше желаний и довольствоваться тем, что есть. -

В речь небожителя автор поэмы вкладывает четыре благородные истины буддийского вероучения, представляющие собой жизненные ориентиры, с помощью которых человек может избавиться от привычки потакать своим желаниям: «Четыре истины у Будды:/ страдания истинные есть, / источники страданий-будней/ и пресечение страстей, / пути к познанию всех вещей» [Там же, с.40]. Учение «О четырех благородных истинах» проявляется в правильной речи, правильном мышлении, правильном образе жизни и других аспектах «Правильного, или Срединного пути», одним словом, в том, как мы действуем. Таким образом, «свет», который помогает «обрести счастье» и «приводит к исчезновению» страданий, лежит на пути к Просветлению, корнем и фундаментом которого являются любовь и сострадание: «И устремленность к Просветлению/ для блага всех живых существ/ становится и вдохновением/ всех добрых и гуманных действий» [Там же, с.41]. В конце поэмы использована короткая форма молитвы из Нобелевской лекции Его Святейшества Далай-ламы XIV, вселяющая в него «великую решимость и вдохновение». Думается, что в этих строчках сконцентрирована не просто гуманистическая идея буддизма, но и весь смысл основы его практики. Посредством динамичного сокровенного диалога центральных его героев поэмы Р. Ханинова не только раскрывает буддийское представление о счастье, но обращается к вечной и актуальной проблеме взаимоотношений человека и мира. Основная аксиология буддийской философии раскрывается в аспекте современного понимания.

Но источник, к которому обратился калмыцкий поэт в поисках народной философии, определил неизбежное слияние этнической фольклорной и буддийской философской традиций в авторской вещи.

Фольклорное начало активно прослеживается на протяжении всего произведения. Связь с калмыцким фольклором у Р. Ханиновой, помимо основного сюжета, исходного в философской поэме, также передают многочисленные калмыцкие слова, не переведенные на русский язык, но разъясняемые в примечаниях (келмерчи – рассказчик, йорял – благопожелание, тентрии – боги, небожители), отсылки к народным пословицам (данным в примечаниях к тексту), воплощающим проверенную мудрость многих поколений: «...Справедливость – // надежда слабых на судьбу.// Кому она дарила милость?// Слепа ведь судя по всему.// И потому слепой корове// воды показывать не впрок, // и

в каждом высказанном слове// искать прицел, спустив курок» [Там же, с. 33]. Р. Ханинова, сгущая смысл пословиц, не только перефразирует их, но и разъясняет их в аспекте осмысливаемых ею философских буддийских проблем. В этом авторском осмыслении народной мудрости сквозь призму буддийской философии прослеживается стремление к объединению философии и народного опыта в единое целое, которое является для калмыцкого поэта искомым наследием.

Литература

Ханинова Р. Библиографический указатель. – Элиста, 2002.

Ханинова Р. Час речи// Хонинов М., Хонинова. – Элиста, 2002.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 2005.

• •

М.Н. Тунч,

Бурятский госуниверситет, г. Улан-Удэ

СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ТУРЕЦКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ИХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В данной работе хотелось бы сказать несколько слов о предикативности и полипредикативности в тюркских языках и проблеме перевода некоторых синтаксических единиц, например, с турецкого языка на русский. Так, принято считать, что тюркские языки очень богаты синтаксическими конструкциями, специальное назначение которых состоит в выражении разного рода отношений между событиями. В то же время К. Грёнбек отметил, что термины «субъект» и «объект» для тюркской грамматики условны, что создает еще больше трудностей для понимания сущности синтаксиса тюркских языков.

Поэтому здесь очень трудно классифицировать предложения по структурным типам: невозможно выделить только простые или только сложные предложения. Обязательно должна присутствовать промежуточная категория, которую можно обозначить как осложненные предложения. Однако осложненные предложения в традиционной русской грамматике принято относить к простым предложениям, здесь же это недопустимо. Осложненные предложения в тюркском синтаксисе должны составить отдельную категорию. Но такого рода «классификация» должна опираться на четкое понятие предикативности и соотноситься с грамматическим строем тюркских языков.

Хотя у ученых до сих пор нет единого мнения по многим вопросам, касающихся предикативности, бесспорным является то, что любое предложение предикативно, предикативность «связывает воедино две противоположные

стороны предложения – речевую и языковую», то есть выражает отношение содержания высказываемого к действительности [Блох 2002, с. 97; Монин 1987, с. 28]. В одном предложении может присутствовать несколько предикативных линий.

Осложненное предложение следует считать полипредикативным, так как оно содержит несколько центров предикации. Отсюда следует, что полипредикативное и сложное предложения не должны отождествляться, это совершенно две разные грамматические субстанции. Осложненные предложения в свою очередь также можно разделить. Так, М. И. Черемисина выделяет в своей статье моносубъектные полипредикативные конструкции, когда только одна из предикативных частей имеет собственную субъектно-подлежащую валентность, тогда как другая предикативная часть грамматически ориентируется на подлежащее первой [Черемисина 1987, с. 11]. Здесь предпочтительнее термин моносубъектные осложненные конструкции, так как понятие полипредикативность не тождественно понятию осложненности предложения. Ведь сложные предложения тоже являются полипредикативными в чистом виде. Например, тур. *Otopsi yapan doktor, bir mezhaba kasabi maharetile karnımı yardi* «Производящий вскрытие доктор с ловкостью мясника (на бойне) распорол мне живот» [Nesin 1962, с. 59] здесь сообщается о двух событиях, происходящих с одним субъектом.

Однако следует отметить, что иногда в предложениях такого типа каждая из предикативных частей может иметь свою субъектно-подлежащую валентность. Таким образом, можно говорить о полисубъектных полипредикативных конструкциях, или, чтобы избежать тавтологий, назовем их как полисубъектные осложненные конструкции. Например, тур. *Başında renkli bir fener yanan sandal suların üstünde süzülüyor* «Лодка, на носу которой горит цветной фонарик, скользит по воде. Лодка с горящим фонариком на носу скользит по воде» [Кононов 2001, с. 526] здесь уже говорится о двух событиях, произошедших с двумя разными субъектами. На данном примере очень хорошо видно, как целое «русское» придаточное предложение оказалось всего лишь «определением» в турецком языке.

Кроме этого, многие тюркологи говорят об идее трансформации синтаксических конструкций. Например, М. А. Казембек отметил, что причастные и деепричастные конструкции есть сокращенные придаточные предложения. Н. З. Гаджиева называет их зависимыми трансформами и относит их в класс сложноподчиненных предложений. Однако встает другой вопрос: почему же нельзя отнести осложненное предложение к сложноподчиненным? Да, действительно, многие тюркологи были склонны причислять к разряду сложноподчиненных предложений предложения с причастными и деепричастными конструкциями (Казембек, Барсов, Востоков и др). Однако сложному предло-

жению характерна прежде всего структурная самостоятельность его компонентов, например, деепричастие не может выступать в роли действительного сказуемого и сочетание имени и деепричастия не способно образовать предложение тур. *Öğrenci oturarak* «Ученик сидя». Так, еще в 1921 году французским тюркологом Ж. Дени был поднят вопрос о необходимости выделения причастных, деепричастных конструкций в особую синтаксическую категорию. Таким образом, перевод на русский язык синтаксических единиц тюркских языков представляет собой еще довольно неисследованную область, где не сформировалась своя теоретическая база.

Литература

- Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. – М., 2002.
Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. – М., 1986.
Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого языка. – İstanbul, 2001.
Монин И. Б. Спорное в теории предикативности // Предикативность и полипредикативность. – Челябинск, 1987.
Черемисина М. И. Сложное предложение как объект общего языкознания // Предикативность и полипредикативность. – Челябинск, 1987.
Nesin A. Biz adam olmayız. – İstanbul, 1962.

*Ясин Тунч,
Турция*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТУРЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Фразеология является именно той областью языка, в которой наиболее ярко раскрываются национальный характер, история, своеобразие и быт народа. Поэтому ничто так не важно для развития чувства языка, как изучение именно фразеологических единиц, которые лучше всего передают живость, экспрессивность и яркость речи.

Основные проблемы в области перевода устных словосочетаний связаны с переводом образной фразеологии, поскольку необходимо передать на русский язык не только смысл фразеологической единицы, но и ее образность и экспрессивность. Перевод образной фразеологии представляет трудность еще и потому, что существует вероятность принять свободное сочетание слов за фразеологическую единицу и наоборот. Кроме того, существование фразеологической единицы, понятное и само собой разумеющееся для носителей

языка, может быть не зафиксированно словарями, или они могут сочетать в себе возможности двойственного употребления: как связанной, так и свободной единицы, например, *çam devirmek* «уронить елку, допустить ошибку, дать маху»; *iş açmak* «открыть дело, заварить кашу»; *paçaları sıvamak* «подвернуть штанину, усердно трудиться» и др.

Лучшим способом перевода образной фразеологической единицы является использование соответствующего фразеологизма в русском языке. Применение именно этого способа перевода обеспечивает не только передачу смысла фразеологической единицы, но и воссоздание образности и экспрессивности турецкого выражения. Например, *keci köpek gibi yaşamak* «жить как кошка с собакой»; *iki kelimeyi (sözü) bir araya getirmemek* «не уметь двух слов связать»; *yarı ölü yarı diri* «ни жив, ни мертв» и др.

Однако количество фразеологических единиц, совпадающих по смыслу и образности в турецком и русском языках, сравнительно невелико, поэтому при переводе приходится использовать фразеологизм, аналогичный по смыслу, но основанный на ином образе.

Использование такого фразеологического аналога обеспечивает адекватный перевод турецкого фразеологизма, как и в случае фразеологического эквивалента, например, *bir yuvanın kuşu* «одного поля ягода»; *yüzünün akı ile çıkmak* «не ударить в грязь лицом» и др.

Однако во многих случаях, когда фразеологизм не имеет ни эквивалента, ни аналога в русском языке, приходится дословно передавать содержащийся в иностранном фразеологизме образ. Дословный перевод не использует готовые фразеологические единицы, а создает новый образный оборот, чуждый русскому языку, но вполне понятный. Например, *dokuz doğurmak* «не находить себе места»; *işi başından aşılıyor* «полон рот забот» и др.

В некоторых случаях, когда дословный перевод мог бы привести в буквализму, не понятному читателю, приходится использовать описательный перевод, где необходимо отказаться от передачи образности, например, *ancak kuş sütü eksikti* «абсолютно все есть»; *armut piş ağzıma düş* «очень подробно объяснить» и др.

Стремление адекватно передать и смысловое содержание, и экспрессивно-стилистическую окраску фразеологизма, не имеющего эквивалента или аналога, часто приводит к необходимости поиска контекстуальной замены, то есть такой фразеологической единицы, которая достаточно точно передает содержание турецкого фразеологизма в данном конкретном случае, хотя и не соответствует ему по значению. Таким образом, благодаря контекстуальным заменам можно адекватно передавать образную фразеологическую единицу, не имеющую соответствия в русском языке:

Выбор способа перевода образной фразеологии зависит и от того, к какому типу фразеологических единиц относится данное выражение: фразеоло-

гические сращения или фразеологические единства. Перевод фразеологических сращений невозможно осуществить при помощи эквивалентов или дословного перевода. Следовательно, фразеологические сращения передаются на русский язык описательно, либо при помощи контекстуальной замены. В случае, когда турецкие сращения имеют образные аналоги в русском языке, необходимо подобрать такое соответствие, которое точно передает смысл выражения, при этом соответствует стилистической окраске сращения, хотя бы приблизительно. То есть разговорные сращения должны переводиться разговорными, книжные – книжными.

Таким образом, анализ различных способов перевода национально окрашенных фразеологизмов, показал, что дословный перевод хорошо передает национальный колорит подлинника, хотя скалькированный образ при этом может оказаться недостаточно понятным. Использование же в переводе нейтрального русского фразеологизма воссоздает образный характер текста за счет утраты его национального своеобразия. Поэтому в каждом конкретном случае следует выбирать тот способ перевода, который лучше всего отвечает условиям контекста.

*Д.В. Убушиева,
Калмыцкий ин-т гуманитарных исследований РАН, г. Элиста*

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МОТИВ «ТРЕХ МИРОВ» (НА МАТЕРИАЛЕ БАГАЦОХУРОВСКОГО ЦИКЛА «ДЖАНГАРА»)

Мифологическое трехмирие на материале Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» представлено верхним, средним и нижним мирами. В верхнем мире живут божества и помощники эпического героя, в среднем мире совершаются основные действия эпических богатырей, следовательно, нижний мир принадлежит врагам эпических героев.

Анализ трех глав багацохуровского цикла «Джангара» позволяет выделить материал, манифестирующий мифологическое представление калмыков о трехмирии.

Верхний мир в эпосе отражен, как мир благоденствия и процветания. Перерождение в верхнем мире считается великой заслугой. По народным представлениям калмыков, древний человек воспринимал земную жизнь как возможность накопить добродетели, умереть и возродиться в иной жизни, в лучшем мире, существование которого связывается с самым высшим уровнем – небесным. С представлением о верхнем мире связан эпизод, повествующий о браке Джангара-хана с представительницей небесного мира рагни-дагни Ага Герензел дочерью Гюши Замба-хана.

Выше приведенный пример, эпического повествования демонстрирует то, что эпический богатырь сражается не только с жителями нижнего мира, но и с верхним миром. Для получения предназначенной суженной, Джангару, приходится вступить в схватку с представителем небесного пантеона. Предназначенность невесты не освобождает богатыря от изнурительно долгой и опасной поездки к ней, от брачных испытаний, а, наоборот, он должен доказать свое право на неё своей богатырской доблестью, героизмом. Схватка и победа над сыном тенгрия одно из испытаний, которое Джангар преодолевает. В данном случае Джангар выступает медиативным звеном между верхним и средним мирами. Воробей, принесший весть о суженой, описывается, как золотой, а крылья у него серебряные. Следует заметить, что золотой воробей спускается с неба. Этот мотив довольно широко распространен в сказках, «все, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к иному царству» [Пропп, 2004, с. 245-246].

Также упоминается, что Джангар-хан покоритель и верхних и нижних стран.

Нижний мир рассматриваемого цикла «Джангара» является вмещающим зла, ханство Эрлик номин-хана – страна мертвых. Перерождение богатырей в нижнем мире рассматривается как наказание за провинность, за клятвенарушение.

В данном цикле не сохранилось полного сюжета о попадании в нижний мир. В калмыцком героическом эпосе эпический герой попадает в страну Эрлик номин хана, как правило, через красное отверстие, но оно не упоминается в анализируемом тексте «Джангара», отмечается *расщелина* по которой враги эпического мира проникают из нижнего мира в средний мир.

В мифологической модели мира существует универсальный символ, объединяющий все сферы мироздания (космоса). Этими медиативными функциями в багацохуровском цикле «Джангара» наделяется мировое дерево. С помощью мирового дерева эпические герои «Джангара» имеют возможность передвигаться в «трех мирах». В калмыцком эпосе сандаловое дерево «Дамба Зули», которое достигает неба.

Следует заметить, что в данном цикле упоминание о «трех мирах» вербализируется в виде формул. В главе «Победа Алого Хонгора и Савара Тяжелорукого над семью богатырями Замбал-хана» формульная реализация горы практически идентична, выше приведенному примеру. Возвышенное место как соединение земного и космогонического центра, как локуса, обладающего особой магической силой, проиллюстрировано множеством примеров как в эпосе «Джангар», так и сказочном фольклоре монгольских народов.

Таким образом, деление эпического мира на верхний, средний и нижний миры присуще и багацохуровскому циклу «Джангара» как и калмыцкой эпической традиции в целом. Выявленный из текстов материал свидетельствует о сохранившихся архаических и мифологических элементах эпоса.

Древний сказитель обращается к формулам – мифологемам, но сюжетно-развития они не получили. В этих главах не описываются богатырские странствия в верхнем или же нижнем мирах. Мифологические элементы присутствуют в эпосе «Джангар» как рудименты древних представлений.

Литература

Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). – М., 1978. – Т.1.

Джангар. Калмыцкий героический эпос / На калм. и рус. яз. – М., 1990.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 2004.

♦ ♦ ♦

*Д.К. Хетагурова,
Северо-Осетинский госпединститут, г. Владикавказ*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ В ЛИРИКЕ СИМВОЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А.И. ТОКАЕВА)

Жанр колыбельной песни пришел в литературу из фольклора. Возникновением авторского, художественного творчества из фольклора, объясняется теснейшая их взаимосвязь.

Колыбельная песня является одной из самых древних и распространенных форм детского фольклора. Обычно колыбельные песни поются матерью (или нянькой). Пожелание сна, здоровья, хорошей жизни – основные мотивы колыбельных песен. Отличительной особенностью таких песен является повторяющаяся формула «Баю–баюшки–баю».

Благодаря особенностям народной колыбельной песни (музыкальность, интимность) впоследствии этот жанр был заимствован лирической поэзией. К колыбельным песням в своем творчестве обращались многие известные русские поэты: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Некрасов и др. Различные аспекты были добавлены авторами в традиционное представление о колыбельных песнях, так литература символизма дала особый взгляд на колыбельную песню. В творчестве поэтов-символистов можно найти стихотворения, являющиеся вариациями на тему колыбельных песен, так как тема сна вообще необычайно разнообразно трактовалась поэтами-символистами.

Сплетение мотивов сна, смерти, жизни и забвения можно обнаружить в таких стихотворениях как «Просыпаюсь рано...» (1896 г.) Ф. Сологуба, «Колыбельная песня» (1905 г.) К.Бальмонта и в произведении осетинского поэта А.И. Токаева «Холод в твое сердце вливаю...» (1919 г.).

В стихотворении Ф.Сологуба от колыбельной песни остался лишь припев «баюшки-баю», который автор переосмыслил и наполнил глубоким символи-

ческим звучанием. Повторяющиеся строки каждой строфы включают в себе традиционные слова «баюшки-баю», однако в каждой они имеют различный оттенок: в первой – ностальгический, во второй – умиротворенный, в последней же строке – злоеший. Сон здесь является символом избавления от страданий, а забвение, которое он несет – это успокоение смерти. Потому последняя колыбельная в жизни человека поется смертью.

В стихотворении «Колыбельная песня» К. Бальмонт сохранил все внешние атрибуты колыбельной песни: напевность, адресованность ребенку с пожеланием сна, неизменный рефрен «баюшки-баю». Однако сон, навеваемый лирическим героем «малютке», это сон о рае: «Будем вместе мы в раю, / Баю-баюшки-баю» [Бальмонт, 1991, с.306]. Сон и смерть в данном стихотворении К. Бальмонта представляют собой взаимозаменяемые понятия.

Стихотворение осетинского поэта-символиста А.И. Токаева «Холод в твое сердце вливаю...», также является вариацией на тему колыбельной песни. От народного образца в произведении осетинского поэта сохранилось немного: мелодичность и напевность, рефреном проходящие через все стихотворение строки: «Ну же, усни!», «Вырасти ты, расти!». Стихотворение написано в форме монолога, настроения, преобладающие в нем, в основном тягостные, гнетущие: «Холод в твое сердце вливаю», «Метель над твоей люлькой расстилаю» [Токаев, 1973, с.92] и т.д. Колыбельная песня лирического героя навеивает сон, но сон этот безрадостный и мрачный, успокоение видится лирическому субъекту лишь абстрактным «летом», в котором тепло и радостно. Жизнь же, окружающая героя полна страданий и мучений, прекращение которых сулит приход «лета». В произведении Токаева смерть также является символом избавления от мучительной реальной жизни, и сон – это лишь средство приблизить встречу со смертью – «летом».

Таким образом, колыбельная песня, как жанр устного народного творчества, пришла в литературу, став неотъемлемой частью поэзии авторской. Поэты, представители различных литературных школ, обогатили жанр колыбельной песни, в которой отражались их эстетические идеалы и пристрастия. Интерес к колыбельной песне в творчестве поэтов-символистов был связан с трактовкой сна в его взаимосвязи со смертью. Именно сон-смерть является основным смыслообразующим символом в анализируемых стихотворениях Ф.Сологуба, К. Бальмонта и А.И. Токаева. От традиционной колыбельной песни осталась лишь схема (конкретная адресованность), напевность и, в некоторых случаях поэтические формулы «баю-бай» и «баюшки-баю».

Литература

Бальмонт К.Д. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М., 1991.
Токаев А.И. Произведения. Орджоникидзе, 1973.

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Д. РАВЖАА (1803-1856) В МОНГОЛИИ

Известный монгольский поэт Дулдуйтын Равжаа занимает видное место в истории монгольской литературы XIX века. Равжаа был талантливым поэтом, писателем и драматургом, основал первый монгольский театр в Гоби. В связи с празднованием 200-летия со дня рождения и 150-летия со дня его смерти в Монголии появилось много статей и книг, посвященных его творчеству. Равжаа был перерожденцем V Ноён хутагт в монастыре Хамарын хийд в Гоби. Он получил духовное буддийское образование в монастыре Бадгарчойлин во Внутренней Монголии и сочинял стихи и песни на монгольском и тибетском языках. По сведениям монгольских ученых „известны 170 его сочинений на монгольском языке и более 180 – на тибетском“. Равжаа написал пьесу «Биография Лунной кукушки», которую играли во многих монгольских монастырях с 1831 г. вплоть до 20-х годов 20-го века. Монгольский академик Ц. Дамдисурэн в 1959 г. нашел в Восточногобийском аймаке 9 тетрадей пьесы и текст *горима* – правил постановки пьесы, опубликовал текст «Лунной кукушки» на старомонгольском языке в 1962 г. вместе с предисловием 1). Филолог Д. Цагаан изучила более 20 рукописей в Гос. публичной библиотеке и в частных коллекциях, ездила также в Гоби и собирала материалы о творчестве Д. Равжаа. Вместе с Ц. Дамдинсурэном они издали книгу о Равже в 1962 г. на современном монгольском языке 2). Д. Цагаан защитила кандидатскую диссертацию по творчестве Д. Равжаа в 1965 г. Монгольский тибетолог Ч. Алтангэрэл перевел 38 стихов Равжаа с тибетского на монгольский язык и написал, что дальнейшие 140 стихов пока еще не переведены с тибетского 3). Равжаа был также известным лекарем и философом, он вел религиозные диспуты и получил инициации от буддийских деятелей того времени, как Агвандандар, Жанжаа хутагт, Ажаа ринпоче и др. Его философским и общественно-политическим взглядам посвящена книга Г. Лхамсурэна „*Ноён хутагт Данзанравжаа*“ 4). Академик Цэрэнсодном в своих книгах а статьях подробно освещал жизнь и творчество Равжаа 5). Филолог С. Хувсгул опубликовала в 2004 г. книгу «*Изучение источников „Горима“ – правил постановки пьесы „Биография Лунной кукушки“*», где подготовила транслитерацию двух текстов: „красного“ горима из музея Д. Равжаа в Гоби и „синего“ горима из музея Ц. Дамдисурэна в Улан-Баторе. Она сделала перевод „синего“ горима на современный монгольский язык и опубликовала фотокопию этого старомонгольского текста. Имеется также объяснение буддийских терминов, транскрипция тибетских слов и их тибетские и санскритские эквиваленты 6). В последние

годы много внимания и усилий приложил проф. Л. Хурэлбатор, изучая стихи и литературу о Равже на тибетском и монгольском языках. В 2006 г. он опубликовал новую книгу „Чиндамани на голове змея“ 7) в которой он исправил отдельные ошибки и разногласия в работах монгольских авторов, которые появились в связи с неправильным чтением тибетских и старомонгольских слов. В целом творчество Равжаа трудно доступно для понимания и изучения. В памяти народа хорошо сохранились его лирические стихи о любви, о природе, о монгольском скакуне, также дидактические поучения, а вся религиозная схоластика о пустоте и бренности мира, о неотвратимости кармы осталась в непереверждённых тибетских текстах. По мнению проф. Хурэлбатара, сегодня мы знаем только половину творчества Равжаа, все грани его творчества пока еще нами не изучены. Новая книга о Равдже состоит из 4 глав: 1) Десять ошибок при изучении творчества Равжаа 2) Изучение творчества Равжаа 3) Изучение биографий Равжаа 4) Перевод краткой биографии Равжи на современный монгольский язык и подробный комментарий, перечень географических имен, названий монастырей, сакральных мест, имен божеств, религиозных обрядов и сутр, личных имен, встречающихся в тексте. В конце книги как приложение дается транслитерация этой краткой биографии Равжаа и фотокопия этого старомонгольского текста, оригинал хранится в Гос. библиотеке в Улан-Баторе. Проф. Хурэлбаатар является ведущим специалистом в области тибетоязычной литературы монголов, опубликовал более 10 ценных монографий о классической монгольской литературе.

Так благодаря усилиям монгольских ученых имя и творчество монгольского поэта Равжаа становится все ближе и доступнее для современного читателя не только в Монголии, но и зарубежом. Нам бы хотелось, чтобы лучшие произведения Равжаа были изданы отдельным сборником с хорошими иллюстрациями и стали достоянием для многих читателей в мире.

*А.А. Язев, Е.П. Манчук,
Невинномысский ин-т экономики, управления и права, г. Невинномысск*

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Период модернизации образования позволил наметить новые технологические процессы в обучении, связанные с экономическими проблемами в современном общественном развитии.

В образовательной системе существует необходимость отделения явления, связанного с инновационным комбинированием ресурсов и факторов образовательного процесса, не только от традиционной образовательной деятель-

ности, но и от предпринимательской коммерческой деятельности. Остается только подобрать достаточно емкий и четкий термин, который бы указывал на амбивалентность описываемых отношений.

Именно под намерением объясняется присутствие понятия «антрепренерство». Антрепренерство (entrepreneurship) – в английском языке синонимично понятию предпринимательства. Впервые понятие «антрепренер» появилось в работе Р. Кантильона «Очерк о природе коммерции», согласно которой антрепренер (entrepreneur) – предприниматель – хозяйствующий субъект, берущий на себя риск, связанный с организацией нового предприятия, или с коммерческим внедрением новой идеи, нового продукта или нового вида услуг, впервые.

Антрепренерство представляет собой высокорисковую инициативную профессиональную предпринимательскую деятельность, направленную на создание новых продуктов, услуг и рынков.

Сегодня, антрепренерством называют инновационные процессы и явления в организациях. Антрепренерство – есть выражение предпринимательской способности. При этом такие процессы не характеризуются направленностью на получение прибыли. Антрепренерство направлено на достижение уставных задач и целей организации.

Традиционная коммерческая деятельность экономически характеризуется тем, что ее основанием (причиной возможности получения дохода) является неоднородность рыночной конъюнктуры во времени и пространстве: колебание во времени спроса и предложения, цен, разный уровень издержек в различных регионах и т.д.

В коммерческой деятельности, обеспечивая производство традиционных видов товаров, работ и услуг, бизнесмен получает доход за счет минимизации затрат и издержек и реализации товаров, работ и услуг по высоким ценам. Перемещая центры производства в одни, а центры реализации в другие, наиболее подходящие по уровням цен и издержек регионы, бизнесмен добивается увеличения разницы между затратами и доходами.

Отличие от коммерческой деятельности антрепренерство создает новые рынки, формирует спрос при ограниченности предложения за счет создания новых видов товаров, работ и услуг. В бизнесе факторы и параметры рисков более статичны по сравнению с деятельностью антрепренера. Антрепренер действует в ситуации большей неопределенности.

Хорошо известно, что адекватным переводом является тот перевод, который передает не только содержание оригинала, но и его экспрессивно-стилистические особенности. Поэтому вопросы передачи стилистических особенностей лексических и грамматических явлений всегда рассматривались совместно с различными лексическими и грамматическими проблемами перевода.

А теперь рассмотрим пример перевода текста, содержащего экономические термины в сфере образования:

It is well known that adequate translation is that translation which gives not only the meaning of original but expressive and stylish peculiarities.

In education system it is necessary to separate phenomenon connected with innovational combination resources and factors of education process not only from traditional education activities, but from commercial activities. In English language the word "Entrepreneurship" is a synonym for private business. For the first time the idea of entrepreneur appeared in the work of R. Kantilyon "Assay about nature of commerce" where the entrepreneur is a businessman appearing as a managing subject taking risks associated with making a new enterprise or with commercial introduction of advanced idea, new product, or a new kind of service.

Entrepreneurship is a high risked initiative professional commercial activity aimed at creation of new products, services and markets.

At the present time entrepreneurship is called innovative process and occurrences in the organizations. Entrepreneurship is expression of business ability. At the same time such process is not characterized by trend for getting profit. Entrepreneurship is directed on getting regulating tasks and aims of organizations.

Traditional commercial activity economically characterized as its base (the reason of possibility of getting income) is heterogeneity of market conjuncture in time and space: fluctuations of demand and supply, prices, different level of costs in different regions etc.

In commercial activity providing his production of traditional products and services the businessman gets profit minimizing his expenses and selling his products and services at a high price. Moving centers of production to one place and centers of selling to another place fitted most of all, the businessman achieves maximum difference between expenses and profit.

In contrast to commercial activity entrepreneurship creates new markets, builds up demand while supply limited by creating new products, and services. Factors and risk parameters in business are more static in comparison with entrepreneur activity.

Переводы в практической деятельности преподавателей позволяют выявить уровневую подготовку студентов, определить дифференцированный подход к процессу обучения, определяя системность принципов и приемов современной науки в истинности критического познания.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Борликов Г. М.</i> Величие феномена личности Давида Кугультинова – поэтa, философа, гражданина	3
<i>Эфендиев С.И.</i> Давид Кугультинов и мировая художественная литература	7
<i>Пюрвеев В.Д.</i> Гармония души и дарования (лирика Д.Н. Кугультинова)	10
<i>Рябченко Т.Н., Рябченко Д.С.</i> Национальное достояние Народа	12
<i>Санджиев Н.Д.</i> У всех, кто труд свой полюбить сумел... (о поэтическом труде Д. Кугультинова)	13
<i>Чагилов В.Р.</i> Давид Кугультинов и транскультурная идентичность постсовременности	15
<i>Очирова Н.Г.</i> Давид Кугультинов: некоторые грани общественно-политической деятельности	17
<i>Илюмжинов Н.Д.</i> Из яркого созвездия талантов: величие и могущество поэзии Давида Кугультинова	20

Общественно-политический аспект деятельности творческой личности

<i>Богатырева О.В., Гречкина Е.Н.</i> Человек как философская проблема творчества Давида Кугультинова	24
<i>Гагарина О.Ф.</i> Две судьбы, два пути, ведущие к «простоте, добру и правде»	26
<i>Гайнулина С.Н., Скрипниченко А.В.</i> Значение художественного текста при формировании чувственно-эмоциональной сферы юношества (на примере творчества Д. Кугультинова)	29
<i>Гулевская Т.В.</i> Проблема формирования нравственных представлений в творчестве Д.Н. Кугультинова	33
<i>Даржинова С.В., Авлиева М.Н.</i> Поэтический театр Давида Кугультинова	35
<i>Джангуразов М. Х.-М.</i> Этноэкологические аспекты поэзии Д. Кугультинова	36
<i>Доржиева Т.В.</i> Картина мира творческой личности	39
<i>Дугарова Т.Ц.</i> Этническое самосознание и языковая личность	40
<i>Кузьмищев В.А., Павленко Е.Н., Шатохин А.А.</i> Народный феномен	42
<i>Малунова Г.С.</i> Гражданская позиция Давида Кугультинова как общественного деятеля	43
<i>Мамедов Р.Р.</i> Формирование коммуникативных качеств в личности будущего учителя в процессе его профессиональной подготовки	45
<i>Мукаева О.Д.</i> Во имя Правды	46

<i>Настинова Г.Э., Зольванова С.Б.</i> Экологическая этика в поэтическом образе калмыцкой степи Давида Кугультинова	49
<i>Сабанчиев Х. М.-А.</i> Об общественно-политической деятельности Давида Кугультинова	51
<i>Северцев О.В.</i> Патриотизм Давида Кугультинова как фактор консолидации калмыцкого народа (попытка общей постановки вопроса)	54
<i>Ханинова Р.М., Музаева А.В.</i> Тема воспитания в стихах Давида Кугультинова и Михаила Хонинова	56

Актуальные проблемы литературы и фольклора

<i>Бальчинова З.С.</i> «Я был и есть калмык!» (Некоторые особенности лирики Давида Кугультинова 50-х годов)	59
<i>Басангова Т.Г.</i> Йорел «белая дорога» и «Дайте, дайте первую удачу» Кугультинова	60
<i>Биткеев Н.Ц.</i> Фольклорные традиции в творчестве Д. Кугультинова	61
<i>Борлыкова Б.Х.</i> Лирика Д.Н. Кугультинова в современной музыкальной культуре калмыков	65
<i>Буряшова Э.Г.</i> Отражение бытовой культуры калмыков в поэме сказке «Сар Герел» Д.Н. Кугультинова	66
<i>Вавилова Л.Г.</i> Патриотические мотивы в поэзии Д. Кугультинова (из опыта работы)	68
<i>Грешилова И.А.</i> Философия любви в «Грустной песне» Давида Кугультинова	70
<i>Калабекова Н.И.</i> Давид Кугультинов и Алим Кешоков	71
<i>Лиджиев М.А.</i> Художественное своеобразие эпических традиций в поэзии Д.Н. Кугультинова	74
<i>Макарова З.И.</i> Любовная лирика Давида Кугультинова	75
<i>Машукова Ж.А.</i> Национальные истоки и художественное своеобразие лирики Д. Кугультинова и Х. Тхазеплева	79
<i>Мукабенова М.А.</i> Поэма Д.Н. Кугультинова «Бух култэ Бат», как жанр сказки в калмыцкой литературе	81
<i>Олядыкова Л.Б.</i> Магтал Давида Кугультинова	82
<i>Отарова Ф.И., Эфендиева Т.Е.</i> Социально-политическая лирика Д. Кугультинова и К.Кулиева	86
<i>Поляков Н.Н.</i> Тема войны и мира в творчестве Давида Кугультинова	89
<i>Пюрвеева Н.Б.</i> Сказки Д.Н. Кугультинова	93
<i>Салдусова А.Г.</i> Природа как художественный арсенал в поэзии Д.Кугультинова	96
<i>Торогельдиева З.Н.</i> Сходные мотивы пейзажной лирики Давида Кугультинова и Инны Кашежевой	97

<i>Ульбашева Ф.Х.</i> Тема войны в поэзии Давида Кугультинова и Кайсына Кулиева	100
<i>Хабунова Е.Э.</i> Народная мудрость коротких стихов «ahr shu'lgu'd» Д.Кугультинова	102
<i>Ханинова Р.М.</i> Красный тюльпан как метафора жизни и смерти в стихах Д. Кугультинова, М. Хонинова	104
<i>Хатагова М.М.</i> Жанровое многообразие форм творчества Давида Кугультинова и Алима Кешокова	108
<i>Хулхачиева Г.Ш.</i> Музыкально-этнические традиции калмыцкого народа в поэзии Д.Н. Кугультинова	110
<i>Шарапова Н.Н.</i> Применение взаимосвязей русской и калмыцкой литературы в процессе изучения произведений Д.Н. Кугультинова в школе	111

Язык и культура в полиэтнической среде

<i>Бурькин А.А.</i> Картина мира, ономастика и когнитивная лингвистика: вписывается ли ономастика в основания когнитивной лингвистики?	114
<i>Дашинимаева П.П.</i> Переводима ли культура? (или рассуждения о переводе психогерменевтического толка)	116
<i>Есенова Т.С.</i> Полевая модель концепта «родина» в индивидуальной концептосфере поэта Д.Н. Кугультинова	119
<i>Кострамина А.Е.</i> Картина мира как центральное понятие концепции человека	123
<i>Омакаева Э.У.</i> Лексико-синтаксические особенности в поэзии Д. Кугультинова в зеркале переводов на монгольский язык	126
<i>Орулова О.Н.</i> Концептология и картина мира (на примере поэмы «Бунт разума»)	127
<i>Пюрбеев Г.Ц.</i> Из наблюдений над калмыцким языком поэмы «Ухана бушт» (Бунт разума) Д. Кугультинова	128
<i>Санжина Д.Д.</i> Художественный текст как репрезентация концептуальной картины мира	131
<i>Убушиева Б.Э.</i> Человек и время как ключевые слова в публицистике Д.Н. Кугультинова (лексико-стилистические особенности)	132
<i>Ханинова Э.М.</i> Отражение концептуальной картины мира Давида Кугультинова и Михаила Хонинова в английских переводах	134
<i>Хинзеева Д.П.</i> Символика чисел в концептуализации мира у бурят	138
<i>Шангина А.В.</i> Отражение этнических культур в зеркале языка	140
<i>Шигина С.Ю.</i> Тропы и фигуры речи в языке произведений Д.Н. Кугультинова	141

Общие проблемы истории, литературы, языка и культуры

<i>Абисалова Р.П.</i> Восприятие Парижа в книге Э.Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» в романе Г. Газданова «Ночные дороги»	144
<i>Атанасова Р.</i> Концепт «Дом» в калмыцкой поэзии: лирика Риммы Ханиновой	146
<i>Бадмацыренова Н.Б.</i> К вопросу об эвфемистических фразеологических единицах в бурятском языке (на примере поэтических произведений Д. Улзытуева)	150
<i>Бажеева Т.П.</i> Детская коммуникативная компетенция и языковая толерантность как отражение этноязыковых процессов в республике Бурятия	151
<i>Бальжинимаева Ц.Ц.</i> Буряад хэлэнэй угын баялигыг Х. Намсараевой «Үүрэй толон» гэжэ роман соо хэрэглэлгэ	154
<i>Баянова С.Е.</i> Исторические документы как источник изучения проблем региональной диахронной социолингвистики (на материалах правительственной комиссии А.Н. Куломзина, 1897 г.)	157
<i>Былкова Т.Н.</i> Организационно-педагогические условия формирования и развития мотивации учения у детей с задержкой психического развития на уроках русского языка	159
<i>Васильева С.П.</i> Проблемы обучения якутскому языку в университете	162
<i>Восканяну Д.Е.</i> Перевод и анализ общих лексических элементов в тюркских и монгольских языках	164
<i>Гармаева Ю.В.</i> Вечные темы в современной бурятской поэзии	166
<i>Голодная В.Н.</i> Трансформация оценочного знака лексем с базисной отрицательной семантикой в свете концепта «свой – чужой» (на примере пейоратива «bastard»)	169
<i>Горяева Б.Б.</i> Функции загадок в калмыцких народных сказках о мудрой девушке	173
<i>Дамтилова Л.С.</i> Мифоцентрические мотивы в монгольскоязычной поэзии XX века	175
<i>Дондокова Ж.Ц.</i> Проблемы обучения имени существительному в национальной школе	176
<i>Дондокова Р.П.</i> Повышение коммуникативной культуры школьников через коллективную творческую деятельность	178
<i>Дреева Д.М.</i> Диахронно-эволюционный аспект поэтического идиолекта Г. Гейне в контексте современного языкознания	180
<i>Дугаржапова Т.М., Ачитуева И.</i> About the nature of the Buryat verse	183
<i>Дугаров Б.С.</i> Хан Хормуста в эпосе монгольских народов	184

Дулам С. Билге дэмрэлийн угс	187
Жамсаранова Р.Г. Этнокультурная специфика региональной топонимии	190
Захарова В.И. Некоторые проблемы преподавания немецкого языка в неязыковых вузах	194
Зенкова Т.Л. Репрезентация нравственных норм в малых жанрах фольклора (на материале английской и русской лингвокультур)	196
Казакова Е.Ю. К вопросу о категории «молчание»	198
Клименко Г.А. Звукоподражательные слова как средство выражения образительных слов в калмыцком и английском языках	201
Кокшаева Н.О. Письма калмыцкого хана Дондук Даши как эпистолярный источник	204
Кочеткова О.М. Выделение лексических единиц в языке изолирующего типа	205
Кравчук О.С. Национально-региональный компонент в подготовке учителей литературы и мировой художественной культуры	207
Лиханова Н.А. Этнолингвистическое осмысление диалектной лексики ...	209
Осорова С.Г. Картина мира в новом романе Д.Эрдынеева «Уйлын үри» (Расплата)	211
Очур Т.Х. Архетипический образ мифодерева в рассказ-сказке С.Сарыг-оола «Агар-Сандан ыяш» («Дерево Агар-Сандан»)	212
Рассадин В.И., Трофимова С.М. Фразеологические единицы в составе антонимических рядов... ..	214
Рябченко С.А., Янова М.А. Роль национальных языков в диалоге культур	216
Собакина И.В. Переводческие трансформации при переводе сравнений олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» с якутского на французский язык	217
Сундуева Д.Б. Бурятско-русское двуязычие в аспекте регионального языкового образования	219
Толасова И.Б. Русская и осетинская судьба поэзии Артюра Рембо (сонет «Гласные»)	221
Топалова Д.Ю. Фольклорные традиции в аспекте буддизма поэме Риммы Ханиновой «Час речи»	223
Тунч М.Н. Структурная классификация турецких предложений и проблема перевода их на русский язык	227
Тунч Я. Особенности перевода турецких фразеологических единиц	229
Убушиева Д.В. Мифологический мотив «трех миров» (на материале Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар»)	231

<i>Хетагурова Д.К.</i> Трансформация жанра колыбельной песни в лирике символизма (на примере творчества А.И. Токаева)	233
<i>Холоупкова Л.</i> Изучение творчества Д. Равжаа (1803-1856) в Монголии	235
<i>Язев А.А., Манчук Е.П.</i> Вопросы перевода	236

Научное издание

**ФЕНОМЕН ЛИЧНОСТИ
Д. КУГУЛЬТИНОВА – ПОЭТА, ФИЛОСОФА
И ГРАЖДАНИНА**

Материалы международной научной конференции

Компьютерная верстка Т.Е. Хахулин

Подписано в печать 25.12.06. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 14,18. Тираж 200 экз. Заказ №622.

Издательство Калмыцкого университета
358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

